

Алла Сергеевна Намазова

БЕЛЬГИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1830 года

М.: Наука. 1979

Ответственный редактор д.ист.н. *Б.Г.Вебер*

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2008

Тематически связанные материалы:

А.Намазова. Брабантская революция 1787-1790 гг.

http://vivovoco.rsl.ru/VV/JOURNAL/NEWHIST/01_06/BRABANT.HTM

А.Намазова. Парижские коммунары в Бельгии

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p151294013.htm#542319038>

Г.Бауман. Великая французская революция и Нидерланды

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p64054173.htm>

Исследования по истории Июльской монархии во Франции

<http://www.diary.ru/~vive-liberta/?tag=549041>

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

Глава первая. ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В БЕЛЬГИИ

НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1830 г.

Экономическое развитие бельгийских провинций

в период голландского господства (1815—1830 гг.)

Положение рабочего класса

Классовые и политические противоречия в объединенном королевстве.

Предпосылки бельгийской революции

Глава вторая. БЕЛЬГИЙСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1830 г.

Влияние Июльской революции во Франции

на события августа—сентября 1830 г. в Бельгии

Сражение в Брюсселе 23—26 сентября. Победа восставшего народа.

Образование Временного правительства

Национальный конгресс. Выработка конституции

Глава третья. ЛОНДОНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ.

ОБРАЗОВАНИЕ НЕЗАВИСИМОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛЬГИИ

Угроза европейской войны, позиции великих держав

в бельгийско-голландском конфликте

Споры о кандидатуре на бельгийский престол. Договор в 18-ти статьях,

отношение к нему Бельгии и Голландии

«Кампания десяти дней». Новый договор в 24-х статьях от 15 октября 1831 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приложение. Документы из Архива внешней политики России (не публ.)

Библиография

Именной указатель (не публ.)

ВВЕДЕНИЕ

Малые страны Западной Европы, в том числе и Бельгия, в последние годы привлекают большое внимание советских историков. Различные аспекты новейшей истории этой страны нашли освещение в работах Ю. Н. Панкова¹, Е. В. Рубина², Л. И. Соловьевой³, М. А. Неймарк⁴, Е. Павличук⁵. Однако проблемы новой истории Бельгии советскими исследователями до сих пор почти не изучались⁶.

Небольшая по размерам территории и численности населения, Бельгия в силу выгодного географического положения издавна служила объектом военной и политико-экономической экспансии крупных европейских держав. Она неоднократно становилась театром военных действий, и не будет преувеличением сказать, что в Европе почти не было войны, которая не

¹ *Панков Ю. Н.* Современная Бельгия. М., 1963; *Он же.* Рабочее движение в Бельгии. 1945—1966. М., 1966; *Он же.* Бельгийская социалистическая партия.— *Мировая экономика и международные отношения*, 1964, № 12.

² *Рубина Е. В.* Современная Бельгия. М., 1945.

³ *Соловьева Л. И.* Положение и борьба рабочего класса Бельгии. 1958—1968. М., 1969.

⁴ *Неймарк М. А.* Бельгийская социалистическая партия: идеология и политика. 1945—1975. М., 1976. По этой теме автор опубликовал ряд статей в журналах.

⁵ *Павличук Е.* Кризис социально-политической структуры Бельгии.— В кн.: Социально-политические сдвиги в странах развитого капитализма. М., 1971.

⁶ Следует указать лишь вступительную статью профессора А. И. Молока в журнале «Красный архив» (1941, № 1) к публикации некоторых документов из Архива внешней политики России, касающихся событий бельгийской революции 1830 г., а также кандидатскую диссертацию М. Свердловой «Рабочее движение в Бельгии и I Интернационал (1865—1869 гг.)» (МГУ, 1948).

воснулась бы территории этой страны. Интересы крупных государств Европы тесно переплетались в Бельгии, столкновение этих интересов играло немалую роль в создании самостоятельной независимой Бельгии, и еще большую, пожалуй, в ее дальнейшей политической жизни, вплоть до сегодняшних дней. Однако следует подчеркнуть, что на протяжении всей истории подчинения Бельгии различным странам и правительствам ее народ упорно стремился к самостоятельности.

Начиная с битвы при Куртре в 1302 г., когда фламандцы наголову разбили французскую королевскую армию, в бельгийской истории было немало славных страниц. Среди них достойное место занимали революционные выступления народных масс, в частности Гентское восстание 1539—1540 гг., исследованное советским историком А. Н. Чистозвоновым⁷, брабантская революция конца XVIII в. и, наконец, бельгийская буржуазная революция 1830 г. Бельгийские провинции, входившие в состав Нидерландов, стали ареной ранней буржуазной революции XVI в.⁸, сочетавшей в себе антифеодальную борьбу с национально-освободительной войной против испанского господства.

Нидерландская революция на территории Бельгии завершилась реставрацией испанского господства и католицизма, феодальной реакцией. Северные же Нидерланды (Голландская республика) добились независимости, и с тех пор развитие Южных Нидерландов, т. е. Бельгии, и Северных Нидерландов пошло в различных направлениях.

В начале XVIII в., после войны за испанское наследство, Бельгия переходит под власть династии Габсбургов и превращается в австрийскую провинцию. Но переход от одних властителей к другим нисколько не улучшил экономического и политического положения Бельгии. До самого конца XVIII в. Бельгия оставалась отсталой страной, в которой хозяйничали феодальцы и католическое духовенство и которую обирала сначала испанская, а затем австрийская королевская власть, ее наместники и чиновники.

В 1794 г. бельгийские провинции освободились от почти векового австрийского господства, подорванного в значительной сте-

пени брабантской революцией 1789—1790 гг., и затем были включены в состав Франции⁹.

Сравнительно недолгий период французского господства оставил в Бельгии глубокие следы. Главные завоевания Великой французской революции: уничтожение сословного феодального порядка, гражданское равенство, введение общего для страны французского законодательства, а также административного и судебного устройства и, наконец, провозглашенная французами свобода судоходства по Шельде (закрытой до того в течение 144 лет) — имели большое значение для развития бельгийских провинций, дали толчок росту торговли и промышленности, способствовали росту буржуазии и рабочего класса.

После поражения Наполеона судьбу покоренных им народов, в том числе и бельгийского, должен был решить Венский конгресс. Его участники — страны-победительницы стремились прежде всего перекроить карту Европы, подвергнушуюся большим изменениям в результате завоевательной политики Наполеона Бонапарта.

Венский конгресс, как известно, увековечил политическую раздробленность Германии, Италии и Польши. Грабительский характер актов Венского конгресса раскрыл Ф. Энгельс. В работе «Положение в Германии» Энгельс называл Венский конгресс «конгрессом крупных и мелких деспотов», собравшихся для того, «чтобы разделить награбленное добро и денежное премии и выяснить, в какой мере может быть восстановлено дореволюционное положение вещей. Народы покупались и продавались, разделялись и соединялись, исходя только из того, что больше отвечало интересам и намерениям их правителей»¹⁰.

Одним из актов Венского конгресса было создание в Европе нового государства — Нидерландского королевства, насильно соединившего бельгийский народ, вопреки его экономическим интересам, языку и религии, с Голландией.

Инициатором этого была английская дипломатия, которая стремилась создать из объединенной Бельгии и Голландии более сильное государство, способное противостоять Франции. Еще в начале 1814 г. английские дипломаты начали активную подготовку к заключению соответствующей конвенции. Лондонский кабинет предложил союзным державам присоединить бельгийские

⁷ Чистозвонов А. Н. Гентское восстание 1539—1540 гг. М., 1957.

⁸ Диренн А. Нидерландская революция. М., 1937; Чистозвонов А. Н. Нидерландская буржуазная революция XVI в. М., 1958; Он же. Роль народных масс в Нидерландской буржуазной революции (1566—1609). М., 1958.

⁹ См.: Французская буржуазная революция 1789—1794 гг. Под ред. В. П. Волгина и Е. В. Тарле. М.—Л., 1941.

¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 568.

провинции к Голландии. Император Александр I одобрительно отнесся к английскому предложению. Однако в ноте от 22 февраля 1814 г.¹¹ министр иностранных дел России К. В. Нессельроде известил лорда Каслри, что царь согласится на увеличение территории Голландии, если Голландия и Англия возьмут на себя уплату части долга России, полученного ею в виде займа от голландского банкирского дома Гоппе и К^о. Русское предложение вызвало возмущение английского министра, который решительно отказался представить парламенту такую комбинацию. Но с марта 1815 г. в настроениях английского кабинета произошли существенные изменения, и уже 7 мая, т. е. за три недели до подписания акта о создании Нидерландского королевства, русский посол в Англии Х. А. Ливен, лорд Каслри и нидерландский уполномоченный подписали конвенцию о переводе части русского долга в 50 млн. флоринов на Англию и Голландию. Король Нидерландов охотно согласился на эту сделку, «желая должным образом вознаградить союзные державы за освобождение его страны», а также за аннексию Бельгии, на которую он не имел ни малейшего права». Что же побудило Англию изменить свое первоначальное мнение? Как писал К. Маркс, причиной этого было желание Англии «компенсировать Голландию за учиненный по отношению к ней грабеж — захват ее колоний у мыса Доброй Надежды, а также Демерары, Эссекибо и Бербиса»¹².

Таким образом, акт о создании Нидерландского королевства можно рассматривать как сделку, весьма выгодную великим державам, интересы же народов они не принимали в расчет.

Талейран, участвовавший в Венском конгрессе, в своих мемуарах справедливо писал: «Создание нового Нидерландского королевства, решенное еще до заключения мира, было, несомненно, враждебным против Франции меропрятием; оно было задумано с целью создания вблизи нее неприятельного к ней государства, которое потребность в защите делала естественным союзником Англии и Пруссии. Следствия этого замысла казались мне, однако, менее опасными для Франции, чем это предполагалось, т. к. молодому королевству предстояла большая работа по своему укреплению. В самом деле, составленное из двух стран, разделенных старинной враждой, противоположных по стремлениям

¹¹ *Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1895, т. 11. Трактаты с Англией, с. 218.

¹² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 9, с. 384.

и интересам, оно на долгие годы обречено быть слабым и неустойчивым»¹³. Последующие события подтвердили мнение французского дипломата. Новое государство оказалось непрочным.

Июльская революция 1830 г. во Франции всколыхнула революционное движение во многих странах Европы. В сентябре 1830 г. вспыхнули волнения в некоторых государствах Германского союза (Саксонии, Брауншвейге, Гессене, Ганновере, Баварии), в результате которых там были введены либеральные конституции и возобновлены аграрные реформы. 29 ноября 1830 г. началось восстание в Варшаве, подавленное царскими войсками только в сентябре 1831 г.

В феврале 1831 г. произошли восстания в итальянских герцогствах Парме и Модене и в принадлежавшей папе римскому Романье. Эти выступления были подавлены австрийцами. Под влиянием Французской революции усилилась борьба за парламентскую реформу в Англии, за демократизацию швейцарской республики, борьба против абсолютистской реакции в Испании. Таким образом, почти вся Европа находилась в состоянии революционного брожения. Оценивая влияние Июльской революции во Франции на подъем революционного движения в Европе, Ф. Энгельс писал: «...три дня в Париже дали сигнал для общего взрыва недовольства буржуазии, аристократии и народа во всей Европе. Аристократическая польская революция была подавлена; французской и бельгийской буржуазии удалось обеспечить себе политическую власть. Английская буржуазия также добилась этой цели посредством билля о реформе. Восстания в Италии, частью народные, частью буржуазные, частью национальные, были подавлены. А в Германии многочисленные восстания... свидетельствовали о наступлении новой эры оживления народных и буржуазных движений»¹⁴.

Однако наибольшее влияние Французская революция имела на соседнюю с ней Бельгию, которая в течение 15 лет томилась под игом голландского господства. 25 августа 1830 г. революция вспыхнула в Брюсселе, затем охватила почти все крупные города Бельгии и закончилась отделением Бельгии от Голландии и образованием самостоятельного бельгийского государства. Говоря о значении бельгийской революции в статье «Дебаты о свободе печати», К. Маркс писал: «Ни один человек с некоторым историческим образованием не станет отрицать, что отделе-

¹³ *Талейран Ш.* Мемуары. М., 1959, с. 316.

¹⁴ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2, с. 577.

ние Бельгии от Голландии было в несравненно большей степени историческим событием, чем их соединение»¹⁵.

В ряду буржуазных по своему классовому содержанию революций бельгийская революция занимает относительно скромное место. Однако для истории Бельгии и для истории европейских отношений первой половины XIX в. она имела большое значение. Если французская Июльская буржуазная революция 1830 г. закончилась лишь сменой одной династии другой, то бельгийская революция, по существу, нанесла один из самых тяжелых ударов всей реакционной системе Священного союза.

Установленное Венским конгрессом пренебрежение к правам наций и попрание национального принципа были опровергнуты бельгийской революцией 1830 г. Трактаты Венского конгресса, определившие так называемое «политическое равновесие» в Европе, оказались неосуществимыми в новой ситуации. Эта революция привела к освобождению бельгийцев от ненавистного голландского гнета и к образованию самостоятельного бельгийского государства, что, безусловно, было важным шагом к ниспровержению всей системы Священного союза.

Вопрос о том, как отнестись к бельгийской революции, имел для всех европейских держав большое политическое значение. С осени 1830 г. и почти до конца 1831 г. бельгийский вопрос был одним из центральных вопросов европейской дипломатии и решался он на Лондонской конференции представителями пяти государств — России, Англии, Франции, Австрии и Пруссии. В течение почти целого года дипломаты решали судьбу маленькой Бельгии и долго не могли выработать таких условий существования нового государства, которые примирили бы противоречивые интересы участников Лондонской конференции. После длительных дипломатических переговоров независимость Бельгии была признана великими державами Европы.

Проблемы бельгийской революции 1830 г. мало изучены советскими историками. В советской исторической литературе нет ни одной работы, специально посвященной данному вопросу. Между тем эта проблема — одна из важных и в истории самой Бельгии, и в истории европейских отношений первой половины XIX в. Она самым тесным образом связана с Июльской революцией во Франции, с завоеванием Бельгией независимости впервые в многовековой истории ее существования.

Обращаясь к изучению этого важного периода в истории

Бельгии, мы ставим своей задачей: исследовать предпосылки революции, ее ход, характер и движущие силы, рассмотреть различные аспекты в деятельности Лондонской конференции, которая должна была решить судьбу Бельгии; изучить позиции царской России, Англии, Франции, Пруссии и Австрии в сложном бельгийско-голландском конфликте; показать причины, побудившие державы, примыкавшие к Священному союзу, отказаться от вооруженной интервенции в Бельгию и, в конечном итоге, признать независимость этой страны.

Работа написана на основе изучения архивных и иных документальных источников, а также литературы, в основном зарубежной.

Важным источником для изучения вопроса являются документы Архива внешней политики России. Эти документы, с одной стороны, освещают события бельгийской революции, а с другой —

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 42.

раскрывают интриги европейской дипломатии в бельгийско-голландском конфликте. Русские дипломаты внимательно следили за событиями в Бельгии и в своих донесениях сообщали о настроениях бельгийской оппозиции, «об ужасных событиях» августа — сентября 1830 г., подробно освещали ход самой революции. Н. Д. Гурьев и Ф. Голицын относились к бельгийской революции резко враждебно. «Сумасбродные и преступные элементы», «сборище негодяев и бандитов» — так называл Н. Д. Гурьев восставших бельгийцев. Царские дипломаты в своих депешах утверждали, что Бельгия оказалась жертвой заговора, подготовленного Францией, тогда как фактически недовольство голландским режимом проявлялось с первых дней существования Нидерландского королевства, а Июльская революция во Франции явилась лишь толчком для решительных выступлений во всех крупных городах Бельгии. Следует отметить также, что в приложениях ко многим донесениям сохранились наиболее интересные номера бельгийских газет, ставших теперь большой редкостью, и это, безусловно, повышает значение фондов АВПР, особенно если учесть, что бельгийская пресса того времени в московских и ленинградских библиотеках отсутствует.

Первая публикация документов из Архива министерства иностранных дел царской России, относящихся к периоду бельгийской революции 1830 г., была осуществлена в 1920 г. голландским историком А. Т. Коленбрандером¹⁶.

Нами использованы также материалы и других архивов: ЦГАЛИ¹⁷, ЦГИА¹⁸ и Пушкинского дома¹⁹.

Бельгийские источники по истории революции более многочисленны. Сразу, по горячим следам событий, в Брюсселе были изданы многие документы бельгийской революции. Это прежде

всего «События в Брюсселе с 25 августа 1830 г. и в последующие дни»²⁰, где опубликованы прокламации, афиши брюссельского магистрата, прокламации короля и принцев к бельгийскому народу. Книга, изданная в Париже, «События в Брюсселе и других городах Нидерландского королевства»²¹ более полно отражает события революции, в ней опубликованы прокламации и афиши, вышедшие не только в Брюсселе, но и в других городах — Генте, Льеже, Намюре и др. Много ценных документов опубликовано в книге «Бельгия в 1830 г. и документы, касающиеся истории восстания»²². В 1832—1833 гг. в Лондоне были изданы протоколы Лондонской конференции по бельгийскому вопросу²³.

Сравнительно недавно профессор Лувенского университета Шарль Терлинден осуществил публикацию, в основу которой были положены документы революции, тщательно собранные дедом Терлиндена, генерал-лейтенантом Эненсом²⁴.

В 1844—1845 гг. в Брюсселе были изданы протоколы всех заседаний Национального конгресса в пяти томах²⁵. В них содержатся материалы интересных дискуссий, которые велись по различным вопросам, например об устранении на вечные времена с бельгийского престола династии Оранских, о будущей форме правления и т. д. В пяти томах опубликованы многочисленные дипломатические документы.

Важным источником для изучения вопроса является пресса. Как уже указывалось, в хранящихся в АВПР донесениях царских послов удалось обнаружить много ценных номеров бельгийских и голландских газет. Это прежде всего «*Courrier des Pays-Bas*» за 1828, 1828 и 1829 гг., «*Gazette des Pays-Bas*» за те же годы²⁶, «*Journal de Bruxelles*»²⁷ за 1822, 1823, 1825, 1826 и

¹⁶ *Colenbrander H. T. Gedenkstukken der Algemeene Geschiedenis van Nederland. D.III.1830—1840. Hage, 1920.*

¹⁷ ЦГАЛИ, ф. П. А. и П. П. Вяземских (ф. 195), оп. 1, д. 5083.

¹⁸ В ЦГИА в Ленинграде использованы: ф. 1281, оп. 11, д. 5, 28, 44, 47, 54б, 55, 60, 70а, 144, 148, 189; ф. 1286, оп. 5, д. 764. Эти документы представляют собой обозрения и отчеты губернаторов различных губерний царской России за 1830—1831 гг. Из отчетов ясно видно тяжелое экономическое положение царской России в те годы, ставшее одной из причин отказа России от интервенции в Бельгию.

¹⁹ В Пушкинском доме (ИРЛИ) нам удалось обнаружить две неопубликованные статьи о князе П. Б. Козловском, очевидце бельгийской революции [статья А. Н. Пыпина (ф. 250, оп. 1, д. 140, л. 1—6), а также статья О. А. Пржевальского (ф. 265, оп. 2, д. 2138)]. Нами использованы и документы из архива Н. И. Тургенева.

²⁰ *Evénements de Bruxelles du 25 août 1830 et jours suivants. Bruxelles, 1830.*

²¹ *Evénements de Bruxelles et des autres villes du Royaume des Pays-Bas. Paris, 1830.*

²² *La Belgique en 1830, où documents pour servir à l'histoire de son insurrection. Paris, 1831, v. 1—2.*

²³ *Protocoles of Conferences in London Relative to the Affaires of Belgium. London, 1832—1833.*

²⁴ *Terlinden Ch. La Revolution de 1830. Racontée par les affiches. Bruxelles, 1954.*

²⁵ *Discussions du Congrès National de Belgique (1830—1831). Bruxelles, 1844—1845, v. 1—5.*

²⁶ АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 887, 890.

²⁷ Там же, д. 869, 883, 885.

1827 г., «Le Belge»²⁸ за 1826 г., «Courrier de la Meuse»²⁹ за 1829 г., а также официальные правительственные газеты «Journal officiel du Royaume des Pays-Bas»³⁰ за 1816 г. и «Journal de la Haye»³¹ за 1830 и 1831 гг. В газетах, которые царские дипломаты посылали в Петербург, опубликованы наиболее важные постановления нидерландского правительства, а также довольно подробно освещены события бельгийской революции.

Во французской «Journal des débats» за 1830—1831 гг. помещены перепечатки из бельгийских газет, в основном из «Courrier des Pays-Bas», с описанием происходившего в Бельгии восстания. В парижской «Gazette des Tribunaux»³² за 1831 г. был помещен отчет о заседаниях парижской судебной палаты, на которых рассматривался вопрос об антиправительственном заговоре. По ходу следствия выяснилось, что один из обвиняемых — Дюэ принимал активное участие в подготовке экспедиции отряда волонтеров в Бельгию. Эти сведения, почерпнутые из «Gazette des Tribunaux», чрезвычайно ценны для нас, так как показывают, какой живой отклик находили бельгийские события в среде французских республиканцев (почти все обвиняемые на суде были членами «Общества друзей народа»).

Русская газета «Московские ведомости» помещала детальное описание бельгийской революции, ссылаясь на бельгийские и голландские газеты, но, кроме того, здесь часто можно встретить отрывки из депеш русских дипломатов, правда, без указания источников. Сопоставление текста депеш Гурьева и Голицына с некоторыми выдержками из «Московских ведомостей» позволяет сделать такой вывод. В газете были опубликованы тексты прокламаций голландского короля и его сына Вильгельма Оранского. Общий тон статей «Московских ведомостей» — враждебный по отношению к бельгийскому народу, который газета почти всегда называет «чернью, подстрекаемой злонамеренными людьми»³³.

Сразу же после известий об Июльской революции во Франции царское правительство предприняло меры против их распространения по стране. По приказу царя III отделение разослало во все жандармские округа России секретные предписа-

²⁸ АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 883.

²⁹ Там же, д. 890.

³⁰ Там же, д. 883.

³¹ Там же, д. 9234.

³² Gazette des Tribunaux, Paris, 1831, N 1771—1772.

³³ Московские ведомости, 1830 г., 8 окт.

ния, согласно которым необходимо было сохранять в тайне все новости из Франции. Царь запретил печатать что-либо об июльских событиях в русских газетах и журналах. Иностранная пресса задерживалась на почте и не выдавалась подписчикам. Но, несмотря на эти запреты, французские новости просачивались в Россию и с большим воодушевлением обсуждались в студенческих кругах, в квартирах разночинцев и в военных лагерях. Русская пресса: «Литературная газета», «Московский телеграф», «Телескоп» — с сочувствием отнеслась к французской революции³⁴. Однако ни в «Телескопе», ни в «Московском телеграфе» за 1830—1831 гг. нам не удалось обнаружить каких-либо сообщений или высказываний о бельгийской революции. Вероятно, это можно объяснить двумя причинами: во-первых, сдерживал запрет царя печатать сообщения о революционных событиях вообще, во-вторых, французская революция произвела на русское общество, несомненно, большее впечатление, чем бельгийская. Многие русские были в это время во Франции: Н. Д. Киселев, Ф. И. Иордан, С. Д. Полторацкий, М. М. Кирьянов, А. И. Философов, А. И. Тургенев и др.³⁵ Они в своих письмах близким, в статьях, воспоминаниях, дошедших до нас, нарисовали волнующую картину переворота. В Бельгии же в этот период, пожалуй, единственными представителями России были царские дипломаты — Гурьев и Голицын, по донесениям которых мы можем судить о бельгийской революции.

Большую ценность представляют многочисленные мемуары самих участников революции: Луи де Поттера, Ван Галена, Жана-Батиста Нотомба, Константина Роденбаха, Адольфа Бартельса, барона де Герлаха. Особенно интересны мемуары Луи де Поттера, который в 1827—1830 гг. был главой либерально-демократической оппозиции. Именно он провозгласил лозунг союза либералов и католиков и развернул в печати кампанию в защиту конституционных свобод. За критику политики голландского правительства де Поттер был привлечен к суду, а затем заключен в тюрьму. В начале 1830 г. де Поттер был приговорен судом к изгнанию из королевства на восемь лет. Бельгийская революция застала де Поттера в Париже, откуда он вернулся в Брюссель 28 сентября. В двух томах воспоминаний³⁶ де Поттер подробно

³⁴ См. об этом подробнее: Орлик О. В. Россия и французская революция 1830 г. М., 1968.

³⁵ Там же, с. 29.

³⁶ Potter L. de. Souvenirs personnels. Bruxelles, 1839, v. 1—2.

описывал августовские и сентябрьские события в Бельгии. В книге опубликована часть переписки де Поттера с его единомышленником Тильмансом, помещены знаменитые письма де Поттера голландскому королю, широко обсуждавшиеся бельгийской общественностью накануне революции. Новую страницу в биографии де Поттера раскрывает работа известного прогрессивного итальянского историка, знатока Буонарроти — Галанте Гарроне³⁷. В книге освещается парижский период жизни де Поттера, где он встречался с Филиппом Буонарроти. Нам представляется спорным мнение Галанте Гарроне о значительном влиянии Буонарроти и его идей на де Поттера. Де Поттер не только не был последовательным бабувистом, более того, он был далек вообще от эгалитаристских идей. Но, несомненно, де Поттер испытал на себе обаяние сильной личности знаменитого революционера. Он способствовал выходу в свет книги Буонарроти³⁸.

Большой интерес представляют опубликованные совсем недавно, в 1971 г.³⁹, греческим историком Еленой Пападопулос два письма Буонарроти, связанные с шумным процессом, который учинили над бельгийским демократом голландские власти. В частности, в одном из писем Буонарроти прямо указывал, что де Поттер способствовал опубликованию его книги: «...участие, которое де Поттер принял в публикации моего труда, было публично поставлено ему в упрек как доказательство его несправедливости к королям и его анархических склонностей. Однако в его деле речь идет не о демагогии, не о восстании, но единственно и исключительно о строгом выполнении основного закона»⁴⁰.

В 1960 г. бельгийский историк Кюйперс опубликовал интересное исследование⁴¹ о Буонарроти и тайных обществах в Бельгии, опираясь на документы, принадлежавшие одному из учеников Буонарроти, Феликсу Дельхассу, ранее неизвестные.

Из работ участников революции представляет интерес труд Жана-Батиста Нотомба — адвоката по профессии, члена бельгийского Национального конгресса и дипломатического комитета,

а также комитета по выработке конституции. В своей книге⁴² он исследует причины трех революций в Бельгии: революции XVI в., брабантской и революции 1830 г., подробно рассматривает борьбу двух партий — католической и либеральной накануне революции 1830 г., деятельность Временного правительства, Национального конгресса.

Барону Нотомбу посвящен двухтомный труд крупного бельгийского историка Теодора Жюста⁴³, причем во втором томе опубликована большая часть речей, произнесенных Нотомбом в Национальном конгрессе, в палате представителей и сенате.

Константин Роденбах, один из участников революции, в своих мемуарах, вышедших в свет в Брюсселе в 1833 г.⁴⁴, описал ход революции в городах Западной и Восточной Фландрии — Брюгге, Остенде, Сен-Никола, Генте, а также военную кампанию, вошедшую в историю Бельгии под названием «кампании десяти дней».

О событиях революции 1830 г. в Западной и Восточной Фландрии рассказал в своих мемуарах один из редакторов гентской газеты «Le Catholique», Адольф Бартельс⁴⁵. Он полагал, что революция 1830 г. в Бельгии — событие чисто случайное, что сами бельгийцы не хотели ее. В своем предисловии Бартельс пишет: «Бельгийская революция недостаточно понята иностранными государствами, и менее всего она понята Францией. Что касается самих бельгийцев, то, за исключением разве инициаторов или участников восстания, лишь немногие понимают ее. Стихийная сила вызвала ряд событий, в которых содействие, оказанное революции со стороны тех или других лиц, было чисто случайным: никто или почти никто из бельгийцев не желал революции, а между тем оказалось, что все подготавливали то, что свершилось. Большинство из нас не знало, куда мы идем, и вот почему мы зашли так далеко»⁴⁶. Дальше Бартельс, противореча самому себе, указывает: «Мы отнюдь не были инициаторами бельгийской революции, по нашему мнению, революция была вполне законной, хотя и преждевременной. Как бы то ни было, вследствие внешних обстоятельств она стала неизбежной, и с

³⁷ Galante Garrone A. Filippo Buonarroti e i rivoluzionari dell'ottocento. Torino, 1951.

³⁸ Ibid., p. 105. Имеется в виду кн.: Buonarroti Ph. Conspiration pour l'égalité dite de Babeuf. Bruxelles, 1828, vol. 1—2.

³⁹ Annales historiques de la révolution française, Paris, 1971, N 206.

⁴⁰ Ibid., p. 618.

⁴¹ Kuypers I. Les égalitaires en Belgique. Buonarroti et ses sociétés secrètes. Bruxelles, 1960.

⁴² Nothomb J.-B. Essai historique et politique sur la révolution belge. Bruxelles, 1833.

⁴³ Juste Th. Le baron Nothomb. Bruxelles, 1874, v. 1—2.

⁴⁴ Rodenbach C. Episodes de la révolution dans les Flandres 1829, 1830, 1831. Bruxelles, 1833.

⁴⁵ Bartels A. Les Flandres et la révolution belge. Bruxelles, 1834.

⁴⁶ Ibid., p. 1.

этого момента все наши усилия были направлены на то, чтобы ускорить революцию и вытащить ее из тины»⁴⁷.

Несмотря на эти и другие весьма противоречивые суждения, книга Бартельса представляет определенный интерес. Бартельс рассматривает причины революции, борьбу двух партий и их сближение накануне революции, подробно освещает деятельность бельгийской прессы, сыгравшей немалую роль в предреволюционные месяцы. Ценна эта работа еще и тем, что в ней полностью воспроизведены тексты многих королевских постановлений, а также прокламации и афиши революционных дней.

К числу первоисточников можно отнести и обширный труд очевидца революции Варньи, изданный в Брюсселе в 1830 г.⁴⁸ В книге подробно, день за днем, излагаются события бельгийской революции с 25 августа до 29 сентября. В приложении Варньи дает сведения о жертвах революции. Эти таблицы наглядно подтверждают вывод о том, что важнейшую роль в бельгийской революции играли народные массы. Варньи приводит также данные о численности бельгийской и голландской армий, рассказывает о революции не только в Брюсселе, но и в провинциальных городах — Льеже, Тирлемоне, Лувене, Эно, Намюре, Лимбурге и Люксембурге.

Своеобразным источником являются мемуары Талейрана, который был представителем Франции на Лондонской конференции 1830—1831 гг. Четыре тома мемуаров Талейрана вышли в Париже в 1891 г.⁴⁹ Особый интерес представляют третий и четвертый тома, которые освещают деятельность Талейрана в качестве посла Луи-Филиппа в Лондоне в 1830—1834 гг. Мемуары Талейрана полны важных деталей, тонких оценок лиц и событий.

На Лондонской конференции были окончательно установлены границы Бельгии. Талейран, пытаясь выгадать что-нибудь для Франции, натолкнулся на упорное сопротивление лорда Пальмерстона. Однако французскому дипломату удалось добиться принятия трактата, по которому на франко-бельгийской границе были скрыты все крепости, сооруженные для защиты от Франции. При установлении границы между Бельгией и Голландией Талейран оказался удивительно благожелательным по отношению

⁴⁷ *Bartels A. Op. cit.*, p. 5.

⁴⁸ *Wagny. Esquisses historiques de la révolution de la Belgique en 1830.* Bruxelles, 1830.

⁴⁹ *Mémoires de prince de Talleyrand.* Paris, 1891, v. 1—4.

к Голландии, и Бельгия получила там несколько меньше, чем ожидала. Эта покладистость Талейрана была объяснена лишь 100 с лишним лет спустя, в 1934 г., когда голландский государственный архив опубликовал документы, уличавшие Талейрана в том, что он получил от голландского короля Вильгельма I взятку в 15 тыс. ф. ст. золотом⁵⁰.

В монографии также использован сборник «Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами»⁵¹, составленный известным русским дипломатом и юристом XIX в. Федором Мартенсом. В нем опубликованы тексты трактатов, многие важные дипломатические документы (в работе использован XI том — трактаты с Англией). В подробном комментарии Мартенса к этим документам приведены выдержки из переписки Х. А. Ливена и А. Матушевича, представителей России на Лондонской конференции, с К. В. Нессельроде. Но к этому историческому комментарию следует относиться критически, так как Мартенс заведомо предвзято судит о позиции других держав в этом вопросе.

Большой интерес представляют документы из архива князя А. И. Чернышева, опубликованные в «Сборнике императорского русского исторического общества». Помимо донесений Чернышева, военного министра России, здесь есть несколько писем Дибича Забалканского, касающихся бельгийской революции. Известно, что Дибич Забалканский, ярый реакционер и крепостник, отпрыск немецких феодальных баронов, пользовался исключительным доверием Николая I. В сентябре 1830 г. Дибич был послан в Берлин для выработки плана совместных военных действий России, Австрии и Пруссии против Франции и Бельгии. Однако военное вторжение во Францию и Бельгию не состоялось по причинам, о которых будет сказано ниже.

*

Методологической основой исследования являются исторически материализм, идеи классиков марксизма-ленинизма. К. Маркс, Ф. Энгельс, В. И. Ленин рассмотрели в своих трудах проблемы международных отношений первой трети XIX в. Хотя у основоположников марксизма нет работ, специально посвященных бельгийской революции, но в отдельных статьях говорится о зна-

⁵⁰ История дипломатии. М., 1959, т. 1, с. 552.

⁵¹ *Мартенс Ф. Указ. соч.*

чении Венского конгресса (Ф. Энгельс «Положение в Германии»⁵², К. Маркс «Вопрос об Ионических островах»⁵³); акт о создании Нидерландского королевства расценивался К. Марксом как коммерческая сделка между великими державами Европы⁵⁴. В статье «Дебаты о свободе печати»⁵⁵ К. Маркс характеризовал бельгийскую революцию как духовную, как революцию печати.

Анализ положения бельгийского рабочего класса дан Марксом в XXIII главе первого тома «Капитала»⁵⁶. Хотя он имел в виду положение рабочих современной ему Бельгии, характеристику, данную Марксом, можно с полным правом отнести к изучаемому нами периоду. На основании специальной литературы, касающейся положения пролетариата (о ней речь будет идти ниже), удалось установить, что заработная плата бельгийских рабочих в течение 50 лет почти не изменилась и, следовательно, жизнь бельгийского пролетариата 60-х годов мало чем отличалась от положения рабочих 30-х годов XIX в.

Работа Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии», которую В. И. Ленин относил к лучшим произведениям мировой социалистической литературы, имеет большое значение при рассмотрении вопроса об экономическом развитии провинций и о положении бельгийского рабочего класса. 20—30-е годы XIX столетия явились для Бельгии периодом промышленной революции, в бельгийских провинциях происходил тот же процесс «массового обобществления труда капитализмом», что и в Англии, правда на 30—40 лет позднее.

В методологическом отношении важна также работа В. И. Ленина «Развитие капитализма в России»⁵⁷. В ней В. И. Ленин охарактеризовал крупную машинную индустрию, доказав закономерность перехода от мануфактурной стадии капитализма к фабрике как высшей ступени капитализма в промышленности, проанализировал глубокие противоречия и пороки капиталистического строя. Указанные В. И. Лениным особенности мануфактурной стадии имеют большое значение и при изучении развития капитализма в Бельгии.

⁵² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2.

⁵³ Там же, т. 12.

⁵⁴ Там же, т. 9, с. 384.

⁵⁵ Там же, т. 1.

⁵⁶ Там же, т. 23.

⁵⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3.

Историческая литература о бельгийской революции стала появляться сразу, по горячим следам событий. Это прежде всего, как мы уже отмечали, мемуары участников революции — Луи де Поттера, Ван Галена, Нотомба, Бартельса, Роденбаха. Изучением бельгийской революции занимались и ее зарубежные современники. Так, в 1835 г. в Лондоне вышла книга Ч. Уайта⁵⁸, которая уже в следующем году была переведена на французский язык и вышла в Брюсселе⁵⁹. Несколько позднее, в 1860 г., в Бельгии была издана книга итальянца Карло Джемелли⁶⁰. Следует отметить трехтомную монографию Шарля де Лётра⁶¹, в которой изучена борьба двух партий — либеральной и католической — накануне революции, процессы над деятелями прессы, в частности дело Луи де Поттера.

Большой интерес представляет выпущенная в свет в 1835 г. в Париже книга де Бекура⁶². Де Бекур дает характеристику Июльской революции во Франции, говорит о причинах бельгийской революции и о влиянии, которое оказала французская революция на события в Бельгии. Так же как и Уайт, Джемелли, Нотомба, де Лётр, он видит причины революции прежде всего в религиозных столкновениях. Для Бекура, Бартельса и Нотомба бельгийская революция — явление случайное, никак не связанное с экономическим и общественно-политическим развитием бельгийских провинций. Бекур останавливается на политических и религиозных противоречиях бельгийцев и голландцев, излагает события революции, явно преувеличивая влияние французской пропаганды. Большая часть книги посвящена работе Лондонской конференции, на которой решался бельгийский вопрос.

Весьма ценным является двухтомное источниковедческое исследование Камилла Бюффэна⁶³. В нем систематизированы источники по бельгийской революции и «кампании десяти дней».

Современные бельгийские историки уделяют значительное внимание проблемам революции 1830 г. В 1949 г. А. Смитс опубликовал докторскую диссертацию⁶⁴, посвященную революции

⁵⁸ White Ch. The Belgian Revolution. London, 1835, v. 1—2.

⁵⁹ White Ch. Révolution belges de 1830. Bruxelles, 1836, v. 1—3.

⁶⁰ Gemelli C. Histoire de la révolution belge de 1830. Bruxelles, 1860.

⁶¹ Leutre Ch. de. Histoire de la révolution belge de 1830. Bruxelles, s.a., v. 1—3.

⁶² Bécourt Ch. de. La Belgique et la révolution de juillet. Paris, 1835.

⁶³ Buffin C. Mémoires et documents inédits sur la révolution belge et la campagne de dix jours (1830—1832). Bruxelles, 1912.

⁶⁴ См.: Un quart de siècle de recherche historique en Belgique. 1944—1968. Louvain — Paris, 1970, p. 440—441.

1830 г. и ее причинами. Этими же вопросами занимаются Ж. Стенгерс⁶⁵ и Р. Демулен⁶⁶, профессор Льежского университета, выпустивший в 1956 г. книгу о бельгийской революции 1830 г.

В журнале «Revue belge de philologie et d'histoire» были опубликованы статьи бельгийских историков (№ VIII, X, XVI, XIV), касающиеся революции 1830 г.

Среди монографических исследований, посвященных видным деятелям бельгийской революции, большой интерес представляет четырехтомная монография профессора Гентского университета Эрнеста Дискайя о Шарле Рожье⁶⁷. Первый том исследует деятельность Ш. Рожье перед революцией, второй — его деятельность в период борьбы за независимость (1830—1839 гг.). К столетию бельгийской революции Жюль Гарсу выпустил в свет книгу, также посвященную одному из активных участников бельгийской революции — Александру Жандебену⁶⁸.

Для изучения положения бельгийского рабочего класса определенную ценность представляет работа Эдмона Рюббанса⁶⁹, в которой освещена жизнь и деятельность видного участника революции — Эдуарда Дюкпесьо, ставшего впоследствии инспектором тюрем и благотворительных учреждений. Эдуард Дюкпесьо был хорошо знаком с положением бельгийских рабочих. Он написал большое число книг и статей по различным аспектам экономического положения трудящихся (список трудов Эдуарда Дюкпесьо, опубликованный в книге Рюббанса, насчитывает 132 названия). Работы Дюкпесьо⁷⁰ содержат сведения о заработной плате рабочих различных отраслей промышленности, о продолжительности рабочего дня, о детском труде и хищнической эксплуатации несовершеннолетних предпринимателями.

Некоторые важные данные о положении бельгийского пролетариата содержатся в книгах Доби⁷¹, Васнера⁷², Луи Бертрана⁷³.

Следует особо отметить работу члена Коммунистической партии Бельгии Мориса Болонь, выпущенную в свет к столетию бельгийской революции⁷⁴. В этой небольшой по объему книге, написанной для рабочих (как об этом сказано в предисловии), впервые говорится о решающей роли пролетариата в событиях бельгийской революции. Книга М. Болонь получила высокую оценку в бельгийской прогрессивной печати. Газета «Drapeau Rouge» 15 февраля 1930 г. опубликовала рецензию Люка Дорпа на эту книгу. Автор рецензии пишет: «Работа Мориса Болонь важна не только потому, что она появилась накануне празднования столетия бельгийской независимости, но особенно потому, что она прорывает с общей концепцией «революции 1830 года», насаждаемой всюду, от начальной школы до университета... Болонь пришел к выводу, что эта национальная революция в действительности была движением рабочих и крестьянских классов южных провинций Нидерландского королевства, эксплуатируемых буржуазией». Болонь также обратил внимание на ухудшение положения пролетариата в результате введения машин. В своем исследовании он доказал, что только пролетариат требовал радикальных изменений, в то время как Огворст и ему подобные руководители буржуазной гвардии желали лишь уступок от голландского короля в области политических свобод. Существенным недостатком книги, на наш взгляд, является то, что М. Болонь оставил в стороне вопросы экономического развития бельгийских провинций в этот период. Не затрагивая этот вопрос, невозможно раскрыть весь комплекс причин бельгийской буржуазной революции 1830 г.

В ряде общих работ по истории Бельгии⁷⁵ имеются главы, посвященные революции 1830 г. Один из видных бельгийских буржуазных историков — Теодор Жюст является автором несколь-

⁶⁵ *Stengers J.* Sentiment national, sentiment orangiste et sentiment français à l'aube de notre indépendance — *Revue belge de philologie et d'histoire*, 1950, t. 28; 1951, t. 29.

⁶⁶ *Demoulin R.* La révolution de 1830. Bruxelles, 1956.

⁶⁷ *Discailles E.* Charles Rogier (1800—1885) d'après des documents inédits. Bruxelles, 1892—1895, v. 1—4.

⁶⁸ *Garsou J.* Alexandre Cendebien, sa vie, ses mémoires. Bruxelles, 1931.

⁶⁹ *Rubbens E.* Edouard Dupetiaux (1804—1868). Bruxelles, 1922.

⁷⁰ *Dupetiaux E.* Mémoire sur le paupérisme dans les Flandres. Bruxelles, 1850; *Idem.* Le paupérisme en Belgique. Bruxelles, 1844; *Idem.* De la condition physique et morale des jeunes ouvriers et des moyens de l'améliorer. Bruxelles, 1843, v. 1—2.

⁷¹ *Dauby J.* Les classes ouvrières et paysannes de Belgique. Bruxelles, 1860.

⁷² *Wasnaire E.* Histoire ouvrière et paysanne de Belgique. Bruxelles, 1930.

⁷³ *Bertrand L.* L'ouvrier belge depuis un siècle. Bruxelles, 1924.

⁷⁴ *Bologne M.* L'insurrection prolétarienne de 1830 en Belgique. Bruxelles, 1929.

⁷⁵ *Huybrecht P.-A.* Histoire politique et militaire de la Belgique (1830—1831). Bruxelles — Paris, 1856; *Meeüs A. de.* Histoire de Belgique. Paris, 1928; 50 ans de Liberté. Bruxelles, 1881, v. 1—3; *Kalken F. van.* La Belgique contemporaine (1780—1930). Paris, 1930.

ких работ по истории Бельгии⁷⁶, и только в одной из них — «Истории Бельгии»⁷⁷ есть восемь страниц, повествующих о революции. Другой крупный бельгийский историк, ученый с необычайно широким диапазоном — Анри Пиренн посвятил главный труд своей жизни истории Бельгии, первый том которой появился в 1900 г., а последний, седьмой — в 1932 г.⁷⁸ Эта работа Пиренна, как и другие его труды, выделяется глубоким знанием источников, точностью документации, в ней отражены все стороны национальной жизни Бельгии от экономики до искусства. Ведущей темой этого большого, но эклектического в методологическом отношении труда является процесс постепенного образования бельгийской нации. Говоря о значении бельгийской революции 1830 г., которой он посвятил всего около 50 страниц шестого тома своего труда, Анри Пиренн утверждает, что «революция... дав Бельгии независимость, сразу же высвободила духовную энергию»⁷⁹.

История революции 1830 г. рассматривается в труде бельгийского социалиста-реформиста Луи Бертрана⁸⁰. Первые три главы книги посвящены характеристике положения в Европе в начале 1830 г., бельгийской революции и деятельности Временного правительства.

Другой видный социалистический деятель К. Гюисман в своей работе⁸¹ анализировал в основном политические движения накануне революции и итоги развития независимого бельгийского государства за 75 лет его существования.

Особого внимания заслуживают работы, в которых исследуется социально-экономическое развитие бельгийских провинций в 1815—1830 гг. Среди этих работ есть труды, освещающие те или иные частные вопросы (так, в работе Шарля Клавье⁸² излагается история налоговой политики бельгийского государства, Эрнст Брюссель в своей монографии⁸³ дает подробную историю бель-

гийской торговли и морского флота и характеризует экономическую политику голландского правительства).

Значительную ценность представляет богатое статистическими материалами фундаментальное исследование Жакмина⁸⁴ об экономическом положении рабочего класса Бельгии. В нем исследуются причины и последствия экономического кризиса в обеих Фландриях в 1845—1850 гг. Хотя речь идет о более позднем периоде, но в книге приведены данные, относящиеся и к концу голландского режима.

В монографии английского исследователя Гендерсона⁸⁵ имеется специальная глава, посвященная Бельгии, в которой Гендерсон говорит главным образом о влиянии Англии на промышленное развитие бельгийских провинций, об англичанах, успешно внедрявших свою технику в бельгийскую промышленность и открывавших новые фабрики и заводы (речь идет о братьях Коккериль, Рентгене, Давиде Мюсхете и др.).

Большой интерес представляет собой фундаментальное исследование Е. В. Тарле «Континентальная блокада»⁸⁶. Тарле уделил значительное внимание в этой работе проблеме влияния континентальной блокады на европейские страны, в том числе и на Бельгию, входившую тогда в состав Французской империи. Для нас важны приводимые в монографии сведения о развитии хлопчатобумажной, шерстяной, металлургической и других отраслей бельгийской промышленности. В двухтомном труде Ф. В. Потемкина⁸⁷ содержатся сведения о состоянии различных отраслей бельгийской индустрии в период французского господства.

Несколько подробнее следует остановиться на монографии профессора Льежского университета Робера Демулена⁸⁸, освещающей различные аспекты экономического развития бельгийских провинций в 1815—1830 гг. Это обстоятельное исследование проделано Демуленом на основании глубокого изучения источников — голландских и бельгийских архивов — и значительного числа статистических сборников. Демулен останавливается пре-

⁷⁶ *Juste Th.* Histoire de Belgique. Bruxelles, s. a., v. 1—2; *Idem.* Léopold Ier roi des belges. Bruxelles — Gand — Leipzig, 1868; *Idem.* Les frontières de la Belgique. Bruxelles, 1866.

⁷⁷ *Juste Th.* Histoire de Belgique, v. 1—2.

⁷⁸ *Pirenne H.* Histoire de Belgique. Bruxelles, 1932, v. 7, p. 253.

⁷⁹ *Pirenne H.* Histoire de Belgique. Bruxelles, 1926, v. 6, p. 401—456.

⁸⁰ *Бертран Л.* История демократии и социализма в Бельгии с 1830 г. М., 1907.

⁸¹ *Гюисман К.* 75 лет буржуазного господства. 1830—1905. М., 1906.

⁸² *Clavier Ch.* Histoire des impôts en Belgique. Hasselt, 1912.

⁸³ *Bruyssel E. van.* Histoire du commerce et de la marine en Belgique. Bruxelles, 1861—1864, v. 1—3.

⁸⁴ *Jacquemyns G.* Histoire de la crise économique des Flandres (1845—1850). Bruxelles, 1929.

⁸⁵ *Henderson W. O.* Britain and Industrial Europe. 1750—1870. Liverpool, 1954.

⁸⁶ *Тарле Е. В.* Континентальная блокада.— Соч. М., 1958, т. 3.

⁸⁷ *Потемкин Ф. В.* Промышленная революция во Франции. М., 1971, т. 1—2.

⁸⁸ *Demoulin R.* Guillaume Ier et la transformation économique des provinces belges (1815—1830). Paris, 1938.

имущественно на деятельности Генерального общества, учрежденного для поощрения промышленности в 1822 г., подробно освещает экономическую политику голландского правительства в отношении южных провинций, дает характеристику главных отраслей бельгийской промышленности — угольной, металлургической, суконной, хлопчатобумажной и льняной. Во второй части книги приведены многочисленные статистические таблицы (рост населения за 1815—1830 гг., индекс цен на продукты питания, ввоз и вывоз товаров). Мало внимания Демулен уделяет положению и численности рабочего класса, частым волнениям в бельгийских провинциях в связи с неурожаем, с введением новой налоговой системы голландским правительством и т. д.

В 900-е годы в России появилось несколько работ по истории Бельгии⁸⁹, но все они носят самый общий характер. Выделяется среди этих немногочисленных работ русских авторов обстоятельное исследование барона Б. Э. Нольде⁹⁰, который рассматривает вопрос о бельгийском нейтралитете с международно-правовой точки зрения.

В 1937 г. профессор А. И. Молок опубликовал в «Литературном наследстве» большую статью «Царская Россия и Июльская революция 1830 г.»⁹¹, в которой проанализировал планы вмешательства царизма во французские дела и раскрыл причины их провала. В этой статье А. И. Молок касается вопроса о несостоявшейся вооруженной интервенции Царской России в Бельгию для подавления революции. И хотя в целом статья не имеет прямого отношения к нашей теме, отдельные ее аспекты для нас важны.

Работы советского исследователя О. В. Орлик непосредственно к нашей теме не относятся, но они раскрывают особенности той эпохи, в них исследуются русско-французские связи в период Июльской революции 1830 г. В книге «Россия и французская революция 1830 г.»⁹² на основе богатого архивного материала, мемуаров и писем современников, русской и французской прессы О. В. Орлик показывает, как проникала в Россию правда о французской революции, как относились к ней передовые умы России, рас-

сказывает о русских, сражавшихся в июльские дни на баррикадах Парижа, имена которых были до сих пор неизвестны. Есть в этой книге и упоминание о бельгийской революции, которая, по выражению О. В. Орлик, нашла «значительный отклик в демократических кругах России». О. В. Орлик пишет: «О Бельгии говорили, что и там народ требует своих прав и ограничения королевской власти». И при этом с уважением подчеркивали «непоколебимую верность и мужество некоторых предводителей бельгийской революции»⁹³. В книге О. В. Орлик приводятся данные об одном из русских участников Июльской революции — С. Д. Полторацком, вступившем во французскую национальную гвардию под командованием генерала Лафайета. С. Д. Полторацкий хорошо знали не только в революционной среде Франции, но и в Бельгии. Он был одним из участников патриотического банкета, устроенного бельгийскими революционерами де Поттером, Тильмансом и Бартельсом 31 августа 1830 г. На этом банкете стоял вопрос о подготовке восстания в Бельгии. Банкет проходил под девизом «Свобода — власть народу»⁹⁴.

Вопрос о Лондонской конференции не подвергался детальному изучению советскими историками. В первом томе «Истории дипломатии»⁹⁵ Лондонской конференции посвящено менее одной страницы. Немногим более по этому вопросу сказано и в монографии Антонена Дебидура⁹⁶ — известного французского историка международных отношений.

В зарубежной литературе интересующий нас вопрос об образовании независимого бельгийского государства лишь частично освещен в работах Дюмортье⁹⁷, Андре Мартине⁹⁸ (о французской интервенции в Бельгию в 1831 г.), Перье⁹⁹, Валлеса¹⁰⁰ и Ланну¹⁰¹.

⁹³ Там же, с. 63.

⁹⁴ Там же, с. 144.

⁹⁵ История дипломатии, т. 1.

⁹⁶ Дебидур А. Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса (1814—1878), т. 1. М., 1947.

⁹⁷ Dumortier B.-Ch. La Belgique et les 24 articles. Bruxelles, 1838.

⁹⁸ Martinet A. Léopold Ier et l'intervention française en 1831. Bruxelles, 1905.

⁹⁹ Périer F. de. La neutralité de la Belgique. Paris, 1921.

¹⁰⁰ Wallez J.-B. Le dernier des protocoles ou quelques chapitres de l'histoire de la Belgique. 1830—1838. Paris, 1838.

¹⁰¹ Lannoy F. Histoire diplomatique de l'indépendance belge (1830—1839). Bruxelles, 1948.

⁸⁹ Веселовская М. Бельгийская революция 1830 г. М., б. г.; Куприянова Л. Современная Бельгия в связи с ее историческим развитием. СПб., 1898; Стеклов Ю. М. Бельгия. Социально-политический очерк. СПб., 1904; Лозинский С. Г. История Бельгии и Голландии в новое время. СПб., 1907.

⁹⁰ Нольде Б. Э. Постоянно нейтральное государство. СПб., 1905.

⁹¹ Литературное наследство. М., 1937, с. 29—30.

⁹² Орлик О. В. Указ. соч.

Из этого краткого обзора становится очевидным, насколько назрела необходимость в монографическом исследовании бельгийской революции во всех ее аспектах.

Автор выражает глубокую признательность научному руководителю профессору А. З. Манфреду за большую помощь при выборе темы исследования, за ценные замечания и советы при ее разработке. Автор благодарит ответственного редактора книги д. и. н. Б. Г. Вебера, а также докторов исторических наук В. М. Далина, Б. А. Айзина, кандидатов исторических наук М. Н. Машкина, Н. Б. Тер-Акопяна, М. И. Ковальскую и Е. В. Рубянина за помощь на разных стадиях работы.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КРИЗИС В БЕЛЬГИИ НАКАНУНЕ РЕВОЛЮЦИИ 1830 Г.

Экономическое развитие бельгийских провинций в период голландского господства (1815—1830 гг.)

На одной из площадей Брюсселя, которая называется Площадью мучеников, установлен памятник бельгийским патриотам, убитым в 1830 г.

Ежегодно, в годовщину празднования образования бельгийского государства, здесь проходят торжества. Бельгийцы чтут память тех, кто погиб в дни революции 1830 г., принесшей Бельгии избавление от ненавистного голландского ига.

Говоря о государственном устройстве Европы тех лет, Виктор Гюго отметил, что «каждое государство имеет раба, каждое королевство волочит цепи каторжника. Турция имеет Грецию, Россия — Польшу, Швеция — Норвегию, Пруссия — великое герцогство Познань, Австрия — Ломбардию, Сардиния — Пьемонт, Англия — Ирландию, Франция — Корсику, Голландия — Бельгию. Таким образом, рядом с каждым народом-властелином есть народ-раб, рядом с каждой нацией, находящейся в естественном состоянии, — нации вне естественного состояния. Здание построено плохо: наполовину — мрамор, наполовину — штукатурка»¹. Одним из государств, находившихся на положении раба, была и Бельгия.

Действительно, эта страна, насильно соединенная с Голландией по воле великих держав, в течение 16 лет подвергалась самому жестокому гнету с ее стороны. В своей речи на открытии Национального конгресса

¹ Гюго В. Дневник революционера 1830 г. Мысли и взгляды.— Собр. соч. М., 1956, т. 14, с. 145—146.

10 ноября 1830 г. один из видных участников революции, Луи де Поттер, в числе особо ненавистных бельгийцам проявлений национального гнета называл «насилие над совестью, скованное преподавание, печать, принужденную либо молчать, либо превращаться в орудие правительства, ...непризнание права подачи петиций, самовластное навязывание привилегированного языка; несменяемость судей»². Де Поттер говорил также об огромных расходах и долгах, доставшихся Бельгии от Голландии «в качестве единственного приданого за время их плачевного объединения»; о налогах, «невыносимых по размерам и еще больше по их распределению, крайне непопулярному, целиком направленному против нуждающихся классов»³. Бельгийцев, от имени которых выступал де Поттер, особенно возмущали: «...законы, принятые голландцами в пользу одной только Голландии и направленные против Бельгии...; позорное расхищение специальных фондов, предназначенных для поощрения промышленности; возмутительное пристрастие, проявляемое при распределении гражданских и военных должностей правительством, в глазах которого бельгийское происхождение являлось позорным клеймом; одним словом, с Бельгией обходились, как с завоеванной провинцией, как с колонией»⁴. Все это, заключал де Поттер, «делало революцию необходимой, неизбежной и ускоряло ее взрыв»⁵.

В выступлении де Поттера основные причины революции были смешаны с второстепенными, частными, выдвигавшимися порой на первый план. Но для нас важен прежде всего вывод о неизбежности революции, к которому приходил оратор. Развитие страны в 1815—1830 гг. подтверждало обоснованность обвинений де Поттера.

Рассматриваемый в настоящей главе период совпадает по времени с промышленной революцией в бельгийских провинциях.

В своем фундаментальном исследовании академик Е. В. Тарле⁶ проанализировал развитие бельгийских департаментов, входивших в 1806—1807 гг. в состав Франции, и влияние на них континентальной блокады. Тарле отмечал, что на первом плане стояли здесь производство полотен (особенно тонких сортов), группирующееся вокруг Антверпена, Гента, Брюгге, Куртре, Ма-

² Discussions du Congrès National de Belgique (1830—1831). Bruxelles, 1844, v. 1, p. 100.

³ Ibid.

⁴ Ibid., p. 101.

⁵ Ibid.

⁶ Тарле Е. В. Континентальная блокада.— Соч. М., 1958, т. 3.

лина и т. д., выделка кружев (в Брюсселе, Ипре, Куртре), отчасти хлопчатобумажное производство (в Турихуте, Генге), шерстяное (в Вербье, Мальмеди, Льеже), металлургическое (в Льеже, Турихуте), водочное (в департаменте Лис и Маас) и т. д. Не особенно широко развито шелковое производство⁷.

Полотняное, кружевное, металлургическое производства бельгийских департаментов были рассчитаны на большой заграничный сбыт, особенно в соседнюю Францию, в которую бельгийские товары ежегодно экспортировались на десятки миллионов франков. Однако в период французского господства и, особенно, в первые годы голландского режима эти отрасли промышленности стали острее ощущать трудности в сбыте. Так, кружевное производство сократилось вдвое из-за потери прежних рынков. Шелко-

⁷ Там же, с. 182.

вая индустрия оказалась не в силах тягаться с лионской, выпущившей более дешевые шелковые ткани.

В 20-е годы XIX в. в бельгийских провинциях была широко распространена рассеянная мануфактура, но в эти же годы стали появляться уже достаточно крупные предприятия с числом рабочих от 200 до 500 человек. Так, в 1811 г. в департаменте Урт на 140 предприятиях угольной промышленности было занято 6578 рабочих, причем на 10 предприятиях работало по 200 рабочих, на 9 — от 80 до 200 человек, на 81 — от 11 до 50 рабочих, на 40 предприятиях — от 1 до 10 рабочих. В департаменте Жемапп на 191 предприятии работало 11 227 рабочих, только на 5 из них более 200 рабочих, на 53 — от 50 до 200 человек, на 130 — от 11 до 50 рабочих и лишь на 2 предприятиях — от 1 до 10 рабочих⁸. Более 800 человек работало у Пасьянса и Орлоза в департаменте Льеж, у фабрикантов хлопкопрядильной промышленности — по 200—300, а иногда и более 400 рабочих. Например, на фабрике Тиберинга и К^о в Сен-Дени, близ Монса, были заняты 484 прядильщика, в фирме де Во и К^о в Генте работали 436 рабочих, у Росселя и К^о — 348 прядильщиков, у Ливена Бованса — 340 рабочих. В Троншьенне тот же Бованс имел 416 рабочих⁹. В департаменте Шельды на 20 предприятиях работали 2273 рабочих. В суконной промышленности в Вервье также было несколько крупных фабрик, на которых работали более 200 рабочих (у Биолея, Франсуа и сына, Энглера и К^о, Симони).

Знаменитая на всю Европу ковровая фабрика Пиа Лефевра в Турне в рекламе объявляла, что на ней работают 4500 человек: 900 — в мастерских, остальные — на дому. Все эти данные о развитии бельгийской промышленности, почерпнутые нами из работы Демулена, во многом совпадают с данными и выводами Е. В. Тарле¹⁰.

Столица бельгийских провинций — Брюссель издавна славилась производством кружев. Здесь имелось 18 контор, которые давали работу 10 тыс. рабочих. Хлопчатобумажное, шерстяное и бархатное производства в Брюсселе давали работу 84 тыс. рабочих¹¹. Но наиболее характерными для Брюсселя были мелкие предприятия: из 80 ткацких фабрик на 71 было от 1 до 10 рабочих, на 6 — от 11 до 50 человек. И только на фабрике Эремана

⁸ Demoulin R. Guillaume Ier et la transformation économique des provinces belges (1815—1830). Paris, 1938, p. 278.

⁹ Ibid., p. 279.

¹⁰ Тарле Е. В. Указ. соч.

¹¹ Там же, с. 183.

было 54 рабочих, у брагьев Шавей и Фридриха — 103 рабочих, у Энглера и К^о — 127, в Генте на 16 фабриках набивных тканей было 1145 рабочих (на 8 фабриках — от 11 до 50 человек и на остальных — от 51 до 200 рабочих)¹².

Близость к передовым в промышленном отношении странам — Англии и Франции, наличие запасов каменного угля и железной руды, крайняя дешевизна рабочей силы — все это способствовало развитию в Бельгии каменноугольной промышленности и металлургии. Металлургическая промышленность в начале голландского режима представляла собой тип мелкой промышленности. На доменных печах работало от 9 до 16 рабочих, в кузницах — от 7 до 10, в плавильнях и на молоте по 3 рабочих¹³. Однако в дальнейшем эти мелкие предприятия стали объединяться. Так, Жомен в Марш-ле-Дам имел уже 3 доменные печи (на них работало 29 человек), 3 кузницы (33 рабочих), 6 плавильных (21 рабочий), 3 кузнечных горна (12 рабочих) и 4 дробильные установки¹⁴. В кожевенном производстве также преобладали мелкие мастерские, где трудились от 2 до 10 рабочих. В департаменте Шельды в 70 кожевенных мастерских работало 700 человек, в Форе на 120 предприятиях — 201 рабочий, в департаменте Жемапп в 88 мастерских — 440 кожевников, в Урте — 500 рабочих в 149 мастерских, в Самбре и Мозеле — 155 рабочих в 54 кожевнях¹⁵.

Бельгийские провинции значительно отставали от передовой Англии в применении новшеств. Изобретенные в Англии в 70—80-е годы XVIII в. машины дженни¹⁶, ватермашины и мольмашины¹⁷ начали применяться в промышленности Бельгии только в 20-е годы XIX столетия. Первые паровые машины на прядильных Вервье появились в 1817 г.¹⁸, а ткацкие станки на шерстопрядильных — после 1830 г.¹⁹ Новые станки и паровые машины стоили очень дорого, но, несмотря на это, наиболее предприимчивые буржуа покупали их и устанавливали на своих предприятиях. Паровая машина мощностью всего в 1 л. с. стоила 3000—3500 фр., машина в 20 л. с. в 1824 г. стоила 70 тыс. фр.²⁰,

¹² Demoulin R. Op. cit., p. 279.

¹³ Ibid., p. 280.

¹⁴ Ibid., p. 288.

¹⁵ Ibid., p. 282.

¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 245.

¹⁷ Там же, с. 248.

¹⁸ Demoulin R. Op. cit., p. 256.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid., p. 268.

хотя к этому времени цены на машины уже значительно снизились.

Прогрессировавшая промышленная революция, переход от ремесла и мануфактуры к крупной капиталистической промышленности, основанной на машинной технике, несла с собой обнищание трудящихся, разорение мелких ремесленников и торговцев, неисчислимые страдания рабочих, жестоко эксплуатируемых на капиталистической фабрике. Новые машины делали лишними сотни и тысячи рабочих рук, вызывали безработицу. Согласно статистическим данным Томассена, на производстве сукна в департаменте Урт до применения машин было занято 36 890 рабочих, а после введения машин — только 15 680 человек²¹, т. е. в 2,3 раза меньше. Прежнее ежегодное производство 1500 штук сукна требовало труда 327 рабочих и ежегодных расходов в 120 975 фр.; новое (с двумя механическими станками) — только 139 рабочих и 74 975 фр. С внедрением прядильной машины 150 прядильщиков, работавших вручную, были заменены двумя работниками чесальной машины, двумя прядильщиками на механическом станке и 17 рабочими; таким образом, были заняты только 21 человек вместо 150²².

Внедрение машин вызывало резкое недовольство рабочих. Так, в 1810 г. в Вервье рабочие сожгли две фабрики Энглера, на которых работали 1200 человек. В 1819 г. введение шерсточесалок в Вервье также вызвало волнения²³. В начале бельгийской революции, в августе 1830 г., были сожжены станки на нескольких крупных фабриках в окрестностях Брюсселя²⁴. Характерно, что движение, сходное с английским луддитским, зарождается в годы острой нищеты и в моменты политических кризисов.

Представляется важным выяснить, как развивались в годы голландского режима основные отрасли бельгийской промышленности: угольная, металлургическая, шерстяная и хлопчатобумажная. В период французского господства добыча угля только в одном округе Нешато равнялась 125 т, в кантоне де Виртон — 120 т, в Бертраме — 70 т²⁵. Продукция угольной промышленности отправлялась в основном во Францию по Маасу к Седану и Вердену. А уголь из Боринажа, начиная с 1816 г., по каналу от

²¹ Demoulin R. Op. cit., p. 273.

²² Ibid.

²³ Ibid., p. 274.

²⁴ Les événements de Bruxelles. Bruxelles, 1931, p. 19.

²⁵ Demoulin R. Op. cit., p. 300.

Монса до Конде отправляли в департаменты Севера и Па-де-Кале, а также в Париж и Руан. В 1828 г. усовершенствование канала Сен-Кантен значительно облегчило связи с Парижем. Ввоз угля во Францию с 1788 по 1830 г. увеличился почти в 9 раз²⁶.

С 1816 г. была отменена таможенная пошлина на уголь и Бельгия начала ввозить его в Голландию, несмотря на недовольство Англии и некоторых голландцев, критиковавших качество бельгийского угля. С применением машин в промышленности резко увеличилось потребление каменного угля: Париж в 1830 г. по сравнению с 1820 г. удвоил потребление угля; Брюссель в 1824 г. расходовал 49 856 т; в 1829 г. — 63 190 т²⁷. Паровые суда нидерландской акционерной компании сжигали в месяц 1200 т, многочисленные паровые машины Гента, Вервье, Льежа требовали большого количества топлива. В одной только Льежской провинции было установлено 20 машин общей мощностью 519 л. с.²⁸ В 20—30-е годы на угольных шахтах Бельгии значительно улучшились методы добывания угля. Так, в Эно в 1820 г. добыча 100 т угля требовала работы 92 человек и 19 лошадей в течение 24 часов, в 1828 г. для добычи такого же количества угля требовалось только 40 человек и 3 лошади²⁹.

Продукция департамента Жемапп в 20-е годы равнялась 900 920 т угля, в департаменте Урт было добыто 331 294 т; в провинции Льеж — 694 959 т, в Эно в 1829 г. — 1 761 118 т³⁰.

К 1830 г. добыча угля в бельгийских провинциях достигла 2413 тыс. т, причем Льеж и Лимбург давали 550 тыс. т, Монс — 1458 тыс. т, Шарлеруа — 455 тыс. т, Намюр — 50 тыс. т³¹. Во Франции в этот же период — 1863 тыс. т, в Англии — 16 млн. т³². Что касается условий труда рабочих-угольщиков, то они оставались очень тяжелыми. Иностранцев, посещавших бельгийские шахты, поражала отсталость в методах добычи угля, плохая вентиляция и огромное число несчастных случаев в шахтах. С 1821 по 1830 г. было 549 несчастных случаев, в результате которых погибло 694 рабочих³³.

²⁶ Ibid.

²⁷ Ibid., p. 304.

²⁸ Ibid., p. 257.

²⁹ Ibid., p. 304.

³⁰ Ibid., p. 306.

³¹ Histoire de la Belgique contemporaine, 1830—1914. Bruxelles, 1928, v. 1, p. 237.

³² Мировые экономические кризисы. 1848—1935. М., 1937, т. 1, с. 474, 478.

³³ Demoulin R. Op. cit., p. 258.

Другая важная отрасль бельгийской промышленности — металлургическая — в 20-е годы XIX столетия развивалась не так успешно, как угольная. В Бельгии были богатые месторождения железной руды в Антр-Самбр-и-Маас и в Люксембурге. Добыча железной руды часто проводилась под открытым небом отдельными рабочими, которые продавали свою продукцию хозяевам металлургических предприятий. Однако в 20-е годы начинается применение более совершенных технических методов, этому особенно способствовали английские инженеры: Боневиль в Шарлеруа и Давид Мюсхет в Серене. В 1821 г. Орбан в Гривенье, Гюарт в Шарлеруа и Коккериль в Серене стали применять пудлинговые и отражательные печи, которые давали при выплавке гораздо больше железа и лучшего качества. В этих печах широко использовался каменный уголь.

Несколько ранее француз Изидор Дюпон установил на своем железоделательном заводе в Файи машину высокого давления. Успешно применял новшества на своих предприятиях Коккериль. В 1825 г. в Серене он установил кузнечный мех мощностью в 60 л. с., предназначенный для доменной печи, паровую машину в 80 л. с. для прокатного стана и две паровые машины по 30 л. с.³⁴ для молога. Примеру Коккерили последовали Орбан, Ламарш в Льежском районе и некоторые хозяева металлургических заводов в округе Шарлеруа. К 1830 г. в бельгийских провинциях было уже 10 коксовых печей, 40 плавилен имели пудлинговые печи; вместе они производили около половины железа, которое плавил 91 домна (на древесном угле) и 150 плавилен, работавших по старому методу³⁵. Франция, например, имела только 14 коксовых доменных печей (из общего числа 393) и 40 печей английского типа³⁶. Таким образом, с 1820 по 1830 г. часть бельгийской металлургической промышленности претерпела значительные изменения, что дало основание предпринимателям Шарлеруа написать, что в металлургии «произошла революция. У англичан позаимствовали их процессы, их механику и их рабочих»³⁷.

³⁴ *Demoulin R. Op. cit.*, p. 261.

³⁵ *Ibid.*, p. 313.

³⁶ Ф. В. Потемкин привел в своей монографии «Промышленная революция во Франции» (М., 1971, т. 1) несколько другие данные. Так, он в отличие от Демулена утверждал, что во Франции было 30 доменных печей, производивших чугуна только на коксе или на коксе, смешанном с каменным или древесным углем. А всего доменных печей во Франции было 379 (там же, с. 365).

³⁷ *Demoulin R. Op. cit.*, p. 261.

Металлургическая промышленность бельгийских провинций насчитывала около 65 тыс. рабочих. Продукция ее равнялась 55 тыс. т чугуна³⁸. Однако по выплавке железа и чугуна Бельгия значительно отставала от передовой Англии и Франции (в 1826 г. производство чугуна в Англии составляло около 600 тыс. т, во Франции в это же время — около 200 тыс. т)³⁹.

В 1818 г. Нидерландское королевство вывозило 2184 т железа в слитках, в 1829 г. — 3050 т⁴⁰. Но так как местная металлургическая промышленность не могла обеспечить все отрасли промышленности железом необходимого качества, приходилось ввозить его из Англии, Германии и Швеции. Так, в 1825 г. Англия вывезла в Нидерланды 2441 т железа всех видов, а в 1830 г. — 12 312 т⁴¹.

Суконная промышленность была сосредоточена в основном в долине Вездра близ Вервье.

Следует отметить, что шерстяной промысел, которым Фландрия славилась в XIV—XVI вв., к началу XIX в. уменьшился. В департаменте Шельды выделялись в основном грубые шерстяные ткани для местных нужд. В период наполеоновского господства бельгийские шерстопромышленники с восторгом приняли запретительную таможенную политику французского правительства, так как это была единственная мера борьбы с английской конкуренцией⁴².

В 20-е годы XIX в. шерстяная промышленность бельгийских провинций быстро развивалась, находя рынки сбыта в Германии, Франции, Голландии, России, Италии, странах Леванта. Суконные фабрики начинают вывозить свою продукцию и в Соединенные Штаты Америки — Филадельфию, Балтимор, Чарлстон, Бостон, Новый Орлеан, в Южную Америку, английскую Индию. В 1823 г. только одна фирма крупного драпового фабриканта Симони вывезла говаров на сумму около 1 млн. фр.⁴³ Рейнская компания отгружала товары в Буэнос-Айрес, Вальпараисо, Лиму, Рио-де-Жанейро и Гавану, Бомбей, Калькутту, Сингапур. Внутренний рынок по сравнению с внешним имел второстепенное значение.

Продукция суконной промышленности за годы голландского режима выросла. В 1827 г. фабрики Вервье производили

³⁸ *Ibid.*, p. 314.

³⁹ *Потемкин Ф. В. Указ. соч.*, т. 1, с. 369—370.

⁴⁰ *Demoulin R. Op. cit.*, p. 310.

⁴¹ *Ibid.*

⁴² *Тарле Е. В. Указ. соч.*, с. 392.

⁴³ *Demoulin R. Op. cit.*, p. 319.

44 703 куска в год, к 1830 г.— от 100 тыс. до 120 тыс. кусков в год⁴⁴. К 1830 г. создаются первые акционерные компании в суконной промышленности. Пять наиболее крупных фирм: Франсуа Биолей и сын, Жан-Никола Давид, Энглер и К^о, Лежен и Симони учредили акционерное общество под названием «Comptoir général des fabriques du district de Verviers»⁴⁵.

Хлопчатобумажная промышленность в первые годы голландского режима находилась в упадке в связи с нехваткой сырья, с закрытием в 1814 г. ряда рынков и проникновением более дешевых английских товаров. Так, в июле 1817 г. из 29 крупных прядильных фирм 12 прекратили работу, некоторые фабрики работали всего три дня в неделю⁴⁶. До 1823 г. хлопчатобумажная промышленность Гента переживала кризис, редко кому из фабрикантов случалось вывозить ткани на внешний рынок. Основание торгового общества, главной задачей которого было способствовать торговле с колониями, внесло определенное оживление в эту отрасль. Общество покупало колленкор и набивные ткани и вывозило их на о. Ява.

Технический прогресс сказался благоприятно на развитии хлопчатобумажной промышленности: новые прядильни и ткацкие фабрики с применением паровых машин открылись в Генте, Рене, Термонде, Сен-Никола и в окрестностях Брюсселя. В 1809 г. прядильных машин было всего 5, в 1820 г.— 10, в 1826 г.— 26, в 1830 г.— 44 машины⁴⁷. Новая фабрика тюля была открыта Энсором и Повелем в Генте. Новейшие достижения английской техники использовались Коккерилем в Арденне и Льеже на новых предприятиях. Следует отметить, что предприниматели, вводившие усовершенствования, пользовались правительственными субсидиями: Коккериль получил 300 тыс. флоринов, Лежен — 150 тыс.⁴⁸ Всего в хлопчатобумажной промышленности было занято около 15 тыс. рабочих⁴⁹.

Особенно процветала хлопчатобумажная промышленность Гента⁵⁰. Фабриканты Брюсселя, Гента и Сен-Никола почти пол-

ностью завоевали рынки Индии, потеснив англичан. В 1829 г. в Индию было вывезено товаров на 3500 тыс. флоринов⁵¹.

С 1817 по 1829 г. ввоз английской пряжи увеличился в 13 раз. Выросло также и производство собственной пряжи в бельгийских провинциях. Оно увеличилось почти в 6 раз⁵².

Число действующих веретен в мюль-машинах с 1810 г. по 1829 г. почти удвоилось. Число сотканых кусков материи в 1829 г. достигло 350 тыс.⁵³

Подъему промышленного производства в основных отраслях бельгийской промышленности способствовали проведение новых дорог и создание разветвленной системы каналов. С 1815 по 1830 г. было построено 800 км новых дорог (при французском режиме их было всего 165 км)⁵⁴. На голландских равнинах система водных дорог была необычайно развита. При Вильгельме I она была улучшена, решено было создать водные дороги и в южных провинциях. В течение 15 лет были прорыты каналы из Монса до Конде⁵⁵, из Перювельза до Ангуэна, из Гента в Терпёзен; закончена постройка канала из Шарлеруа до Брюсселя⁵⁶.

В 20—30-е годы в Бельгии создаются крупные акционерные общества: Генеральное, Коммерческое, Западноиндийское акционерное. Одно из самых первых акционерных обществ («Джон Коккериль») было основано в 1817 г., когда король Вильгельм уступил приблизительно за 1/10 реальной стоимости бывшую летнюю резиденцию льежских епископов — замок Серен и прилегающие к нему земли Джону и Джеймсу Коккерильям — сыновьям английского механика, обосновавшегося в Льеже и открывшего там прядильную фабрику. Взамен Вильгельм получил значительную долю участия в новом предприятии, производившем первоначально паровые машины и оборудование для прядильных фабрик. В 1824 г. Джон Коккериль приобрел долю своего брата и соорудил первую доменную печь, работавшую на коксе (до этого применялся только древесный уголь). В течение нескольких лет производство чугуна выросло в 10 раз. Появление железных дорог способствовало еще большему подъему фирмы. Позднее, в 1835 г.,

⁴⁴ Demoulin R. Op. cit., p. 322.

⁴⁵ Willaert L. Histoire de Belgique. Tournai — Paris, 1928, p. 255.

⁴⁶ Jacquemyns G. Histoire de la crise économique des Flandres (1845—1850). Bruxelles, 1929, p. 32.

⁴⁷ Demoulin R. Op. cit., p. 105.

⁴⁸ Ibid., p. 327.

⁴⁹ Ibid., p. 162.

⁵⁰ Один из крупных гентских промышленников, Льевен Бовапс, первым ввел прядильный станок и испытал его в мастерских гентской тюрьмы, хозяином которой он был (Jacquemyns G. Op. cit.)

⁵¹ Demoulin R. Op. cit., p. 106.

⁵² Histoire de la Belgique contemporaine. 1830—1914, v. 1, p. 240.

⁵³ Demoulin R. Op. cit., p. 105.

⁵⁴ Ibid., p. 106.

⁵⁵ Bruyssel E. van. Histoire du commerce et de la marine en Belgique. Bruxelles, 1864, v. 3, p. 333.

⁵⁶ Строительство этого канала было начато еще при французском режиме.

именно в Серене был построен первый на Европейском континенте паровоз и изготовлены первые рельсы.

В конце 1822 г. в Брюсселе было создано еще одно акционерное общество «Нидерландское генеральное общество»⁵⁷. Следует отметить, что крупными держателями акций были большинство государственных чиновников, а король — Вильгельм — первым среди них. Король имел 3401 акцию Западноиндийского акционерного общества (члены его семьи — еще 300 акций), 20 акций в Пятой морской страховой компании, 600 акций Люксембургского общества (королевская семья — еще 400), акции хрустального завода в Валь-сен-Ламбер и т. д.⁵⁸

Один из министров голландского правительства — Гоббельшпроу был комиссаром Генерального общества, акционером общества шахт по добыче свинца в Лонгвиле, акционером Люксембургского общества⁵⁹. Знатные и богатые аристократы также являлись держателями акций: Андре Коленбуан и его сын имели 48 из 92 акций общества угольных копей в Жемаппе, в 1822 г., через год, они имели уже 62 акции, а в 1824 г. — 70 акций. Семья Жандебьен владела $\frac{3}{4}$ акций угольных копей в Бель-Вю в Шарлеруа, другая семья — Дрион и Луи Фрей — $\frac{2}{3}$ оставшихся акций. Семья Жандебьен владела также почти всеми акциями в угольном обществе Гуффра под Шателино. Фридрих Басс, директор Генерального общества, и Вандер Вельде, владелец Сен-Жосса в Брюсселе, купили $\frac{1}{3}$ акций угольных копей в Монс-о-Фонтен близ Маршьенн-о-Пон и Монс-сюр-Самбр в 1829 г. и остальные $\frac{2}{3}$ акций — в 1834 г.⁶⁰

Концентрация промышленности вела к уменьшению числа предприятий. В Льеже, например, в 1811 г. было 140 угольных шахт, а в 1830 г. осталось 103 шахты. Джон Коккериль один из первых осуществил вертикальную концентрацию. Две шахты «Анри Вильгельм» и «Колард», доменная печь, железодельная фабрика, мастерская по изготовлению паровых машин были объединены в одно целое. Мипель Орбан и его сын Анри-Жозеф владели одновременно шахтами, металлургическими заводами и прокатным станом⁶¹.

Концентрация промышленного капитала имела серьезные социальные последствия. Результатом победы, которую все больше

одерживал машинный труд над ручным, «явились, с одной стороны, — быстрое падение цен на все фабричные товары, расцвет торговли и промышленности, завоевание почти не защищенных пошлинами зарубежных рынков, быстрый рост капиталов и национального богатства, а с другой, — еще более быстрый численный рост пролетариата, утрата рабочим классом всякой собственности, всякой уверенности в заработке, деморализация, политические волнения»⁶². Эти слова Ф. Энгельса об английском пролетариате в значительной мере можно отнести к бельгийскому рабочему классу, характеристике положения которого будет посвящен следующий параграф.

Необходимо сказать несколько слов и о сельском хозяйстве бельгийских провинций, которое в период голландского господства находилось в упадке. В сельских местностях до 1815 г. широко были распространены винокурни. В Восточной Фландрии в 1816 г. насчитывалось 267 винокурных заводов, из которых 233 производили 486 322 бочонка вина; в 1822 г. из 233 винокурных работало уже только 104, их производство снизилось до 345 975 бочонков. Из 182 винокурных провинции Антверпен 119 бездействовали, и большая часть из 63 действовавших находилась в городах. В Лимбурге в 1826 г. было только 152 действовавшие винокурни из общего числа 267⁶³. Хозяева мелких винокурных заводов конкурировали с большими современными винокурными заводами Голландии, в частности с заводами Шидама, где широко применялись паровые машины.

Сельское хозяйство Бельгии в достаточном количестве производило злаковых культур, но многие технические культуры были почти забыты. С бельгийских полей полностью исчезла сахарная свекла, урожаями которой славились сельскохозяйственные районы в период французского режима; исчезли заводы, перерабатывающие сахарную свеклу в Льеже, Брюсселе и Шарлеруа. Только после 1830 г. сахарную свеклу снова стали выращивать.

Положение крестьян в эти годы было тяжелым. Новые налоги, введенные голландским правительством, явились для крестьянства непосильным бременем. Это были налоги на домашний скот, лошадей, на пиво и можжевельник, а с 1822 г. еще и налоги на помол и на убой скота, против которых крестьяне постоянно бунтовали. Особенно ухудшилось положение крестьянства в 1817 г. в связи с неурожаем и картофельной болезнью. Голодные карто-

⁵⁷ Dumont G. Histoire des belges. Bruxelles, 1956, v. 2, p. 277.

⁵⁸ Demoulin R. Op. cit., p. 177—178.

⁵⁹ Ibid., p. 236.

⁶⁰ Ibid., p. 285.

⁶¹ Ibid., p. 289.

⁶² Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 248.

⁶³ Demoulin R. Op. cit., p. 185.

фельные бунты прокатились по всем сельскохозяйственным районам бельгийских провинций.

Резюмируя все вышеизложенное, следует отметить, что в период голландского режима в бельгийских провинциях совершается промышленный переворот в угольной, металлургической, хлопчатобумажной отраслях. Укрепление крупного механизированного производства в различных отраслях промышленности страны явилось важной тенденцией ее экономического развития. Промышленный подъем способствовал обогащению крупной буржуазии. Хотя мелкое и среднее производства оставались преобладающими, происходил неотвратимый, все сильнее нарастающий процесс их вытеснения, что в свою очередь приводило к разорению мелкой буржуазии и ремесленников.

Положение рабочего класса

В предисловии к книге «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельс писал: «Положение рабочего класса является действительной основой и исходным пунктом всех социальных движений современности, потому что оно представляет собой наиболее острое и обнаженное проявление наших современных социальных бедствий»⁶⁴.

Происходившие в 20—30-е годы сдвиги в развитии бельгийской промышленности оказали влияние и на состав и численность рабочего класса. С 1815 г. по 1 января 1830 г. население бельгийских провинций выросло с 3 377 617 до 4 064 209 человек⁶⁵, что составляло прирост населения в 20%. Доля городского населения также увеличилась с 23,31 до 24,55% от общей численности населения. Точных данных об общей численности рабочего класса бельгийских провинций нет, поэтому приходится довольствоваться разрозненными данными по некоторым отраслям промышленности.

Первые годы голландского господства в Бельгии характеризуются резким повышением цен на продукты питания. Так, гектолитр пшеницы в августе 1815 г. стоил 8,93 флорина, в августе 1816 г. — 13,57 флорина, а в августе 1817 г. (год тяжелого промышленного и торгового кризиса) — 19,03 флорина. Такая же картина наблюдалась и с другими продуктами: цена на картофель, основной продукт питания бельгийских трудящихся, подня-

лась с 1,95 флорина в 1815 г. до 3,04 флорина в 1830 г.⁶⁶ Повышение цен на продукты питания прежде всего сказывалось на положении трудящихся бельгийских провинций. Так, в 1828 г. в южных провинциях было 563 565 человек⁶⁷, внесенных в списки бедных. Эдуард Дюкпесьо, один из активных участников бельгийской революции, впоследствии видный публицист и статистик, был хорошо осведомлен о положении бельгийских трудящихся. В одной из своих многочисленных книг⁶⁸ Дюкпесьо приводит подробные данные о числе неимущих по отдельным провинциям в 1828 г. Согласно этим данным, в 1828 г. один неимущий приходился на 6,93 жителей⁶⁹, т. е. практически каждый седьмой житель бельгийских провинций был в списках бедных, т. е. неимущих. Вместе с тем имела место большая неравномерность распределения числа бедняков по отдельным провинциям. Например, в Люксембурге, составившем в этом отношении исключение, один неимущий приходился на 130,79 жителей, а в Брабанте — на 4,42, в Эно — на 4,48 жителей, т. е. каждый четвертый и пятый житель был неимущим. Но именно эти провинции были наиболее развиты в промышленном отношении, и здесь были сосредоточены основные массы рабочих.

По данным Дюкпесьо, число неимущих Брюсселя за 30 лет (с 1818 г.) возросло в 2,6 раза⁷⁰. Заработная плата рабочих была очень низкой и не покрывала основных потребностей рабочей семьи. Заработная плата рабочих-угольщиков провинции Льеж в 1828 г. составляла 1 фр. 23 сантима; в 1831 г. — 1 фр. 17 сантимов⁷¹. Заработная плата ткачей была несколько выше: в 1824 г. ткачи в Генте в среднем получали 2,5 фр. в день. Труд женщин, работавших на ткацкой фабрике, оценивался всего в один франк, сучильщицы тоже получали один франк. Рабочим-специалистам платили больше. В 1824 г. механик, как правило англичанин, который следил за ткацкими механическими станками, получал 50 фр. в неделю. В 1828 г. кузнец зарабатывал 3,50 фр., токарь-наладчик — 3 фр. в день⁷². Самая низкая заработная плата была

⁶⁶ *Ibid.*, p. 204.

⁶⁷ *Ducpésieux E. Mémoire sur le paupérisme dans les Flandres. Bruxelles, 1850, p. 15.*

⁶⁸ *Ibid.*

⁶⁹ *Ibid.*

⁷⁰ *Ibid.*, p. 18.

⁷¹ *Demoulin R. Op. cit.*, p. 297.

⁷² *Ibid.*

⁶⁴ *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.*, т. 2, с. 238.

⁶⁵ *Demoulin R. Op. cit.*, p. 206.

в 1830 г. у рабочих льняной промышленности (в фр.) ⁷³ (см. таблицу).

Для того чтобы понять, насколько низка была средняя заработная плата рабочих, необходимо рассмотреть цены на продукты питания. В 1820 г., согласно данным, приводимым доктором Мейеном, 1 кг хлеба в Брюсселе стоил 20 сантимов, картофеля — 4 сантима, мяса (говядины) — 1 фр. 60 сантимов, яйца (26 штук) — 70 сантимов ⁷⁴. Средний заработок рабочего в Брюсселе равнялся

Ежедневная заработная плата рабочих

Административный округ	С питанием		Без питания	
	муж.	жен.	муж.	жен.
Брюгге	0,77	0,49	1,01	0,56
Куртре	0,56	0,41	1,14	0,90
Диксмейде	0,65	0,49	1,16	0,75
Западная Фландрия				
Фюр	0,72	0,52	1,33	0,94
Остенде	0,65	0,47	1,29	0,79
Рүлер	0,66	0,46	1,19	0,92
Тилт	0,67	0,45	1,19	0,92
Ипр	0,57	0,40	1,10	0,75
Восточная Фландрия				
Алст	0,53	0,38	1,09	0,74
Оденард	0,56	0,41	1,12	0,70
Экло	0,72	0,44	1,20	0,78
Гент	0,65	0,40	1,17	0,76
Сен-Никола	0,67	0,42	1,13	0,74
Термонд	0,65	0,38	1,13	0,71

тогда 1 фр. 62 сантимам в день. Имея такой заработок, рабочий с семьей мог купить 7,5 кг хлеба, или 36 кг картофеля, или 1 кг мяса, или 54 яйца ⁷⁵. Анализ бюджета рабочего показывает, что $\frac{2}{3}$ его идет на питание.

⁷³ *Jacquemyns G.* Op. cit., p. 240—243.

⁷⁴ *Bertrand L.* L'ouvrier belge depuis un siècle. Bruxelles, 1924, p. 61.

⁷⁵ *Ibid.*

По нашему мнению, наиболее полный и точный анализ положения бельгийских рабочих дал Дюкпесо в своей книге ⁷⁶. На эту работу ссылаются все ученые, исследовавшие проблему экономического положения пролетариата Бельгии, — Жакмин, Демулен, Левински, Бертран. Ссылается на эту работу и К. Маркс в первом томе «Капитала», в главе XXIII. Хотя здесь Маркс говорит о современной ему Бельгии, мы с полным правом можем отнести его слова о положении бельгийских рабочих к изучаемому нами периоду, концу 20-х годов, так как за 50 лет средняя заработная плата рабочих (например, в Брюсселе) почти не изменилась ⁷⁷. Это вполне подтверждается фактами: действительно, средняя заработная плата рабочего 30-х годов не отличалась от заработной платы рабочего 60-х годов, это были те же 1 фр. 60 сантимов.

Любопытные данные приводит в своей книге Луи Бертран относительно питания буржуа и рабочего одной коммуны. Буржуа в среднем потреблял в год 142 кг хлеба, 126 кг мяса, 200 кг картофеля, 37,5 кг масла. Рабочий-каменщик в год потреблял 134 кг хлеба, 13,5 кг мяса, 471 кг картофеля, 11 кг масла ⁷⁸. Таким образом, рабочий потреблял на 271 кг картофеля больше, чем буржуа, но меньше хлеба на 8 кг, мяса на 112,5 кг и на 26,5 кг масла. Основным продуктом питания бельгийских рабочих были картофель и хлеб, да и то в недостаточном количестве.

Развенчивая миф о «райской жизни» бельгийских рабочих, Маркс основывался на данных Дюкпесо и отмечал, что в его книге описывается «средняя бельгийская рабочая семья, ежегодные расходы и доходы которой вычислены на основании очень точных данных и условия питания которой сравниваются потом с условиями питания солдата, флотского матроса и арестанта» ⁷⁹. Семья состоит из шести человек: отец, мать и четверо детей, из них четверо могут круглый год работать, причем предполагается, что среди них нет больных и нетрудоспособных, что не производится «расходов на религиозные, нравственные и интеллектуальные потребности, за исключением самого маленького расхода на

⁷⁶ *Ducpetiaux E.* Budgets économiques des classes ouvrières en Belgique. Bruxelles, 1855.

⁷⁷ Луи Бертран ссылается в этой связи на опубликованный в 1855 г. в «Bulletin communal» доклад бургомистра Брюсселя Шарля де Брукера коммунальному совету о необходимости увеличения заработной платы рабочим столицы, остававшейся почти неизменной в течение 50 лет (*Bertrand L.* Op. cit., p. 66).

⁷⁸ *Ibid.*

⁷⁹ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 684.

оплату мест в церкви. Не производится взносов в сберегательные кассы и в кассы по обеспечению в старости, нет расходов на предметы роскоши и вообще каких бы то ни было излишних расходов. Однако отец и старший сын курят табак и по воскресеньям ходят в трактир, на что им следует положить 86 сантимов в неделю. Из общих данных о заработной плате, получаемой рабочими различных отраслей производства, следует, что высшая заработная плата составляет в среднем: 1 фр. 56 сантимов для мужчин, 89 сантимов для женщин, 56 сантимов для мальчиков и 55 сантимов для девочек⁸⁰. При таком расчете доходы семьи составят самое большое 1068 фр. в год. Этой скромной суммы едва хватало на то, чтобы немногие рабочие семьи могли питаться хотя бы так, как арестанты, не говоря уже о матросах и солдатах. По словам Дюкпесо, семьи теснятся в одной или двух каморгах, в которых спят вместе мальчики и девочки, часто на одном и том же соломенном тюфяке; рабочие экономят на одежде, белье, средствах поддержания чистоты; отказывают себе в праздничных развлечениях, иными словами, идут на самые тягостные лишения. Раз рабочий дошел до этой крайней границы, самое ничтожное повышение цены жизненных средств, всякая заминка в работе, болезнь увеличивают нищету и доводят его до полного разорения. Его долги растут, ему отказывают в кредите, одежда и необходимая мебель отправляются в ломбард, и все кончается тем, что семья обращается с просьбой внести ее в список бедных»⁸¹.

«В самом деле, — пишет К. Маркс, — в этом «раю капиталистов» за малейшим изменением цены необходимейших жизненных средств следует изменение числа смертных случаев и преступлений»⁸². Такова была картина жизни бельгийских рабочих.

Что касается продолжительности рабочего дня, то на этот счет у нас нет точных данных, хотя большинство авторов утверждают, что в сельских местностях, где довольно широко распространена была работа на дому, продолжительность рабочего дня изменялась в зависимости от сезона: зимой — 8—9 часов, летом — 15—16 часов⁸³. На предприятиях работали по 12—14 часов, рабочая неделя длилась от 67 до 79 часов⁸⁴. И без того тяжелое положение бельгийских рабочих усугублялось тем, что на многих предприя-

тиях была распространена система оплаты продуктами, а не деньгами, причем продуктами далеко не высшего качества.

Бельгийские предприниматели хищнически эксплуатировали труд детей. В шерстопрядении и льнопрядении детский труд был неразрывно связан с работой взрослых. Малолетние дети работали, как и старшие, в любое время суток и в течение всей недели, без выходных. Рабочий день детей длился, как правило, 13 часов⁸⁵.

Применение машин в шерстопрядении и льнопрядении способствовало широкому распространению женского и, особенно, детского труда. «Поскольку машины делают мускульную силу излишней, они становятся средством, — пишет К. Маркс, — применения рабочих без мускульной силы или не достигших полного физического развития, но обладающих более гибкими членами. Поэтому женский и детский труд был первым словом капиталистического применения машин! Этот мощный заменитель труда и рабочих превратился тем самым немедленно в средство увеличивать число наемных рабочих, подчиняя непосредственному господству капитала всех членов рабочей семьи без различия пола и возраста. Принудительный труд на капиталиста не только захватил время детских игр, но овладел и обычным временем свободного труда в домашнем кругу для нужд самой семьи»⁸⁶.

Огромные средства, которые расходовались на содержание разветвленного государственного аппарата, армии, голландского флота, выколачивались из трудящихся путем налогов. К этому следует добавить, что при объединении Бельгии с Голландией их государственный долг был слит воедино. Между тем долг Бельгии равнялся всего 26 млн. флоринов, а государственный долг Голландии составлял 573 млн. флоринов⁸⁷. На основании договора в восьми статьях и конституции 1815 г. половина этого огромного долга легла на Бельгию. Такая комбинация, естественно, вызвала резкое недовольство бельгийцев.

Для покрытия возрастающих нужд казны правительство изыскивало все новые статьи дохода. Главными источниками их были: таможенные пошлины и налоги. В этом отношении интересы голландцев были диаметрально противоположны интересам бельгийцев. Голландцы, занимавшиеся преимущественно торговлей со

⁸⁰ *Ducpetiaux E.* Budgets économiques des classes ouvrières en Belgique, p. 151, 154, 155.

⁸¹ *Ibid.*

⁸² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 685.

⁸³ *Bertrand L.* Op. cit., p. 78; *Dumont G.* Op. cit., v. 2, p. 279.

⁸⁴ *Bertrand L.* Op. cit., p. 78.

⁸⁵ *Bertrand L.* Op. cit., p. 128.

⁸⁶ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23, с. 406.

⁸⁷ *Gemelli C.* Histoire de la révolution belge de 1830. Bruxelles, 1860, p. 43.

своими обширными колониями, требовали от правительства свободы торговли. Бельгийцы же, занимавшиеся в основном земледелием и промышленностью, нуждались в покровительственном тарифе. Вильгельм I был в явном затруднении. Вначале он решил задобрить бельгийцев: тарифом от 3 октября 1816 г.⁸⁸ были обложены довольно крупными пошлинами все товары иностранного происхождения и значительно повышена грузовая пошлина с иностранных судов по сравнению с отечественными; несколькими законами, изданными в 1819 г.⁸⁹, кофе и сахар также были обложены пошлинами. Эти мероприятия были невыгодны северным провинциям. Но в 1821 г. обстановка изменилась.

Правительство Вильгельма непрерывно получало жалобы от голландцев. В результате Вильгельм вынужден был изменить торговую политику и систему налогов. Была создана правительственная комиссия под председательством барона Роэля⁹⁰, в нее вошли преимущественно голландцы. Генеральным штатам был представлен законопроект, устанавливавший максимальный размер пошлин от 3 до 6% с иностранных товаров, причем пошлиной облагались лишь те товары, которые непосредственно конкурировали с отечественными. Правда, на нужды промышленности ассигновывалось 1300 тыс. флоринов, но этот секретный фонд, который должен был идти главным образом на поддержку бельгийской индустрии, далеко не мог вознаградить ее за ущерб, причиняемый понижением тарифов⁹¹. Кроме того, правительственный проект вводил два новых налога, которые должны были пасть специально на бельгийцев: налог на хлебный помол и убой скота, иными словами на хлеб и мясо, на два главных продукта.

При обсуждении этого законопроекта во второй палате Генеральных штатов было произнесено много страстных речей: Дотренж и Рейфен энергично отстаивали интересы своих соотечественников-бельгийцев, доказывая прежде всего пагубность свободного обмена и несправедливость налогов на помол и убой скота. Оба оратора указывали на пропасть, которую воздвигнет новый закон, и на взаимную ненависть, которую он вызовет между населением южных и северных провинций. «Теперь решайте, северные сограждане, — воскликнул Дотренж, — если вы спокойно обсудите свое решение, вам останется лишь завершить сегодня ночью

братоубийство старой, честной Бельгии»⁹². На этот раз почти все бельгийские депутаты набрались смелости и подали голоса против проекта, но депутаты северных провинций оказались в большинстве, и закон был принят 55 голосами против 51.

Введение новых налогов вызвало серьезные волнения в бельгийских провинциях. В Люксембурге в 1823 г. волнения были настолько часты, что правительству пришлось ввести в эту провинцию регулярные войска⁹³. В кантонах Муно, Эталь, Бульон, Виртон и Флоранвиль толпы мужчин и женщины с топорами, вилами и мотыгами не допускали налоговых служащих взимать налоги за помол. В Ремихе 13 января 1823 г.⁹⁴ крестьяне, вооруженные ружьями и дубинами, принудили мельников молоть муку бесплатно. Подобные волнения происходили и в других провинциях. В течение последующих лет бельгийцы не переставали заявлять страстные протесты и восставать против ненавистных им налогов на помол и убой, и, когда правительство незадолго до революции согласилось все-таки отменить эти два налога, было уже поздно.

Результатом введения новой налоговой системы голландским правительством явилось то, что бельгийские провинции в 1823 г. стали платить 49,9% косвенных налогов вместо 39,5% в 1822 г.⁹⁵

Классовые и политические противоречия в объединенном королевстве. Предпосылки бельгийской революции

Значительные разногласия между голландцами и бельгийцами имелись и в политических вопросах. Стоит лишь напомнить о том, как была «принята» конституция 1815 г. 22 апреля 1815 г. правительство назначило комиссию из 11 голландцев и столько же бельгийцев для пересмотра основного закона 1814 г. и для внесения в него необходимых поправок. Согласно новому основному закону, законодательная власть принадлежала двум палатам — верхней и нижней. Члены верхней палаты назначались королем пожизненно, члены нижней палаты избирались провинциальными советами путем трехстепенных выборов по цензовой системе. Нижняя палата состояла из 110 членов, причем Голландия и Бельгия были представлены равным числом членов, хотя население Бель-

⁸⁸ *Bruyssel E. van.* Op. cit., p. 324.

⁸⁹ *Demoulin R.* Op. cit., p. 41.

⁹⁰ *Ibid.*, p. 42.

⁹¹ *Bruyssel E. van.* Op. cit., p. 330.

⁹² *Juste Th.* Histoire de Belgique. Bruxelles, s. a., v. 2, p. 385.

⁹³ *Demoulin R.* Op. cit., p. 43.

⁹⁴ *Ibid.*, p. 44.

⁹⁵ *Ibid.*, p. 47.

гии было почти в 2 раза больше населения Голландии. Король был главой исполнительной власти; министры были ответственны только перед королем; гласность судопроизводства была сведена лишь к обнародованию приговоров; королю предоставлялась также и верховная власть над колониями. Законодательные органы не имели права вносить какие-либо поправки или изменения в законопроекты. Они должны были приниматься или отвергаться целиком. Несмотря на то что наряду со свободой совести и равноправием всех вероисповеданий провозглашена была свобода личности и печати, правительству предоставлялось право отменять временно все свободы, за исключением свободы совести. Таковы были главные положения основного закона, который был принят голландскими Генеральными штатами единогласно.

Вильгельм I созвал 1603 бельгийских нотабля, которые должны были принять этот законопроект. На призыв короля явилось 1323 нотабля⁹⁶. Начались горячие споры по поводу основного закона. Бельгийские нотабли справедливо считали, что население, насчитывающее более 4 млн. человек, должно иметь больше представителей в Генеральных штатах, чем население в 2 млн.⁹⁷ Далее указывалось на то, что огромный долг Голландии (573 млн. флоринов) ляжет тяжелым бременем на Бельгию⁹⁸.

Во главе оппозиции встало католическое духовенство, пользовавшееся большим влиянием в Бельгии. Во время голосования 796 нотаблей высказались против основного закона и только 527 одобрили его⁹⁹. Однако такие результаты не удовлетворили Вильгельма I. Он приказал неявившихся на приглашение короля нотаблей причислить к тем, кто голосовал за основной закон, затем из числа 796 были исключены 126 человек¹⁰⁰, которые выступали против основных положений этого закона, и в результате искусственно получилось: 670 голосов — против конституции и 807 — за нее. Так, 24 августа 1815 г. конституция была «принята». Таким образом, король и правящие голландские круги обошли волю бельгийцев и навязали им ряд пунктов, которые те отвергли подавляющим большинством голосов.

⁹⁶ *Bécourt Ch. de. La Belgique et la révolution de juillet. Paris, 1835, p. 59.*

⁹⁷ *Demoulin R. Op. cit., p. 399.*

⁹⁸ *Wasnaire E. Histoire ouvrière et paysanne de Belgique. Bruxelles, 1930, p. 129.*

⁹⁹ *Dumont G. Op. cit., v. 2, p. 271.*

¹⁰⁰ *Ibid., p. 272.* В данном случае при «подсчете» голосов Вильгельм I воспользовался прецедентом, имевшим место во время введения французами в Голландии новой конституции в 1801 г.

Так как политический строй установили голландцы, то все оказалось целиком приспособлено к их интересам. Главные органы правительства и администрации находились в Голландии. Большинство важных государственных постов было отдано голландцам. Министры Вильгельма I — почти все голландцы (за исключением одного бельгийца — герцога Юрселя) — стремились упрочить верховенство за северными провинциями. Деятели первых лет — барон Гогендорп, Фальк, Ван Нагель, Ролль, протестовавшие иногда против единоличного правления Вильгельма, постепенно уступили место послушным и покладистым советникам (вроде министра юстиции Ван Маанена, служившего и изменявшего последовательно нескольким режимам до Вильгельма I и справедливо прозванного «злым гением короля», или министра внутренних дел Ван Гоббельшпроу, или статс-секретаря Ван Стрефферка, которого сравнивали с колоколом, либо безмолвным, либо издающим звуки только по воле господина).

До Вильгельма доходили сведения о недовольстве бельгийцев министрами. Отвечая на протесты жителей южных провинций, Вильгельм I заявил в 1820 г. на Генеральных штатах: «Почему обрушиваются на министров? Что такое министр? Абсолютно ничто! Я мог править без министров и могу назначить министром того, кто мне нравится, хотя бы одного из моих конюхов! Я, и только я несу ответственность!»¹⁰¹. Четкое представление о действительном неравенстве при распределении должностей дают приводимые Жоржем Дюмоном данные:

	Голландцы	Бельгийцы
Министры и государственные секретари	12	3
Государственный совет	39	29
Референдарии в Государственном совете	20	15
Генеральные секретари и секретари суда	19	1
Референдарии министерских департаментов	24	3
Старшие служащие	106	11
Дипломаты	28	1
Генералы	45	8
Офицеры	1977	400

¹⁰¹ *Soldani S. Il 1830 in Europa: dinamica e articolazioni di una crisi generale.— Studi storici, Roma, 1972, N 2, p. 344.*

Введение в 1822 г. голландского языка¹⁰² в качестве обязательного для всех официальных и судебных документов вызвало бурю возмущения у бельгийцев, пользовавшихся обычно французским языком. Гнев и возмущение были настолько велики, что правительство сочло благоразумным в 1829 и 1830 гг.¹⁰³ отказаться от этой меры.

Издание сурового закона о печати, согласно которому журналисты и владельцы типографий должны были нести ответственность перед судом за содержание инкриминируемых статей наряду с редакторами и издателями газет, вызвало также широкое недовольство. Свобода печати, формально гарантированная основным законом, оставалась в действительности мертвой буквой. Преследованию властей подвергались все журналисты, допускавшие хотя бы незначительную критику правительственной политики. Так, один из журналистов города Брюгге, опубликовавший и прокомментировавший письмо из Рима в Гаагу, содержащее всего лишь намеки на политику правящих кругов Нидерландского королевства, был арестован и посажен в тюрьму на два года. В Льеже издатель газеты «*Mercure surveillant*» также подвергся тюремному заключению на два месяца. Газета «*L'Observateur belge*» перестала выходить из-за того, что в ней была опубликована статья гентского пивовара Ван Стратена под названием «О современном положении Нидерландского королевства и о средствах его улучшения». Ван Стратена бросили в карцер, такая же участь постигла и его сына, отказавшегося давать показания против отца. Пострадали и семь адвокатов, которые попытались выступить в защиту Ван Стратена. Такова на деле была свобода печати в Нидерландском королевстве. Несмотря на процессы над прессой, газеты не боялись говорить громко и смело, часто задевая даже личность короля, и в каких словах: «*Il ne faut qu'une minute, — писала в «Journal de Louvain» в мае 1829 г. — pour attacher une corde de chanvre à un cou royal. Il n'en a pas fallu plus pour attacher un Capet sur la planche de la guillotine.*» («Минутное дело набросить веревку на королевскую шею. Большого и не потребовалось, чтобы повергнуть Капета на плаху гильотины.»)¹⁰⁴

В народе необычайно популярна была песенка, отражавшая патриотические настроения бельгийцев:

*Oui, je suis Belge, moi,
Je m'en glorifie,
Et je suis fier, sur ma foi,
Du nom de ma patrie.
De me l'enlever jamais.
On en sera le maître,
Je ne suis pas Néerlandais
Et je ne veux pas l'être*¹⁰⁵

Немалую роль среди причин, вызвавших буржуазную революцию в Бельгии, играло различие вероисповеданий между жителями северных и южных провинций королевства. На бельгийцев большое влияние оказывала католическая церковь, укрепившаяся здесь еще со времени испанского и австрийского господства. Голландия же была страной протестантской. Ряд статей основного закона, принятого в 1815 г., вызывал особенно резкие нападки со стороны бельгийского католического духовенства. Так, ст. 191 представляла религиозным общинам одинаковые права; ст. 192 делала все общественные должности доступными для всех граждан без различия религии. Католическая церковь не желала мириться с ограничением ее привилегированного положения; свое недовольство она выразила через епископов в так называемых «почтительных явлениях» от 28 июня 1815 г. В июле и августе 1815 г. некоторые епископы составили папские указы, в которых протестовали против свободы культов и против допущения ко всем званиям и должностям людей любого вероисповедания.

¹⁰⁵ *Dumont G. Op. cit., v. 2, p. 286.*

Да, я Бельгиец, я себя этим прославляю.
Клянусь, я горжусь именем моей Родины
И никогда от этого не откажусь.
Мы будем ее хозяевами.
Я не Нидерландец
И не хочу им быть.

Источник такого свободолобия следует искать в далекой истории бельгийских провинций. Пожалуй, нигде в Европе сознание свободы не просыпалось в народе так рано, как здесь. Со времен епископа Льежского Поттера (X в.) известна следующая поговорка: «В Льеже всякий бедняк в своем доме король». Бельгийские города были очагами городских вольностей и оплотом личной свободы против феодализма. Бельгийцы, как валлоны из долины Мааса, так и фламандцы с берегов Шельды, всегда были, по словам их князей, «крепкоголовыми». Это слово, сказанное Карлом Смелым о жителях Гента, неутомимый герцог мог бы вполне применить и к валлонам из «пламенного города» Льежа, который он должен был разрушить до основания, чтобы хотя бы на время сломить его сопротивление.

¹⁰² *Juste Th. Op. cit., p. 388.*

¹⁰³ *Ibid., p. 390.*

¹⁰⁴ *Pirenne H. Histoire de Belgique. Bruxelles, 1926, v. 6, c. 367.*

Клерикальная оппозиция пережила три периода: с августа 1815 г. по июнь 1821 г., когда духовенство особенно нападало на основной закон; с 1821 г. до июня 1825 г. — период относительного спокойствия; с июня 1825 г. по октябрь 1829 г. духовенство боролось против законов об образовании.

В первый период католическая церковь в своих «почтительных заявлениях» от 28 июня 1815 г. писала: «Сообщение Вашего Величества относительно того, что новая конституция должна провозгласить свободу всех вероисповеданий, повергло в смущение все умы... Эта опасная система, как известно, представляет собою один из основных пунктов современной философии, которая была для нас источником стольких бедствий. Она явно ведет к безразличному отношению к религии, к уменьшению ее влияния и, наконец, к ее совершенному уничтожению»¹⁰⁶. Газета «Spectateur Belge» в связи с этим писала: «Свобода вероисповедания ведет к безразличию, а это — к пренебрежению религией»¹⁰⁷. Таким образом, католики признавали, что религия поддерживается или привилегиями, или принуждением.

Одновременно духовенство распространяло заявление к нотаблям, гласившее, что ни один католик не может принять конституцию, устанавливающую свободу вероисповедания в Бельгии.

Наиболее влиятельным среди радикально настроенных клерикалов был епископ Гентский — Морис де Брولли. Несмотря на то что своим епископским саном он был обязан Наполеону I, Брولли не побоялся противостоять императору. За свое выступление в защиту прерогатив папства он заплатил трехлетним тюремным заключением. Таким же непримиримым показал себя Брولли и в период голландского господства. Морис де Брولли был автором изданного в 1815 г. «Jugement doctrinal», в котором присяга на верность конституции клеймилась как измена интересам религии¹⁰⁸. В этом документе де Брولли не только повторял основные положения «почтительных заявлений», но и отклонял возможность допуска всех граждан без различия вероисповеданий к общественным должностям. Он запретил своим прихожанам подчиняться так или иначе соответствующим статьям основного закона. За непочтительное отношение к правительству де Брولли был вызван в брюссельский акцизный суд. Так как епископ не явился, суд заочно

¹⁰⁶ Гюисман К. 75 лет буржуазного господства. 1830—1905. М., 1906, с. 6.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ *Juste Th.* Op. cit., p. 384; *Dumont G.* Op. cit., v. 2, p. 271, 273.

приговорил его к ссылке. Брولли эмигрировал во Францию, где и умер в изгнании 20 июля 1824 г.¹⁰⁹

Главный викарий города Малин, епископы Турне и Намюра выступили с подобными же заявлениями. Позднее кардинал Консальви еще резче сформулировал притязания церкви в своем послании от 19 марта 1816 г. Высшие представители местного духовенства стремились таким образом сохранить за католической церковью господствующее положение и настаивали, кроме того, на своем праве входить в состав законодательного собрания.

Поведение епископов повлияло на бельгийских нотаблей, подавших голоса против конституции. Умеренные из среды духовенства сложили вскоре оружие борьбы и присягнули на верность конституции, но непримиримо настроенные упорно отказывались. Это относительное затишье продолжалось недолго.

12 июля 1822 г. нидерландское правительство опубликовало королевский указ, налагавший наказание на тех, кто занимается начальным обучением без надлежащего разрешения. 1 февраля 1824 г. этот указ был применен к гражданским и духовным ассоциациям, причем подчеркивалось, что преподавание разрешалось только лицам, имеющим аттестат.

Летом 1825 г. правительство применило те же начала к средней школе. Король разрешал только латинские и гражданские школы; маленькие семинарии он заменял пансионатами, устроенными вблизи классических гимназий. Все эти меры свидетельствовали о гонениях голландского правительства на бельгийские школы. Католическое духовенство раньше имело большое число школ и семинарий, теперь же школы на деле становились государственными, т. е. протестантскими по духу.

Таким образом, голландское правительство оказывало значительное влияние на религиозное воспитание подрастающего поколения: оно приняло ряд суровых мер против католических монастырей, имевших учебные заведения. Поэтому многие монастыри были переведены во Францию, в ее северную часть, недалеко от бельгийской границы. Бельгийские семьи посылали туда своих детей. В противовес стремлениям бельгийцев ехать учиться во Францию король основал в 1825 г. в Лувене на государственные средства особую коллегию, куда должны были поступать будущие священники.

14 августа 1825 г. последовал новый королевский указ, запрещавший допускать учеников, получивших образование за грани-

¹⁰⁹ *Dumont G.* Op. cit., v. 2, p. 275.

цей, в высшие школы Нидерландов. Эта мера послужила толчком к возобновлению борьбы духовенства с правительством Вильгельма I. Эта борьба привела к тому, что многие епископские места оказались свободными, так как римский папа и король не могли прийти к соглашению относительно их замещения. Однако королевская власть пошла на уступки. По договору, заключенному с папой римским, в королевстве восстанавливались епископские семинарии и образовывались епископства в Брюгге, Амстердаме и Буа-ле-Дюке. Кроме того, посещение института философии, созданного при Лувенском университете, было объявлено необязательным, и институт был закрыт. Таким образом, почти все требования католиков были удовлетворены королем к октябрю 1828 г.

В то же время в бельгийских провинциях продолжалась острая борьба двух партий — католической и либеральной. Католическая партия выражала интересы дворянства и духовенства и преобладала в сельских местностях. Либеральная партия представляла интересы промышленной и торговой буржуазии. Главными органами католической партии были газеты «*Courrier de la Meuse*» (Льеж), «*Catholique des Pays-Bas*» (Гент). Либеральными органами печати были газеты «*Courrier des Pays-Bas*» с видными сотрудниками — Лебрассаром, Ван де Вейером, Дюкпесью, Нотомбом, де Поттером, будущими активными участниками революции, и «*Le Politique*» (Льеж), в редакцию которой входили Рожье, Лебо и Дюво¹¹⁰. Либералы требовали свободы слова и печати, католики — свободы совести и преподавания.

Главой либеральной оппозиции являлся видный бельгийский публицист Луи де Поттер, на биографии которого следует остановиться подробнее. Луи де Поттер происходил из знатной и богатой семьи. Родился он в Брюгге 26 апреля 1786 г. Семья его в период французского господства жила в Германии вплоть до начала Консульства. В 1811 г. Луи де Поттер уехал в Италию, где намерен был продолжать свое образование. 10 лет он провел в Риме (1811—1822) и 2 года во Флоренции. Здесь он усиленно изучал историю католической церкви. Плодом его трудов явилась книга, вышедшая в 1816 г.¹¹¹ В 1821 г. была опубликована его вторая работа в шести томах¹¹².

¹¹⁰ *Juste Th.* Op. cit., p. 390.

¹¹¹ *Considérations sur l'histoire des principaux conciles depuis les apôtres jusqu'au grande schisme d'Occident.* Bruxelles, 1816.

¹¹² *L'esprit de l'Eglise ou considérations sur l'histoire des conciles et des papes depuis Charlemagne jusqu'à nos jours.* Bruxelles, 1821.

Во время пребывания во Флоренции Луи де Поттер имел доступ к архивам в библиотеке семьи Риччи. Третья его книга¹¹³ появилась в 1825 г. и сразу же была переведена на немецкий и английский языки. Цель этой книги де Поттер видел в прославлении «жозефизма», в защите реформ, осуществленных в Тоскане во время правления великого герцога Леопольда Габсбурга, брата императора Иосифа II.

В 1823 г. де Поттер вернулся в Бельгию. После смерти отца он покинул свой родной Брюгге и обосновался в Брюсселе, где сразу же выдвинулся как талантливый публицист. Де Поттер был близок к тогдашнему министерству внутренних дел, и особенно к главе департамента внутренних дел Ван Гоббельшпроу, с которым когда-то учился в гимназии. Благодаря этим связям де Поттер мог бы сделать блестящую карьеру, однако, не чувствуя в себе склонности к официальной службе, предпочитал оставаться скромным публицистом, сотрудником газеты «*Courrier des Pays-Bas*». Эта газета была наиболее влиятельной среди либералов.

В 1827 г. Луи де Поттер стал одним из наиболее ревностных противников католицизма. В своих статьях он порицал католиков за конкордат, заключенный с римским двором, и в то же время приветствовал создание философского коллежа в бельгийских провинциях.

Однако в 1828 г. произошла разительная перемена во взглядах де Поттера. Он вместе с другими либералами провозгласил лозунг союза со своими бывшими врагами — католиками. Теперь они вместе требовали от правительства установления конституционных свобод. В ряде писем, опубликованных в «*Courrier des Pays-Bas*» в ноябре 1828 г., де Поттер критиковал политику гол-

¹¹³ *La vie de Scipion de Ricci, évêque de Pestoie et de Prato.* Bruxelles, 1825.

ландского правительства, за что был привлечен к суду, а затем 15 ноября 1828 г. заключен в тюрьму Пти-Карм. Ожидая суда, де Поттер не прекращал начатой борьбы и публиковал статьи с требованиями действительной свободы прессы, министерской ответственности, независимости судебной власти. В декабре 1828 г. суд приговорил Луи де Поттера к штрафу в 1000 флоринов и к 18 месяцам тюрьмы.

Находясь в тюрьме Пти-Карм, де Поттер продолжал агитацию в печати за союз католиков и либералов. Он был автором брошюры «Союз католиков и либералов в Нидерландах», которая перед революцией пользовалась необычайной популярностью среди бельгийцев.

Оппозиция либеральной партии требовала главным образом полной свободы печати. После опубликования указа 1814 г. относительно свободы печати и конституции 1815 г., уничтожавшей цензуру, появилось множество газет, смелый язык которых взволновал не только самих бельгийцев, но и многих дипломатов — от Каслри до Меттерниха.

В одном только Льеже¹⁴⁴, который служил убежищем многим французам, покинувшим Францию в период Реставрации, выходили десятки газет, смело критиковавших политику голландского правительства.

15 ноября 1829 г. узник Пти-Карм де Поттер опубликовал свое знаменитое «Письмо Демофила Ван Гоббельшпроу о гарантиях свободы бельгийцев в период открытия сессии Генеральных штатов (1829—1830 гг.)». За этим письмом последовал еще более пылкий протест против голландского господства — «Письмо Демофила» королю о новом проекте закона против прессы. Де Поттер доказывал здесь, что правительственная система противоречит основам конституционной монархии. В конце письма де Поттер, обращаясь к королю, заявлял: «...ваши придворные и министры, ваши льстецы и советники обманывают вас... система, которая усвоена правительством, губит его безвозвратно, и мы чувствуем грозу неизбежной катастрофы, избежать которую будет слишком поздно, когда роковой час пробьет»¹⁴⁵. Луи де Поттер предлагал образовать особое общество для оказания помощи чиновникам, уволенным со службы за несогласие с правительственной системой.

¹⁴⁴ Recherches historiques et bibliographiques sur les journaux et les écrits périodiques liégeois par Ulysse Capitaine. Liège, 1850.

¹⁴⁵ Gemelli C. Op. cit., p. 59.

За это он в начале 1830 г.¹⁴⁶ был приговорен судом к изгнанию из королевства на восемь лет.

Умеренные либералы — Сильвен Ван де Вейер, Лебо, Нотомб — были посредниками между обеими политическими партиями и призывали их забыть взаимные обиды, чтобы сообща добиваться удовлетворения своих требований. Таким образом, общая вражда к голландскому правительству привела к тому, что обе оппозиционные партии, несмотря на все разногласия, объединились для совместной борьбы с ним. «В один прекрасный день, — пишет Карло Джемелли, — католические журналы выступили в защиту либерализма, а либеральные газеты стали отстаивать католические интересы, и правительство Вильгельма I потеряло голову от этой неожиданной перемены ролей»¹⁴⁷.

Располагая теперь крупной силой, оппозиция быстро распространяла свои идеи среди городского и сельского населения южных провинций. Было организовано широкое петиционное движение, в газетах велась энергичная пропаганда, с парламентской трибуны раздавались пламенные речи. О значении бельгийской печати в подготовке революции писал К. Маркс в статье «Дебаты о свободе печати»: «Мы знаем, что бельгийская революция проявилась вначале как духовная революция, как революция печати... Бельгийская революция есть продукт бельгийского духа. Поэтому и печать, — самое свободное в наши дни проявление духа, — принимала участие в бельгийской революции. Бельгийская печать не была бы бельгийской печатью, если бы она стояла в стороне от революции, но точно так же бельгийская революция не была бы бельгийской, если бы она в то же время не была революцией печати»¹⁴⁸.

Петиционное движение в бельгийских провинциях приобрело настолько широкий размах, что стало внушать серьезное беспокойство королю и правительству. Вопрос о петициях неоднократно обсуждался в нижней палате Генеральных штатов в течение всего 1829 г. Так, на заседании 16 марта было оглашено большое число петиций: большинство их выдвигало требования свободы печати и образования, независимости судебной власти, независимости судопроизводства, отмены налога на помол, ответственности министров, свободного пользования французским языком, от-

¹⁴⁶ Gemelli C. Op. cit., p. 60.

¹⁴⁷ Ibid., p. 49.

¹⁴⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 42.

мены наказаний, введенных постановлением от 20 апреля 1815 г.¹¹⁹ Вопросу о петициях и жалобах бельгийцев различных провинций был посвящен специальный доклад министра внутренних дел Ван Гоббельшпроу, опубликованный полностью в «Gasette des Pays-Bas»¹²⁰. Министр писал в своем докладе в основном о петициях, требовавших свободы обучения, причем отмечал, что среди огромного числа подписей под этими петициями — фамилии «весьма уважаемых в королевстве людей». В ряде донесений царского посла Гурьева, адресованных Нессельроде, также уделялось большое внимание петициям. В донесении из Брюсселя от 4(16) февраля 1829 г. Гурьев сообщал о том, что за последнее время петиции в адрес Генеральных штатов поступают буквально из всех южных провинций. В петициях население требует независимости судопроизводства, уничтожения налога на помол, свободы прессы и образования¹²¹. В этом же письме Гурьев отмечал, что требование отмены налога на помол становится настолько всеобщим и повсеместным, что «правительство попытается отменить этот налог»¹²².

В 1829 г. петиции были покрыты 360 тыс. подписей, и движение охватило всю страну, все классы и слои общества: рабочих, ремесленников и сельское население, дворянство и буржуазию, промышленные и торговые круги. Рядом с петиционным движением шла страстная агитация в печати. Ван де Вейер, Нотомб, Дюкдесье, Жоттран и, особенно, де Поттер в «Courrier des Pays-Bas» и «Le Belge», Бартельс в гентской «Le Catholique», Лебо и Ш. Рожье в льежской «Le Politique» резко выступали против правительства. «Courrier des Pays-Bas» начала в 1829 г. печатать серию статистических материалов, где на основании точных цифр доказывалось, что все видные должности и звания в государстве захвачены голландцами. Голландское правительство, обеспокоенное влиянием, которое приобрела оппозиционная печать, содействовало созданию в Брюсселе специального органа — газеты «National», во главе которого был поставлен человек с запятнанной репутацией, родом итальянец, дважды осужденный во Франции за подлоги и побывавший в тулонской тюрьме, — Либри Баньяно. Редактор «National» стал застрельщиком в борьбе против бельгийской оппозиции. Его изречение «Нужно надеть бельгийцам на-

¹¹⁹ Pirenne H. Op. cit., p. 332.

¹²⁰ АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 890, л. 11.

¹²¹ Там же.

¹²² Там же.

мордник, как собакам» облетело всю Бельгию. Кроме того, к концу 1829 г. стало известно, что Либри Баньяно получил по трем королевским постановлениям 85 тыс. гульденов «для поддержания национальной индустрии». Чаша была полна, недоставало лишь капли, чтобы она перелилась через край.

К концу 1829 г. общественное недовольство зашло так далеко, что проявилось даже в парламенте, который 35 голосами против 32 отверг бюджет на следующий год. Правительству пришлось довольствоваться временным бюджетом. Все слои населения бельгийских провинций были недовольны голландским режимом. В письме к министру юстиции Ван Маанену один из голландских чиновников писал: «Если Ваше превосходительство спросит меня, в каком классе населения правительство еще насчитывает сторонников, я буду вынужден ответить, что ни в каком»¹²³.

Иностранные дипломаты в Гааге и Брюсселе, зорко следившие за положением в стране, с каждым днем все больше убеждались в серьезности нарастающего конфликта между бельгийцами и правительственными кругами. В феврале 1830 г. временный поверенный в делах Дании писал: «Я убежден, что ход событий в этой стране приведет к анархии, чтобы не сказать — к революции»¹²⁴. Его английские и французские коллеги разделяли эту тревогу и не видели иного средства выйти из положения, как установить ответственность министров, привести в порядок финансы и, таким путем, добиться приемлемого равновесия между Бельгией и Голландией.

К 1830 г. в бельгийских провинциях явно складывалась революционная ситуация. Налицо был кризис верхов и всей политики нидерландского правительства, которая вызывала сильнейшее недовольство всех классов и слоев бельгийского общества — буржуазии, духовенства, крестьянства, пролетариата. Вторым характерным признаком революционной ситуации, пишет В. И. Ленин, является обострение выше обычного нужды и бедствий угнетенных классов¹²⁵, не желающих в силу этого жить по-старому. И это имело место в Бельгии в 1829—1830 гг. Вся обстановка толкала массы к открытому самостоятельному выступлению.

¹²³ Pirenne H. Op. cit., v. 6, p. 366.

¹²⁴ Ibid., p. 368.

¹²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 218—219.

БЕЛЬГИЙСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1830 Г.

Влияние Июльской революции во Франции на события августа — сентября 1830 г. в Бельгии

Раскаты июльских боев 1830 г. во Франции громко отозвались во всей Европе. Самое непосредственное и сильное влияние Июльская революция оказала на Бельгию.

Бельгийский народ с большим энтузиазмом встретил вести о начавшейся французской революции. В донесении от 1(13) августа 1830 г. князь Ф. Голицын сообщал К. В. Нессельроде: «За волнением и беспокойством, которое испытывают жители Брюсселя, последовало всеобщее воодушевление и восхищение делом парижан»¹. Газета «Courrier des Pays-Bas» (этот номер русский посланник в Гааге переслал в Петербург) 11 августа писала: «...огромное большинство бельгийцев с энтузиазмом приветствуют все, что происходит во Франции в течение вот уже 15 дней»². Донесения Ф. Голицына этих дней полны неподдельного страха: «Ужасные новости из Франции произвели здесь и, в частности, в южных (бельгийских.— А. Н.) провинциях сенсацию, которую, мне кажется, невозможно описать. В Брюсселе народ собирается толпами, с нетерпением ожидая новостей из Парижа. Все дела отложены, заметно всеобщее беспокойство среди всех классов общества. Но среди этого всеобщего возбуждения доминирующими чувствами являются интерес и

любопытство»³. Голицын добавлял, что принц Оранский, хорошо осведомленный о настроениях бельгийской оппозиции, боится, как бы волнения во Франции «не подвергли опасности мир в Нидерландах». В заключение русский дипломат выражал надежду, что в создавшейся ситуации присутствие короля в Бельгии «будет иметь спасительные результаты и произведет благоприятное впечатление на мнение жителей»⁴. Однако эти надежды Голицына не оправдались. В Бельгии также вспыхнул пожар революции.

24 августа в бельгийских провинциях готовились отпраздновать день рождения короля Вильгельма I. На этот день намечались особо пышные торжества, тяжелым бременем ложившиеся на население. В Брюсселе по этому поводу была организована выставка, на которой были представлены промышленные товары и произведения искусства. Уже в этот день в некоторых кварталах Брюсселя появились первые признаки волнений. Днем было сформировано несколько отрядов, а вечером в парке были уничтожены сооружения, предназначенные для иллюминации. Власти не прибегли к крайним мерам. Ночь прошла довольно спокойно.

Однако буржуазная оппозиция была настроена весьма решительно: в Брюсселе повсюду появлялись афиши такого содержания: «Понедельник — 23 августа — фейерверк, вторник — 24-го — иллюминация, среда 25-го — революция»⁵. Прибывший в Брюссель король не придавал особого значения всеобщему возбуждению и отверг просьбу губернатора Южного Брабанта генерала Биланда о присылке военных подкреплений. Власти ограничились тем, что отменили иллюминацию 24 августа, опасаясь, что дворец и близлежащие здания могут невольно пострадать во время этих торжеств.

На следующий день, 25 августа, в Брюссельском оперном театре шла опера известного французского композитора Ф. Обера «Фенелла», или «Немая из Портичи». Именно с этой оперы, в которой дарование композитора проявилось так ярко и самобытно, началась его слава. Либретто оперы было написано знаменитым французским драматургом Э. Скрибом в соавторстве с Ж. Делавинем. Сюжет оперы взят из истории неаполитанского восстания под предводительством Мазаньелло против испанского владычества в 1647 г. Вот краткое содержание оперы. Население Неаполя

¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 43, л. 41.

² Там же, л. 43.

³ Там же, л. 28—29.

⁴ Там же.

⁵ Wasnaire E. Histoire ouvrière et paysanne de Belgique. Bruxelles, 1930, p. 131.

изнемогало под бременем налогов и вымогательств со стороны мадридского правительства. Притеснения приняли особенно невыносимый характер, когда к власти пришел Р. П. де Леон (герцог д'Аркос). 7 июля вспыхнуло восстание против налога на фрукты. Восстание возглавил молодой рыбак Томмазо Аньелло (сокращенно — Мазаньелло), убивший одного из испанских чиновников.

Примеру Мазаньелло последовали другие. Неаполитанцы с криками «Долой пошлину!» направились к таможням, разрушили их, а затем открыли ворота тюрем. Вице-король бежал из города, и вечером восставший народ провозгласил городским головой Мазаньелло.

В политическом отношении Мазаньелло был неопытным человеком. Кардинал Филомарино и легист Дженовино убедили его согласиться на капитуляцию, лживо заверив в том, что народ получит равные с дворянством политические права и сохранит оружие вплоть до утверждения договора испанским королем, что все налоги, введенные после правления короля Карла V, отменят, а восставшим будет дарована амнистия. Поверив обещаниям, Мазаньелло в сопровождении громадной толпы направился в собор, где д'Аркос поклялся ему соблюдать договор. После этого Мазаньелло заявил, что миссия его окончена, и вернулся в свою рыбацкую хижину. С этого времени у Мазаньелло появились признаки безумия. Вице-король сумел настроить толпу против Мазаньелло, и 16 июля он был зверски убит. На следующий день неаполитанцы, спохватившись, устроили своему бывшему вождю торжественные похороны. Так закончилось восстание жителей Неаполя.

Опера Обера была впервые поставлена 29 февраля 1828 г. на сцене Музыкальной академии в Париже. Многие арии из этой оперы снискали популярность, особенно «Любовь к отечеству святая». После Июльской революции в Париже постановка оперы была запрещена на сцене Брюссельского оперного театра, но 25 августа в честь дня рождения короля голландские власти разрешили ее поставить. Народные сцены из оперы произвели на брюссельских зрителей сильное впечатление: много общего было у бельгийцев с неаполитанцами, поднявшими бунт против пеналовистого иноземного ига. Полиция направила в театр шпионов и нескольких переодетых жандармов. Их тотчас же узнали. Зрители, расценив их присутствие как провокацию, освистали их при выходе из театра и преследовали до тех пор, пока те не скрылись.

Было около 10 часов вечера. Пятый акт «Немой из Портичи» подходил к концу. Призыв «К оружию!», произнесенный одним из героев оперы со сцены, тотчас же нашел живой отклик у зрителей, а следом за ними и у тех, кто не смог попасть на спектакль и был за пределами театра. Эти слова прозвучали как сигнал к восстанию.

После спектакля на театральной площади собрались толпы народа. Раздавались возгласы: «Да здравствует свобода! Да здравствует де Поттер!». Затем все двинулись к дому, где находилась редакция газеты «National». В доме ее издателя Либри Баньяно⁶, бывшего каторжника тулонской тюрьмы, разбили стекла, выломали дверь, уничтожили мебель и книги. Самого редактора в этот момент дома не оказалось, и это спасло его от расправы.

Поначалу войска бездействовали. Власти хотели избежать кровопролития, и войскам был дан приказ стрелять только в крайнем случае. В 3 часа ночи на улице Мадлен появились три отряда жандармов, к утру раздались первые ружейные выстрелы. Это вызвало бурю негодования у восставших бельгийцев. Плохо вооруженные, они двинулись навстречу жандармам и смело сражались с ними. Повстанцы направились к дому министра юстиции Ван Маанена. Ни минуты не колеблясь, восставшие разбили окна и двери, вытащили на площадь Пти-Саблон мебель и бумаги и подожгли все. В этот момент к дому Ван Маанена прибыли два отряда стрелков, руководимые лейтенантом Даммианом. Народ стоял плотным кольцом вокруг объятых пламенем дома. Из толпы вышел бедно одетый человек, вооруженный саблей, ружьем и двумя пистолетами, он остановился перед солдатами и обратился к ним и офицеру с такими словами: «Бросайте оружие, мы не уйдем отсюда, пока этот дом не сгорит дотла». Столько убеждения и силы было в его словах, что стрелки решили ретироваться, даже не попытав разогнать толпу.

⁶ Либри Баньяно — знатный флорентиец, граф, распутная молодость которого была хорошо известна его согражданам. Совершив преступление, он был изгнан из Флоренции. Баньяно прибыл во Францию, в Лион. И здесь он прославился своим умением подделывать важные бумаги. За это Либри Баньяно был сослан на каторгу, причем прежде он получил клеймо, которым палач отметил его плечо (в дополнение к моральному клейму, которое он получил от своих сограждан). После каторги Лион отказал ему в убежище, тогда Либри отправился в путь и после долгих скитаний прибыл в Брюссель, где был обласкан голландским правительством. И такому человеку было поручено издание правительственной газеты!

Как сообщала бельгийская газета «Journal d'Anvers et de la province» от 27 августа, «после домов Либри Баньяно и Ван Манена был полностью опустошен дом директора полиции Книфа... Лавки оружейников повсюду были разграблены, витрины театра разбиты»⁷.

Восставшие были вооружены в основном ружьями, взятыми в лавках оружейников. Они разоружали жандармов, солдат и пожарных, которые просили лишь оставить им топоры, необходимые при тушении пожаров.

Вместе с несколькими членами брюссельского революционного клуба, вдохновлявшегося идеями Луи де Поттера, во главе восставших встал Шави, пылкий патриот, опиравшийся на рабочих-печатников. Директор полиции Книф приказал было задержать Шави, но предпочел вскоре освободить его.

В первые часы революции в Брюсселе среди властей царил растерянность и страх. В 2 часа ночи офицеры Вотье (комендант Королевской площади) и Аберсон (начальник жандармерии) собрались у военного губернатора Южного Брабанта Биландта. Они не получили еще никакого приказа, но сведения о восстании уже докатились до казарм, и войска были вооружены. Гренадеры и стрелки, эскадрон драгун и жандармерия вместе составляли около 2 тыс. человек. Они разделились на три крупных отряда и патрулировали по городу, усиленно охраняя городскую ратушу.

В письме Голицына Ливену имеются некоторые новые детали в описании первого дня восстания. К утру войска открыли огонь по мятежникам, которые пытались проникнуть в королевский дворец и дворец принца Оранского, завладеть банком и взять с бою тюрьму. Около 20 человек были убиты и несколько ранены. Это охладило пыл восставших. Голицын писал: «Страх охватил большую часть жителей Брюсселя и иностранцев, которые спешно покидали город и находили убежище в провинциях; все лавки были закрыты, не было хлеба и другой провизии, которую крестьяне предместий привозили в город»⁸. Подобное описание встречается и в прессе: бельгийской — «*Courrier des Pays-Bas*», «*Journal d'Anvers et de la province*», французской — «*Journal des débats*» и русской — «*Московские ведомости*».

26 августа в 5 часов утра члены регентского совета и другие представители властей собрались в ратуше. Положение становилось серьезным. Правительственные войска не могли устоять пе-

ред вооруженным народом. В ратушу приходили все новые вести о том, что многие отряды разоружены, а некоторые обращались в бегство. На улицах появились первые убитые и множество раненых.

Представители буржуазии Эдуар Дюкпесьо, Жозеф Вандерлиндер, Макс Дельфосс, Шарль Плетинкс явились в ратушу и потребовали от правительства немедленного созыва буржуазной гвардии под руководством человека, имя которого было бы популярно среди рабочего класса. Предлагали кандидатуры герцога Аренберга, барона Огворста и промышленника Васса. Однако в это время в Брюсселе не было ни Аренберга, ни Огворста, пост командира буржуазной гвардии предложили генерал-лейтенанту Шарлю Плетинксу⁹.

Теперь необходимо было вооружить народ. С негласного решения Шарля Плетинкса и Флери-Дюре восставшие завладели складом оружия, находившимся в казарме Анонсиад. Отряды коммунальной гвардии вооружались и распределялись по отрядам.

Позднее, почти к вечеру, к этой же казарме прибыли представители буржуазии с той же целью — вооружаться. Обе стороны обменялись несколькими ружейными залпами.

Первый отряд буржуазной гвардии появился в городе 26 августа к 10 часам утра. В нем было 40 человек, решивших установить порядок любой ценой. Отряды народных повстанцев, которых они встретили близ церкви св. Гудулы, приблизились к буржуа с возгласами: «Да здравствуют брюссельцы! Да здравствуют буржуа!». При этом они протягивали руки и приветствовали членов буржуазной гвардии. Такое поведение несколько обескуражило буржуазию и опрокинуло ее планы подавления народного бунта. Поэтому члены буржуазной гвардии приняли благоразумное решение не стрелять в народ до тех пор, пока на них не нападут. Между тем правительственные войска получили приказ выйти из казарм и собраться на дворцовой площади.

Восставшие брюссельцы в 11 часов 30 минут собрались во дворе городской ратуши. Представился удобный случай расправиться с ними, однако буржуа не решились на это, боясь новых вспышек народного гнева.

К полудню 26 августа буржуазная гвардия насчитывала в своих рядах около 400 человек. Однако этого числа было явно недостаточно, чтобы противостоять разъяренной толпе, собравшейся

⁷ АВНР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 43, л. 58.

⁸ Там же, л. 57.

⁹ *Oppelt G. Histoire générale et chronologique de la Belgique de 1830 à 1860. Bruxelles, 1861, p. 76.*

на Гранд Пляс. Эта толпа несколько раз пыталась ворваться в ратушу и захватить ее, требовала от Плетинкса и Флери-Дюре разоружить буржуазную гвардию и, объединившись с народом, пойти к королевскому дворцу, прогнать правительственные войска и захватить резиденцию короля.

К 11 часам утра 26 августа была опубликована первая прокламация членов магистрата к гражданам Брюсселя. В ней говорилось о мерах, принятых в городе для восстановления порядка. Войскам было предложено удалиться в казармы. В прокламации было обещано уничтожение особо ненавистного налога на помол. Эта мера имела целью успокоить в основном беднейшие слои населения, так как увеличение цен на хлеб в первую очередь отражалось на положении трудящихся Бельгии. Прокламации, выходявшие в эти дни в Брюсселе, всячески старались успокоить жителей. Волнения в Брюсселе приписывались кучке бродяг-иностранцев, которые стремятся поджечь фабрики и уничтожить станки¹⁰. В прокламации от 27 августа, обращенной к народу Брюсселя, прямо говорилось: «Не вам должны быть приписаны беспорядки, происшедшие вчера в этом городе, они произведены пришельцами, которые чужды вашему прекрасному городу, а может быть, и всей Бельгии... Что касается вас, рабочих Брюсселя, везде известных своей любовью к порядку и деятельностью, то вы достаточно посвящены и знаете, что поджоги и разрушения общественных зданий возбудят во всех мирных жителях, особенно в купцах и фабрикантах, беспокойство, которое вашим интересам принесет вред... Бросьте оружие и вернитесь к своим занятиям»¹¹.

Нидерландский король был напуган всем происходившим. В эти дни Голицын писал Ливену из Гааги: «Впечатление, которое эта новость произвела на его величество, было глубоким и печальным. На следующий день, 27 августа, король отбыл в Гаагу и немедленно собрал государственный совет для обсуждения мер, способных предотвратить угрожающую королевству катастрофу»¹². Государственный совет решил, что следует немедленно привести армию в боевую готовность, призвать всех ополченцев (это должно было составить 100 тыс. человек), а также сформировать корпус в 20 тыс. человек, часть его сконцентрировать в Антверпене, часть в Маастрихте¹³.

¹⁰ Evénements de Bruxelles de 25 août 1830 et jours suivants. Bruxelles, 1830, p. 10.

¹¹ Ibid., p. 13

¹² АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 43, л. 63--64.

¹³ Там же.

Нескрываемой тревогой проникнуто письмо нидерландского министра иностранных дел барона Верстольк де Сёлен поверенному в делах в Петербурге О'Сюлливан де Грассу. Вот что он писал 26 августа (8 сентября) 1830 г.: «Можно считать, что последние события во Франции послужили если не причиной, то поводом как к восстанию, охватившему Брюссель, Люттих¹⁴ и некоторые другие местности, так и к всеобщему возбуждению в соседних провинциях. Каков бы ни был действительный характер событий, тем не менее серьезность положения не допускает применения обыкновенных мер. При данном положении вещей, по-видимому, придется решиться на пересмотр и существенные изменения основного закона и ослабить некоторые узы, связывающие в настоящее время нидерландские провинции»¹⁵.

Из этого документа явствует, что, хотя голландское правительство и было обеспокоено событиями в Бельгии, оно надеялось уладить конфликт с помощью некоторых уступок требованиям восставших бельгийцев. Однако последующие события опрокинули эти первоначальные расчеты.

Между тем в Брюсселе 27 августа повсюду были сорваны королевские гербы, а на ратуше было вывешено трехцветное (черно-желто-красное) брабантское знамя вместо королевского штандарта¹⁶.

Первыми на революционные выступления жителей Брюсселя откликнулись жители Вервье, одного из наиболее промышленных городов Бельгии. 27-го здесь стало известно о событиях в Брюсселе, а 28-го утром огромная масса народа собралась перед ратушей, послышались возгласы: «Уничтожим машины! Долой правительственных служащих!». На улицах появилось французское трехцветное знамя, в толпе народа кричали: «Да здравствует Наполеон! Долой Вильгельма!». После того как была разоружена коммунальная гвардия, толпа ворвалась в ратушу, завладела оружием, затем направилась к домам налоговых агентов и разрушила их.

В Лувене брюссельское восстание также вызвало всеобщий энтузиазм¹⁷. Народ, собравшийся на большой площади перед рату-

¹⁴ Люттих — старинное название г. Льежа.

¹⁵ Красный архив, 1941, № 1, с. 209.

¹⁶ *Leutre Ch. de. Histoire de la révolution belge de 1830. Bruxelles, s. a, v. 1, p. 82.*

¹⁷ АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 42, л. 65.

шей, заставил комиссаров полиции снять оранжевые кокарды, солдатам предлагали брататься.

В Льеже народ собрался на площади св. Ламбера¹⁸, оттуда двинулся по центральным улицам города, требуя оружия. Гербы Оранского дома повсюду срывали и бросали в грязь, а на их место водружали гербы Льежа. Административная комиссия и магистрат высказались за отделение от Голландии и послали людей и оружие в Брюссель. Во главе этого отряда льежских волонтеров встал один из лидеров либералов — Шарль Рожье. В теперешнем Льеже на стене внутреннего дворика провинциального дворца (Palais provincial) можно увидеть мемориальную доску, надпись которой гласит о том, что 4 сентября 1830 г. от этого дворца отправился в Брюссель отряд волонтеров во главе с Шарлем Рожье.

При известиях о событиях в Брюсселе, Льеже, Лувене волнения начали быстро разрастаться и охватили всю страну. В Монсе была создана гражданская гвардия, которая отправила делегатов в Брюссель в помощь восставшим. В Антверпене народ также восстал¹⁹. Подобные же выступления происходили в Шарлеруа, Турне, Намюре, Динане. Повсюду требовали освобождения от ненавистного голландского ига и установления независимости страны.

Начавшаяся в Брюсселе революция постепенно охватила таким образом почти все крупные города Бельгии. Однако вначале цели революции понимались ее участниками различно. Одни вообще и не думали об отделении от Голландии, желая лишь добиться известной административной автономии; другие, наоборот, стремились к превращению Бельгии в самостоятельное монархическое или республиканское государство; третьи полагали, что наилучшим решением вопроса было бы объединение с Францией. На первых порах ни одна из этих группировок не имела достаточного перевеса над другими, и многие рассчитывали уладить конфликт мирно, путем соглашения с королем. Совещание бельгийских нотаблей, собравшихся 28 августа в бриссельской ратуше, решило отправить к королю в Гаагу депутацию с просьбой выслушать требования бельгийского народа: установить принцип ответственности министров перед парламентом, немедленно удалить ненавистного Ван Маанена, более равномерно и справедливо распределять общественные должности между голландцами и

бельгийцами²⁰. В Гаагу отправились барон Эммануэль Огворст, граф Феликс де Мерод, Александр Жандебьен, Фредерик де Секюс и Пальмер²¹.

Одной из наиболее интересных фигур из числа посланных в Гаагу делегатов был Александр Жандебьен — выходец из семьи видных потомственных адвокатов. Александр начал свое образование в коллеже Турне и закончил его в бриссельском лицее в 1808 г. Став в 1811 г. по примеру своих предков адвокатом, Жандебьен женился на единственной дочери Бартелеми, также одного из знаменитых членов бриссельской адвокатуры. В 1828 г. Жандебьен, вслед за Луи де Поттером, стал сторонником союза католиков и либералов. Горячий противник голландского господства, Жандебьен мечтал использовать Июльскую французскую революцию, чтобы уничтожить голландское иго. «Я вижу в Июльской революции, — говорил он, — зарю нашего освобождения. 2 или 3 августа я желал союза Бельгии с Францией как единст-

¹⁸ АВНР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 42, л. 61.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же; Le Courrier des Pays-Bas, 1830, 31 août.

²¹ Evénements de Bruxelles..., p. 14.

венного способа освободиться от ига короля Вильгельма... Я желаю этого союза до момента нашей победы — 26 сентября. Эта победа позволила нам надеяться на национальную независимость и свободу».

После первых волнений в Брюсселе Александр Жандебьен предложил 28 августа послать делегацию в Гаагу, чтобы добиться уступок от короля. Делегация бельгийских нотаблей была принята голландским королем Вильгельмом. «Наша миссия,— писал Жандебьен де Поттеру,— была безрезультатна. Король дал нам неясные обещания и только мельком рассмотрел решение об отставке Ван Маанена. После аудиенции у короля нас принял министр внутренних дел де Ла Кост. Он нам сказал, что правительство находится в таком положении, что если оно уступит нашим жалобам, то это вызовет восстание в Голландии. Это высказывание министра озарило меня, и с этого момента я согласился с проектом отделения северных провинций от южных»²².

Вечером 1 сентября делегаты вернулись в Брюссель. Здесь состоялась встреча с принцем Оранским, который не решился утром въехать в город, покрытый баррикадами. Жандебьен имел с наследником престола 4-х часовую беседу. В качестве единственного средства спасения Жандебьен предложил принцу провозгласить его королем бельгийцев. «Нет,— ответил принц,— потомки не смогут сказать, что представитель рода Нассау сорвал корону с головы отца, чтобы одеть ее на свою голову»²³.

18 сентября Жандебьен, к тому времени член Комиссии общественной безопасности, спешно покинул Брюссель под удобным предлогом встречи с де Поттером в Лилле, где тот назначил ему свидание. К сожалению, мы не располагаем документом, раскрывающим подробности встречи Жандебьена с де Поттером. Но совершенно очевидно, что Луи де Поттер осудил Жандебьена за его нерешительное поведение накануне решающего сражения оставших бельгийцев с голландскими войсками. Не найдя поддержки у де Поттера, Жандебьен присоединился в Вальянсьенне к Ван де Вейеру. Как только эти малодушные буржуа узнали о том, что голландские войска, вошедшие в Брюссель, встретили там смелое сопротивление, Жандебьен и Ван де Вейер решили вернуться и присоединиться к защитникам бельгийской революции.

25 сентября в Брюсселе было учреждено Временное правительство, в которое вошел и Жандебьен.

Другой крупной фигурой из числа посланных в Гаагу делегатов был граф Феликс де Мерод — выходец из старинной аристократической семьи. Он родился в Маастрихте в 1791 г. Его детские годы прошли в Германии, куда отец его эмигрировал после французской оккупации Нидерландов. Семья вернулась на родину только в 1800 г., в период Консульства. В 1809 г. Феликс де Мерод женился на Розали де Граммон, дочери маркиза де Грамона и племяннице Лафайета. До 1830 г. Феликс де Мерод жил во Франции. В связи с последовавшей 18 февраля 1830 г. смертью отца он прибыл в Брюссель, где его застала революция, в которой он принял активное участие.

Вернувшись 1 сентября в составе делегации из Гааги в Брюссель, де Мерод 8 сентября был избран членом Комиссии общественной безопасности. В первые сентябрьские дни богатый граф де Мерод сделал широкий жест — пожертвовал значительную сумму денег рабочим, оставшимся без работы в результате революционных событий. Однако после 20 сентября, когда народные массы разоружили и изгнали из рагуши буржуазную гвардию, вопреки увещаниям Феликса де Мерода и Комиссии общественной безопасности, отношение графа к рабочим резко изменилось. Так же как и ряд других представителей господствующих классов, напуганных волной народного гнева, Феликс де Мерод покинул Брюссель под благовидным предлогом встречи с матерью в своем родовом замке. Здесь де Мерод узнал подробности сентябрьской битвы, восхищался смелостью народа, оставшегося без руководителей, и решил немедленно вернуться в Брюссель. 26 сентября Феликс де Мерод вошел в состав Временного правительства.

Итак, миссия делегатов, посланных в Гаагу, не увенчалась успехом: король ответил им, что установление ответственности министров перед парламентом противоречит конституции и что он не хотел бы, чтобы на него оказывали давление и требовали отставки того или иного министра. Соглашаясь уступить в вопросе о созыве Генеральных штатов, Вильгельм с особой силой подчеркнул, что он оказался бы в смешном положении в глазах Европы, если бы отступил перед бунтовщиками, все жалобы которых, по его мнению, ни на чем не основаны.

Голицын в очередном донесении из Гааги от 7 сентября с тревогой сообщал Ливену: «События, разыгрывающиеся в Бельгии, с каждым днем приобретают все более серьезный характер. Мятежный дух не только проник во все южные провинции, но даже перешел через прусские границы. Серьезные беспорядки имели место в Аахене и Кельне. К счастью, прусское правительство

²² *Garsou J. Alexandre Gendebien. Sa vie, ses mémoires. Bruxelles, 1931, p. 78.*

²³ *Ibid.*

энергичными мерами сумело подавить зло в самом зародыше. Требования мятежников возрастают вследствие мягкости и снисходительности, которые были проявлены к ним... Для разработки необходимых мер по восстановлению порядка и спокойствия принцем создана комиссия, которая как выразительница желаний подавляющего большинства жителей настаивает на полном отделении южных провинций от северных, не допуская никакой связи между ними, кроме царствующей династии»²⁴. Члены Генеральных штатов, находившиеся в Брюсселе, открыто заявили, что они не явятся на очередную сессию в Гаагу. «Таким образом,— с горечью добавляет Голицын,— чтобы выполнить требования жителей Брюсселя, пришлось бы изменить основной закон, пришлось бы создать две совершенно раздельные администрации, которые, не будучи руководимы одной и той же властью, в конце концов привели бы королевство к крушению и распаду»²⁵. «Теперь уже нет сомнений в том,— писал в заключении Голицын,— что толчок был дан из Парижа не французским правительством, но той же якобинской партией, которая только что произвела революцию во Франции»²⁶.

В действительности же правительство Луи-Филиппа, верное провозглашенному им принципу невмешательства во внутренние дела других государств, оставалось совершенно чуждым бельгийской революции. Об этом свидетельствует письмо доверенного лица нидерландскому министру иностранных дел барону Верстольк де Сёлен от 29 августа 1830 г.: «Командующий Северной дивизией, генерал-лейтенант Корбино высказал мне свои сожаления по поводу событий в Брюсселе и свои опасения, что у его величества короля Нидерландов может возникнуть мысль, что французское правительство причастно к мятежному движению. Он меня уверял, что король Франции и его министры огорчены этими событиями, и при этом сообщил мне только что полученную им телеграфную депешу, составленную в следующих выражениях: „Я вам приказываю оставаться совершенно в стороне от бельгийских событий и не допускать какой-либо связи с виновниками этих беспорядков. Правительство не желает вмешиваться ни в какие дела других государств“»²⁷.

²⁴ АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 43, л. 80; см.: *Colenbrander II. T. Gedenkstukken... D. III. 1830—1840. Nage, 1920, p. 392—393.*

²⁵ Там же, л. 81—82.

²⁶ Там же.

²⁷ Красный архив, 1941, № 1, с. 207.

В очередной депеше Ливену от 1 сентября Голицын также подчеркивал, что французское правительство с большим огорчением узнало о взрыве, который только что произошел в Бельгии. Граф Моле, министр иностранных дел Франции, заявил, что Франция не намерена поощрять восстание, напротив, «отдан приказ по телеграфу всем властям пограничных городов со стороны Бельгии, что каждый француз, который захочет вмешаться в дела своих соседей, будет сурово наказан»²⁸.

Тем временем события в Бельгии, как отмечал Гурьев в одном из своих донесений, развивались с «ужасающей быстротой». 27 августа произошло кровавое столкновение между восставшими брюссельцами, желавшими немедленно добиться провозглашения независимости Бельгии, и буржуазной гвардией. А 28 августа начались репрессии. Буржуазная гвардия произвела более 100 арестов, которые были разрешены голландскими властями²⁹. Адвокат Плэзан занял пост директора полиции и приказал арестовать руководителей рабочих, которые разрушали заводы. Один из них, Фонтэн, был осужден на 20 лет тюрьмы³⁰.

Для подавления мятежа Вильгельм I решил послать в Брюссель небольшую армию в 6 тыс. человек во главе со своими сыновьями — принцем Вильгельмом Оранским и принцем Фридрихом. Штаб-квартира этой армии находилась в Вильворде. Письмо нидерландского министра иностранных дел Верстольк де Сё-

²⁸ АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 43, л. 68.

²⁹ *Bologne M. L'insurrection prolétarienne de 1830 en Belgique. Bruxelles, 1929, p. 32.*

³⁰ *Ibid.*

лена русскому министру иностранных дел К. В. Нессельроде от 31 августа 1830 г. полно радужных надежд, что в ближайшие дни беспорядки в южных провинциях прекратятся, что принцу Фридриху удастся подавить мятеж. «За последние дни положение вещей в южных провинциях не ухудшилось,— писал Верстольк де Сёлен.— В Брюсселе гарнизон по-прежнему расположен перед дворцом короля и принцев, а гражданская гвардия занимает другие части города и охраняет их от грабителей и поджигателей. Значительные вооруженные силы двигаются из северных провинций к Антверпену и Маастрихту. Принц Оранский и принц Фридрих находятся в Антверпене. Перед их прибытием гражданская гвардия вынуждена была открыть огонь против напавшей на нее толпы. В результате этого столкновения двое или трое были убиты, а несколько человек ранены. После этого в Антверпене установилось полное спокойствие. Крепость находится в оборонительном состоянии. В Брюгге мятежники сожгли дом господина Санделина, члена Генеральных Штатов, но порядок в городе был восстановлен. В Генте, несмотря на некоторое возбуждение в народе, порядок также поддерживался. Так же обстоит дело в Монсе и Намюре. В Маастрихте — полное спокойствие. В Люттихе — сильное брожение, однако организовавшаяся там гражданская гвардия поддерживает спокойствие. Создана комиссия, в состав которой входят члены оппозиционной партии. В равнинных местностях спокойно. В Вербье спокойствие, по-видимому, еще не восстановлено. В Лувене сформирована также гражданская гвардия. В этом городе, так же как и в Брюсселе, носят городские и брабантские цвета. Две комиссии, одна из Брюсселя, а другая из Люттиха, находятся в Гааге, они направлены в качестве депутатов к королю. Вполне можно надеяться, что войска, посланные из Антверпена в Брюссель, смогут беспрепятственно занять город»³¹.

Однако тон депеши Ф. Голицына Ливену от 1 сентября совсем иной. Голицын утверждал, что эти события «нельзя больше рассматривать как народное возмущение, но как настоящую революцию». Далее Голицын пишет, что, хотя в войсках царит еще бравый дух, «их действия полностью парализованы в Брюсселе буржуазной гвардией, которая одна хочет занять все посты и поддерживать порядок и спокойствие. Народ почти весь вооружен... Пока невозможно в первый момент волнений узнать в дей-

ствительности, какие движущие силы вызвали это движение, но, без сомнения, оно произошло по наущению партии, которая хочет только свержения трона и которая всеми возможными способами разжигает волнения, подрывает уважение к принципам и к королевской семье и проповедует доктрины, пагубные для всякого порядка. Народ, привлеченный приманкой грабежа,— орудие этой партии»³².

31 августа утром адъютант принца Оранского Крюкенбург (Cruquenbourg) пригласил коменданта буржуазной гвардии прибыть к нему в Лекен. Барон Отворст прибыл в сопровождении Вандерсмиссена, Оттона, Ван дер Бурха, Руппа и Ван де Вейера. Это была первая депутация. Они высказали принцам пожелание, чтобы те прибыли в город в сопровождении бельгийских депутатов, и это убедило бы всех в их добрых намерениях.

Однако через три часа делегация вернулась с малоутешительным ответом. Сыновья короля, обозленные тем, что увидели на членах делегации брабантские цвета, хотели их сорвать, а делегатов арестовать.

Несмотря на то что бельгийцы уговаривали принцев не входить в город с войсками, Вильгельм Оранский и Фридрих обнародовали прокламацию, в которой сообщали, что войдут в город в сопровождении вооруженных сил. Как только об этой прокламации узнали брюссельцы, в городе начались волнения. Повсюду раздавались крики: «Войска входят в город, к оружию! Построим баррикады, к оружию!» Эти волнения были подобны электрической искре: мужчины, женщины, дети — все брались за оружие. Около 8 тыс. граждан собрались на центральных улицах Брюсселя и готовы были вступить в бой. К 12 часам ночи более 50 баррикад были воздвигнуты на главных улицах города.

В 7 часов вечера в штаб-квартиру принцев отправилась вторая за этот день делегация брюссельцев, в которую вошли барон де Секюс-отец, Оттон, Вандерсмиссен, герцог Аренберг, принц де Линь, граф Дюваль, Макс Дельфосс и Тейхман. Эту делегацию встретили весьма сдержанно. Делегаты нарисовали яркую картину бедствий, которым подверглись Брюссель, Бельгия и все королевство в целом. Делегаты объявили принцам, что на них падет ответственность за пролитую кровь, а принц де Линь добавил, что, если их королевские высочества силой вступят в город, они вынуждены будут идти по трупам. После разговора с делегатами

³¹ Красный архив, 1941, № 1, с. 207—208.

³² АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 43, л. 60.

принц Оранский, посоветовавшись с братом, заявил, что завтра он войдет в Брюссель один, без войска, лишь со штабом.

Действительно, 1 сентября принц Оранский вступил в Брюссель лишь в сопровождении шести генералов, адъютантов и двух слуг. Его крайне удивило обилие трехцветных знамен, развевавшихся на арках и крышах домов. Более того, офицеры, гвардия, весь народ, вплоть до детей и женщин, носили брабантские цвета. Он ожидал, что его встретят с большим энтузиазмом, возгласами: «Да здравствует король!». Но ничего этого не было, народ безмолвствовал.

При виде первых баррикад принц побледнел: бесчисленные брабантские знамена, мрачное молчание огромной толпы — все это произвело тягостное впечатление на наследника престола. На Антверпенской площади его окружила еще более внушительная толпа, раздались одиночные возгласы: «Да здравствует принц! Да здравствует свобода!». Принц оживился: «Да здравствует свобода, но также и да здравствует король!». Принц Оранский обратился к жителям с речью и заявил, что он почитает себя счастливым, находясь среди бельгийцев, которых он всегда любил. Вильгельм напомнил также, что при Ватерлоо он проливал кровь за национальную независимость, и добавил, что и ныне готов к этому³³. Принц сказал также, что войска, стоявшие у стен Брюсселя, должны быть направлены против врага, но не против подданных короля. Король любит своих подданных и не хочет, чтобы пролилась кровь бельгийцев. Слова эти не получили никакого отклика, все молчали. Принц со свитой вынужден был поспешно удалиться в свой дворец.

В этот же день состоялось заседание Генеральной ассамблеи буржуазной гвардии, которая потребовала отделения Бельгии от Голландии без каких бы то ни было контактов с царствующей династией. Принц вынужден был обещать, что, возвратившись в Гаагу, он представит на рассмотрение королю мнение ассамблеи³⁴.

Как только принц прибыл в Гаагу, собрался министерский совет, который на трех заседаниях обсуждал ответ жителям бельгийских провинций. 6 сентября ответ стал известен: король Нидерландов обратился к южным провинциям с прокламацией, в которой соглашался созвать Генеральные штаты: «В данный момент не верят, что эта прокламация сможет успокоить возбуждение

умов в Брюсселе, и опасаются, наоборот, еще больших беспорядков,— писал по этому поводу Голицын.— Желая подражать до конца революции в Париже, восставшие в Брюсселе, вероятно, приступят немедленно к формированию временного правительства и палаты, составленной из членов Генеральных штатов»³⁵. Как показали дальнейшие события, прогноз Голицына оказался верным.

В правительственных кругах царила полная растерянность, король не мог решиться на какой-либо определенный шаг. В донесении Ливену от 6(18) сентября Голицын так охарактеризовал обстановку в бельгийских провинциях: «...революционная фракция в данный момент разделена на две партии, одна из которых хочет полного и окончательного разделения двух частей королевства, другая настаивает на образовании Временного правительства. Большинство желало бы видеть прежний порядок вещей, но все охвачено страхом перед вооруженным народом, который ждет только предложения, чтобы начать грабеж. До настоящего времени правительство еще ничего не решило относительно партии, сторону которой она примет, чтобы положить конец таким бедствиям. Многие депутаты настаивают, чтобы король провозгласил общую амнистию, но государственный совет хочет, напротив, применить вооруженную силу, чтобы подчинить мятежников»³⁶.

Из Гааги в Брюссель тем временем вернулась делегация бельгийских нотаблей и дала отчет о своем свидании с королем. Ответ короля вызвал общее возмущение. Если раньше выдвигалось лишь требование отдельной администрации для Бельгии, то теперь восставший народ все настойчивее и решительнее требовал полной политической независимости.

В очередном письме Ливену от 26 августа (7 сентября) 1830 г. Ф. Голицын писал, что бельгийцам вряд ли удастся добиться политической независимости без согласия великих держав, подписанием соглашения, которое гарантирует Оранскому дому владение Бельгией³⁷.

Между тем в связи с возрастанием народных требований изменилась и политика правительства. В одной из официальных правительственных газет появилась заметка о решении «вырвать зло с корнем и силой ответить на силу». Газета Арнгема, ком-

³³ Московские ведомости, 1830, 17 сент.

³⁴ АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 43, л. 60.

³⁵ Там же, л. 77.

³⁶ Там же, л. 98.

³⁷ Там же, л. 33; см.: *Colenbrander H. T.* Op. cit., p. 394.

ментируя эти слова, писала: «Повстанцы требуют отделения одной части от другой. На это необходимо ответить словами: К оружию! Смерть мятежникам! Будем помнить, что кровь повстанцев не есть братская кровь!». Не менее резко писал в те дни один амстердамский журнал: «Кто позволил бельгийцам иметь свою волю? Если застрелить принца де Линь и других разбойников той же породы, то восстанию был бы положен конец»³⁸.

15 сентября в Гааге открылась чрезвычайная сессия Генеральных штатов. Вильгельм произнес речь, в которой дал понять, что намерен принять самые энергичные меры для восстановления порядка. Король подчеркнул также, что он ни в коем случае не намерен делать каких-либо уступок мятежникам и никогда не согласится «жертвовать интересами нации духу сопротивления и революции».

Однако под натиском восставшего народа король вынужден был пойти на некоторые уступки и внести в Генеральные штаты предложение об изменении конституции 1815 г., зная, конечно, заранее, что голландские депутаты никогда не согласятся пойти навстречу бельгийским требованиям. И действительно, как только 16 сентября после выборов президиума Генеральных штатов был поднят вопрос об удовлетворении народных требований, голландские депутаты заявили, что прежде всего следует наказать виновных и что с «громилами и поджигателями» они не намерены вступать в переговоры.

Посылая в Петербург очередное подробное донесение о бельгийских событиях, Гурьев пытается нарисовать довольно утешительную картину происходящего: «Позиция, занятая правительством, весьма выгодна, так как оно опирается на свое право. Руководствуясь основным законом, оно отклонило требования мятежников и этим привлекло на свою сторону Генеральные штаты, проявляющие умеренные настроения.

Выдвинутая необузданными страстями, неосуществимая на практике мысль о полном разделении двух великих частей королевства теряет постепенно своих сторонников по мере того, как рассудок одерживает верх. Политический характер, который старались придать восстанию некоторые мятежники из дворян и адвокатов, к счастью, изменил свой вид. Эти лица остались по-

³⁸ Бергран Л. История демократии и социализма в Бельгии с 1830 г. М., 1907, с. 25.

зади и должны были отстраниться. Восстание приобрело свое первоначальное значение народного бунта, возникшего вследствие заразительного примера и вследствие иностранного влияния, бунта, руководимого сумасбродными и преступными элементами, имеющимися в стране.

Если к мудрости, руководившей действиями правительства в этих тяжелых обстоятельствах, оно прибавит еще энергичные меры, то имеется полная надежда, что порядок и спокойствие будут вскоре восстановлены. Таким образом, были бы предотвращены неисчислимые последствия, которые могут произойти от малейшего ошибочного мероприятия, от проявленной слабости, колебания и был бы дан спасительный пример правительствам, которым грозят те же опасности, а может быть, и всеобщая война с Европой, правда пока еще отдаленная»³⁹.

В этом донесении Гурьев делал довольно поспешные выводы о том, что революционная волна спадает, что в скором времени порядок будет восстановлен благодаря правительственным войскам, в которых царит бравый дух. Но Гурьев явно недооценивал значение народных масс в этих событиях. Уже после беседы с принцем Оранским и министром иностранных дел Верстольк де Сёлен он понял, что мысль о разделении двух частей королевства не является столь уж не осуществимой. В депеше от 12(24) сентября 1830 г. русский дипломат сообщал, что, «если изменения в отношениях двух частей королевства будут признаны необходимыми, они будут применены только к чисто административной части, а первоначальные условия, установленные трактатами в целях порядка и европейской безопасности, останутся неизменными»⁴⁰.

В это время голландский король Вильгельм I отдал приказ своему младшему сыну — принцу Фридриху занять все крепости и города вокруг Брюсселя. 14-ти тысячное войско готовилось нанести решительный удар бельгийской революции. В депеше от 11(23) сентября 1830 г. М. Д. Гурьев сообщал в Министерство иностранных дел России, что в войсках короля в Бельгии насчитывается около 50 тыс. человек, причем половина их приходится на гарнизоны крепостей. Другая половина разделена на два армейских корпуса, из которых один имеет поддержку в Антверпене, а другой — в крепости Маастрихт. Один из этих корпу-

³⁹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 42, л. 65—66.

⁴⁰ Там же, д. 42, л. 76.

сов во главе с принцем Фридрихом полным маршем движется к Брюсселю⁴¹.

Перед тем как войти в Брюссель, 21 сентября принц обнародовал прокламацию, надеясь, что она «внушит спасительный страх виновным и что она создаст ему поддержку со стороны тех жителей, которые страдают под тяжестью неисчислимых бедствий»⁴². В этой прокламации принц обещал полную амнистию бельгийцам, поднявшим оружие против королевской власти, если они прекратят борьбу. Однако в конце прокламации принц добавил: «Всякое сопротивление будет отражено силой оружия, виновные же в сопротивлении, которые попадутся в руки военной силы, будут преданы уголовному суду»⁴³.

Как же вели себя в это время представители официальной власти в Брюсселе? Магистрат, утратив всякое влияние среди восставших, решил устраниваться от какого бы то ни было вмешательства в дела брюссельцев. Голландский губернатор выехал из Брюсселя в Гаагу, вслед за ним туда же отправились и другие чиновники магистрата.

21 сентября в Брюсселе буржуазная гвардия приступила к выборам Комиссии общественной безопасности (Comission de sûreté publique), названной вначале Комиссией защиты (Commission de défense)⁴⁴. В Комиссию вошли Феликс де Мерод, Жан-дебьен, Рупп, Мееюс и Ван де Вейер, которые группировались также с умеренными и демократами. Комиссия выпустила прокламацию, в которой многообещающе заявила, что примет все зависящие от нее меры для обеспечения безопасности жителей. В ответ на стенах Брюсселя появилась контрпрокламация. «Бельгийцы, — так она начиналась, — будущность страны в ваших руках, она зависит от вашего мужества. Пусть на нашем знамени будут слова: Отделение и слава нашей Родины! В них наше спасение, в них обеспечение наших верховных прав и нашей свободы, которые оставались столь долго непризнанными»⁴⁵.

Комиссия общественной безопасности бездействовала, не желая скомпрометировать себя в глазах народа, который мог победить, и в глазах голландского правительства, которое также могло восторжествовать.

⁴¹ АВВР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 42, л. 65—66.

⁴² Там же, л. 69—70.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Wargny. Op. cit., p. 220.

⁴⁵ Bologne M. Op. cit., p. 49.

Находясь в курсе происходивших в Брюсселе событий, де Поттер посылал из Парижа письма, в которых осудил умеренность и нерешительность буржуазии. Он поставил на повестку дня вопрос об образовании независимой федеративной республики. Это слово, которое отражало чаяния народа, вызвало беспокойство в Комиссии безопасности. Тогда более радикально настроенные элементы 28 сентября отделились от нее, чтобы основать le Club de la Salle Saint-Georges, или Центральное собрание (Réunion Centrale)⁴⁶, противопоставив его Комиссии. Это был раскол в рядах буржуазии между правыми и левыми элементами под давлением демократических слоев и пролетариата.

Комиссия безопасности оставалась верна режиму и опиралась

⁴⁶ Wargny. Op. cit., p. 220.

на крупную буржуазию. Центральное собрание, хотя и не имело вполне определенной и законченной программы, опиралось на народ: многие представители рабочего класса присутствовали на его заседаниях.

Бельгийские депутаты, вернувшиеся из Гааги, 19 сентября вечером сделали доклад перед членами Комиссии безопасности о заседании Генеральных штатов. Они говорили о неясных обещаниях правительства мятежным бельгийцам. Большинство Комиссии выразило удовлетворение этим докладом и предложило подождать, однако более дальновидные из числа умеренно настроенной буржуазии — Ван де Вейер, Плетинкс, Пальмер — высказали мысль о разделении и присоединились к Центральному собранию.

Тем временем голландские войска окружили Брюссель. Накануне, 17 сентября, на помощь восставшим прибыли добровольцы из Вавра, Боринажа, Шарлеруа, Льежа, Лимбурга и обеих Фландрий. Ночью 18 сентября несколько отважных льежцев-волонтеров отпраздновали на разведку позиций, занятых врагом. Одна группа отправилась в Вильворде, другая — в Тервюрен. Первая группа возвратилась, не добившись успеха, а второй удалось обезоружить 30 кавалеристов и привести их в Брюссель.

Такая смелость напугала Комиссию безопасности, и она тотчас выпустила прокламацию, в которой осуждала поступок волонтеров, приказывала возвратит немедленно отнятых лошадей и объявляла, что принцу Фридриху послано письмо с обещанием дать должное удовлетворение за нарушение порядка.

В эти дни на улицах Брюсселя появились многочисленные группы вооруженных рабочих. К 10-ти часам вечера 22 сентября Большая площадь Брюсселя была черна от народа. Повсюду раздавались крики: «Оружия! Вперед! Нас предали и продали! Долой комиссию! Долой буржуазную гвардию!» Группы рабочих разошлись в разных направлениях, чтобы обезоружить буржуазную гвардию. К часу ночи атаковали патруль буржуазной гвардии, в результате этой стычки убиты были четыре человека⁴⁷. К 6 часам утра рабочие, большей частью вооруженные, сформировали отряды. Целью рабочих было разоружение буржуазии, которая к этому времени покинула свои посты. 20 сентября Комиссия безопасности и штаб буржуазной гвардии собрались в 8 часов утра в ратуше, чтобы обсудить создавшееся положение.

⁴⁷ *Bologne M. Op. cit.*, p. 47—48.

На следующий день более 1500 человек, в основном из рабочих, в 10 часов утра ворвались в ратушу, взломали двери с криками: «Да здравствует свобода! Долой изменников и подкупленных! — и выгнали руководителей буржуазии из ратуши.

После взятия ратуши народ собрался на Большой площади. По данным М. Болонь, в разоружении буржуазии приняли участие около 10 тыс. рабочих⁴⁸. Нотабли, крупные буржуа, офицеры гвардии и члены Комиссии безопасности бежали, большей частью во Францию. Власть перешла в руки Центрального собрания и руководителей волонтеров.

Брюссельцы, вооруженные палками, пиками, пистолетами, саблями и ружьями, организовались по отрядам и распределили посты. Бывший начальник буржуазной гвардии барон Эммануэль Огворт, не теряя присутствия духа, уже на следующий день, 21 сентября, попытался реорганизовать свою гвардию, войдя в контакт с буржуазными демократами Центрального собрания — Плетинксом, Вандермиреном, Меллине, Ниелоном, Грегуаром, Роденбахом⁴⁹. Эта часть демократически настроенной буржуазии решила сформировать правительство, заменив распущенную Комис-

⁴⁸ *Bologne M. Op. cit.*, p. 51.

⁴⁹ Шарль Плетинкс (Charles-Joseph-Pierre) (1797—1877) — генерал-лейтенант, главный комендант гражданской гвардии Брюсселя. В начале событий 1830 г. он был вдохновителем и организатором национальной гвардии. Франсуа Меллине (1768—1852) — французский бригадный генерал. В 1830—1831 гг. возглавил первый корпус бельгийской армии. Принимал активное участие в сражении 23—26 сентября 1830 г. Шарль Ниелон (1795—1871) — военный. Возглавил корпус волонтеров в период осады Брюсселя. Ниелон опубликовал в Брюсселе в 1868 г. работу «L'histoire des événements militaires et des conspirations orangistes de la révolution de Belgique de 1830 — à 1833». Константин Франсуа Роденбах (1791—1846) — доктор медицины, профессор, крупный политический деятель и публицист. Изучал медицину в Париже, стал военным врачом в на-

сию безопасности. В состав Временного правительства вошли Рейкем из Льеже, Феликс де Мерод, Ван де Вейер, де Поттер, Ультремон из Льежа, Стассар, Жандебьен⁵⁰.

На следующий день появилась другая афиша, извещавшая об ином составе Временного правительства: де Поттер, Ультремон из Льежа, Жандебьен. Но и второе Временное правительство, как и первое, не начало своей деятельности.

Между тем рабочие Брюсселя активно готовились к встрече с голландцами, стоявшими у ворот города. Повсюду возводились баррикады, группы вооруженных рабочих направлялись к воротам города. Вожди буржуазии оставили город на произвол судьбы. Жандебьен, Влеминкс, Ван де Вейер, Ниелон, Ван дер Бурхт, Муайяр бежали в Валиансьенн, Пьер Роденбах — в Лилль, граф де Мерод — в свой замок Грелон⁵¹.

**Сражение в Брюсселе 23—26 сентября.
Победа восставшего народа.
Образование Временного правительства**

23 сентября положение в стране обострилось. На улицах Гента, Намюра, Брюгге начались кровопролитные бои. В этот же день, 23 сентября, утром голландские войска выступили из Гента, Лекена, Шарбека и Лувена по направлению к Брюсселю. На рассвете несколько крестьян и конный патруль известили брюссельцев о движении войска. В 7 часов утра ударили в набат, а в 8 раздался первый пушечный выстрел.

Подробное описание битвы находим в донесении Гурьева от 24 сентября. Он сообщал Нессельроде, что прокламация принца не произвела желаемого действия, и принц приказал своим войскам двинуться на Брюссель. «21 и 22 сентября, — пишет Гурьев, — аванпосты его королевского высочества опрокинули наблюдательный пункт мятежников, который был расположен перед

полеоновской армии. Участвовал в боях при Лютцене и Баутцене; в Бельгию вернулся в 1815 г. и как практикующий врач обосновался в г. Брюгге. Все братья Роденбах (Константин, Александр, Пьер) приняли активное участие в кампании, которую проводили католики Западной Фландрии против правительства Вильгельма I. Они возглавили петиционное движение, создали в 1829 г. «L'Ordre de l'Infamie». В 1839 г. бельгийское правительство назначило Константина Роденбаха послом в Швейцарию, а в 1842 г. он переехал в Афины, где и умер.

⁵⁰ Wagny Esquisses historiques de la révolution de la Belgique en 1830. Bruxelles, 1830, p. 218.

⁵¹ Wasnaire E Op cit., p. 133.

городом. Атака началась у Шарбекских ворот. Несмотря на упорное сопротивление, войска, пробиваясь через Королевскую улицу под градом пуль, сыпавшихся на них из окон домов, завладели верхней частью города вплоть до Королевской площади⁵². На следующий день голландские войска получили подкрепление из Брен-Алеу, Нивеля и Ватерлоо.

К этому времени в Брюсселе было организовано третье Временное правительство, в состав которого вошли: барон Вандерлинден Огворст из Брюсселя, Ш. Рожье, адвокат из Льежа, Жолли, бывший офицер. Секретарями при них состояли Копэн и Вандергинден из Брюсселя⁵³.

Прокламация об образовании Временного правительства была восторженно встречена народом, который рассчитывал, что оно

⁵² АВПР, ф Канцелярия МИД, оп. 469, д. 42, л. 69—70.

⁵³ Wagny Op. cit., p. 340.

будет руководить революционным движением. Однако и это третье правительство, действовавшее под названием административной комиссии, просуществовало только 48 часов⁵⁴.

Между тем наступление голландцев принимало все более ожесточенный характер. 24-го, вечером, батареи, закрепленные за дворцом принца Оранского, открыли пальбу ядрами и гранатами. Во многих кварталах города начался пожар.

Ночь с 24-го на 25-е прошла у восставших в приготовлениях к решительному бою. Прокламации расклеивались и читались прямо на улицах, они призывали жителей к мужественной обороне. Одна из прокламаций была издана Временным правительством и заканчивалась словами: «Брюссельцы! Удвойте вашу бдительность и отвагу. К вашим баррикадам и к вашим окопам прибавляйте новые баррикады, новые окопы. Помните, что парижской революции помогло одержать победу огромное количество камней и мебели, бросаемых из окон. Наполняйте же ваши дома этими страшными снарядами, и пусть враг ваш, раздавленный и побежденный, узнает, как опасно и губительно вступать в битву с народом, который добивается свободы и независимости»⁵⁵.

Весь день 25 сентября шло ожесточенное сражение. Число убитых голландцев достигло 520 человек, было много раненых. Восставшие потеряли более 400 человек⁵⁶.

Но самым знаменательным днем было воскресенье 26 сентября. Восставшие решили вести главную атаку на парк, где засел неприятель. Отряды генералов Вандермирена и Меллине должны были напасть на голландцев с одной стороны, отряды горожан под предводительством Шарлье (получившего в народе прозвище «деревянная нога») — продолжать битву, начатую накануне. Однако ночью голландцы, оставив свои позиции, отступили, и, таким образом, победа революции стала очевидной.

В своем очередном донесении от 28 (16) сентября Гурьев отмечал, что «масса жителей Брюсселя остается нейтральной в этой борьбе и думает только о своем спасении и сохранении своей собственности»⁵⁷. Здесь царский дипломат, конечно, имел

⁵⁴ *Wargny* Op. cit., p. 340.

⁵⁵ *Oppelt G.* Op. cit., p. 289. Proclamation de 24 septembre 1830.

⁵⁶ Эти данные приводит в таблице Густав Оппелт в своей книге (*Oppelt G.* Op. cit., p. 326).

⁵⁷ АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 42, л. 81–82.

в виду представителей буржуазии. Далее Гурьев описывал ход борьбы: «Некоторые местные экзальтированные граждане, большое количество льежцев и французов захватили в свои руки город, решившись, по-видимому, похоронить себя под его развалинами. С криком «Свобода!» и с чувством ненависти против голландцев толпы бандитов предаются грабежу и насилиям под руководством главарей. Среди них упоминаются французский генерал Меллине, бывший бонапартист, высланный из Франции, и испанец Ван Гален, который служил в России и известен своими мемуарами... Множество атак было предпринято войсками короля, но, видя невозможность сохранить свое преимущественное положение и чтобы избежать напрасных потерь лю-

дей, принц принял решение удалиться со своей первой позиции, которую он занимал»⁵⁸.

Таким образом, королевские войска под натиском восставшего народа вынуждены были отступить. Когда стало известно о поражении войск Фридриха, правительство решило скрыть от короля Вильгельма I эту печальную новость до утра 27 сентября. Для восставших бельгийцев весть об отступлении королевских войск из Брюсселя послужила сигналом к новым выступлениям. В очередной депеше Нессельроде Гурьев сообщал, что революционные волнения охватывают все новые и новые города. «Брюгге восстал и заставил свой гарнизон в количестве 1100 человек покинуть город и укрыться в Остенде. Самому же Ос-

тенде, согласно донесению английского консула, ежеминутно угрожает восстание простонародья. Остенде не в состоянии обороняться, и войска будут вынуждены броситься в Нью-Порт, находящийся на военном положении и снабженный продовольствием. Не меньше тревоги внушает и мануфактурный город Гент, фабриканты которого скоро будут не в состоянии предоставить работу своим рабочим»⁵⁹.

В отступавших из Брюсселя голландских войсках принца Фридриха начали появляться первые признаки дезорганизации, о чем должен был сообщить и Гурьев: «Гарнизон одной из важных крепостей Мопса дал себя обезоружить народу, который завладел фортом и арсеналом. Гарнизон Остенде капитулировал вместе с буржуазией... Выражают беспокойство о судьбе цитадели Льежа, в которой отсутствуют съестные припасы. Чувствуя невозможность оккупировать всю линию крепостей, правительство сконцентрировало силы, которыми оно еще располагает, на тех крепостях, которые ведут из Антверпена, через Бреду до

Маастрихта, чтобы сохранить оборонительное положение, которое оно может противопоставить инсургентам»⁶⁰.

Центром революционных выступлений широких народных масс по-прежнему оставался Брюссель. Здесь 26 сентября было создано пятое по счету Временное правительство, которое в тот же день издало свою первую прокламацию, напечатанную в «Catholique des Pays-Bas». В ней говорилось: «Мужественные бельгийцы! Вот уже давно вы принесены в жертву зависти голландцев, которые завладели всеми должностями и используют все возможности, чтобы унижать вас, помыкать вами. Ненавистный режим пристрастий и несправедливостей всякого рода слишком

⁵⁸ АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 42, л. 81–82.

⁵⁹ Там же, л. 101.

⁶⁰ Там же, л. 111–112.

долго вас угнетал. Бравые солдаты! Настал час освободить наш народ от гнета, которым давила нас эта вырождающаяся нация... имя бельгийца не будет больше поводом для несправедливости, оно будет символом славы»⁶¹. В таких же патриотических тонах было написано и воззвание Временного правительства, которое призывало бельгийский народ победить врага не только в Брюсселе, но и в других городах, мобилизуя для этого все средства⁶².

В состав Временного правительства вошли: Эмманюэль Ван дерлинден Огворст, Шарль Рожье, Феликс де Мерод, Александр Жандебьен, Сильвен Ван де Вейер, Жозеф Вандерлиндер (казначей), Ф. де Копэн (секретарь)⁶³, а 28-го в этот комитет вступил де Поттер, вернувшийся из Франции. Большинство членов Временного правительства составляли умеренные. Им предстояло решать вопросы о независимости Бельгии и о форме ее правления.

Временное правительство учредило Центральный комитет, на который была возложена функция исполнительной власти. В него вошли де Поттер, которому принадлежала инициатива учреждения Центрального комитета, Рожье, де Мерод, Ван де Вейер и несколько позднее Жандебьен. На первых порах в Центральном комитете царил согласие. Только де Мерод выступал против взглядов де Поттера. После вступления Жандебьена в состав Временного правительства согласие между его членами уже не было столь полным. Жандебьен часто оспаривал мнение де Поттера и являлся главным его противником. По вопросу о необходимости создания республиканской организации де Поттер и Жандебьен в принципе договорились. Но когда речь заходила о том, какую форму следует придать новому бельгийскому правительству, Жандебьен высказывался за монархию, причем прямо заявлял, что не желает видеть своего соперника в качестве президента бельгийской республики⁶⁴.

Хотя все важные вопросы (об отделении Бельгии от Голландии, о независимости и форме правления) Временное правительство, вышедшее из революции, могло решить самостоятельно, оно отложило их окончательное рассмотрение до Национального конгресса, созыв которого был назначен на 4 октября.

Однако, для того чтобы успокоить общественное мнение, Временное правительство объявило, что отделившиеся от Голландии бельгийские провинции составят независимое государство. Но с

этим решением были согласны, однако, не все члены Временного правительства. Де Поттер, например, настаивал на немедленном провозглашении республики. Следует отметить в этой связи некоторое влияние на де Поттера идей Ф. Буонарроти, с которым он был знаком уже в 1824 г., со времени своего пребывания в Италии. Де Поттер восхищался старым тосканским революционером и помогал ему публиковать «Conspiration». Об этом свидетельствуют письма де Поттера к Николини, хранящиеся в национальной библиотеке Флоренции, которые частично опубликовал в своей монографии итальянский историк Галанте Гарроне⁶⁵. В одном из писем де Поттер писал: «Среди немногих лиц, почти совершенно посторонних, которых я вижу иногда, имеются несколько итальянцев и особенно два флорентийца — один, по моему, самой благородной твердости характера — Буонарроти. Надеюсь способствовать выходу в свет его работы, в которой еще больше засверкает его прекрасная душа и светлейший ум»⁶⁶.

⁶¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 42, л. 113—114.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Бертран Л. Указ. соч., с. 40

⁶⁵ *Galante Garrone A. Filippo Buonarroti e i rivoluzionari dell'ottocento.* Torino, 1951.

⁶⁶ *Ibid*, p. 105.

Из этого письма явствует личная симпатия де Поттера к Буонарроти.

Надо сказать, правда, что бельгийский республиканец вовсе не был бабувистом и был весьма далек от эгалитаристских идей. Тем не менее во время нашумевшего процесса 1830 г., о котором упоминалось выше, прокурор короля в своей обвинительной речи приписывал де Поттеру ниспровергательские идеи, содержащиеся в книге Буонарроти. Сам же де Поттер незадолго до выхода в свет книги великого революционера писал: «Шум, который она произведет, мне будет приятен для слуха. Если добрый старик выйдет, то я могу сказать, что я способствовал выходу в свет этой книги». При этом де Поттер добавил: «Я от этого не жду ничего, и не потому, что считаю ее слишком ранней или слишком поздней, а потому, что я не вижу, что вообще она когда-либо была бы кстати ... и после нее все останется, как и прежде»⁶⁷.

Высланный по приговору суда Южного Брабанта, де Поттер в Париже неоднократно встречался с Буонарроти, который внимательно следил за революционными событиями в Бельгии и возлагал большие надежды на бельгийскую революцию. Скорее всего именно Буонарроти подсказал де Поттеру мысль основать в Париже бельгийский патриотический клуб, члены которого оказывали бы посильную помощь бельгийским повстанцам.

Начиная с 16 сентября со страниц парижской «Tribune» летели республиканские призывы де Поттера. Однако в самой Бельгии последователей де Поттера было мало, республиканские идеи были чужды подавляющему большинству членов Временного правительства и Национального конгресса. Среди членов Временного правительства господствовали иные мнения по поводу будущего государственного устройства Бельгии. Так, Жандебен настойчиво добивался присоединения Бельгии к Франции, а Ван де Вейер — сторонник ограниченной монархии — заявлял, что если бы принц Оранский выразил желание занять бельгийский престол, то он охотно принял бы его предложение. В конце концов после долгих споров члены Временного правительства решили назначить комиссию для выработки проекта конституции и отложили все спорные вопросы до созыва Национального конгресса.

Тем не менее Временное правительство начало постепенно осуществлять свою программу: оно уничтожило все ограничения в области просвещения, восстановило гласный суд, отменило наказание солдат палками, провозгласило свободу веры, печати,

театра, политических собраний, религиозных, политических и торговых обществ. Эти мероприятия означали по существу установление в Бельгии буржуазного строя. Победу южных провинций не могли не признать Генеральные штаты, которые 29 сентября торжественно провозгласили отделение Бельгии от Голландии.

Тем не менее борьба между северными и южными провинциями не прекратилась. Она сделалась, пожалуй, еще более ожесточенной. Военные действия продолжались. 30 сентября генерал-лейтенант Корт-Элигере с 12-тысячным войском прибыл из Маастрихта⁶⁸, чтобы соединиться с потерпевшими поражение в Брюсселе войсками принца Фридриха. Утром вооруженные брюссельцы направились к Вильворде, где была расположена штаб-квартира принца Фридриха. Однако их отряды были отброшены немалого превосходившими их силами голландских войск.

В Лувене народ также продолжал борьбу. Трудящиеся Гента не сложили оружия. Следует отметить, что среди гентской бур-

⁶⁷ Galante Garrone A. Op cit, p. 105—106.

⁶⁸ Московские ведомости 1830. 18 окт.

жуазии были сильны настроения вернуть бельгийцев под власть голландского короля. Бельгийская революция нанесла огромный ущерб прибылям суконных фабрикантов, которые пользовались поддержкой голландского короля. Фабриканты и купцы Гента не раз обращались в эти месяцы к голландскому королю и просили его восстановить прежний порядок любыми средствами. К тому же в это время, естественно, прекратилась торговля гентских буржуа с обширными колониями. Рабочие и ремесленники Гента продолжали, однако, сопротивляться голландским войскам. 30 сентября на совещании, в котором принимали участие генерал-лейтенант Угиньи, генерал-майор Ван Ольдензель, комендант барон Ван Доорн, губернатор и бургомистр Ван Кромбруг, было решено, что голландскому гарнизону следует укрыться в цитадели, так как ему угрожали восставшие жители Гента.

В ночь на 3 октября голландцами была сделана попытка прорваться в Льежскую крепость, чтобы доставить оружие и боеприпасы осажденным. Однако эта попытка не увенчалась успе-

хом. Восставшие льежцы, атаковав батальон пехоты и эскадрон конницы, вынудили их отступить.

Тем временем войска принца Фридриха отошли к Антверпену, им не удалось соединиться с войсками Корт-Эйлигерса. По мере того как восставшие бельгийцы одерживали одну победу за другой над королевскими войсками, некоторые богатые и знатные жители стали переходить на сторону народа. Так, газета «Московские ведомости» с возмущением писала, что барон Стассар, возвратившись из Намюра в Брюссель, отказался от «данной своему королю присяги в верности и перешел к мятежникам, умножив их число изменнической своей особой, а в вознаграждение за такой гнусный поступок крамольническим правлением назначен он министром внутренних дел и губернатором Намюрской провинции»⁶⁹.

Хотя Генеральные штаты 29 сентября официально признали отделение Бельгии от Голландии, Вильгельм I все еще не терял надежды вернуть потерянные провинции. 5 октября⁷⁰ голландский король назначил своего старшего сына принца Вильгельма Оранского правителем Бельгии и издал прокламацию, в которой призывал жителей верных провинций ко всеобщему вооружению. В этой прокламации говорилось: «Мы возлагаем на городские и земские управления приступить немедленно к мерам всеобщего вооружения с помощью наискорейшего набора волонтеров». Призыв короля вызвал среди голландцев широкий отклик. Во многих городах северных провинций стали собирать пожертвования в пользу добровольцев. В небольшом городке Дельфсгафене в самое короткое время жители собрали 2500 гульденов, в Гаагу и Амстердам отовсюду прибывало множество волонтеров. Голландцы тщательно готовились нанести удар восставшему бельгийскому народу. На помощь бельгийцам спешили соотечественники из других стран: прибыли бельгийцы из Парижа, предводительствуемые Зегерсом, и около 300 бельгийцев из Лондона⁷¹.

Созданное в дни Июльской революции французскими республиканцами «Общество друзей народа» еще в начале сентября решило послать батальон добровольцев для поддержки бельгийской революции. С этой целью был организован бельгийский комитет, энергично приступивший к делу. К 15 сентября первый отряд был скомплектован и отправлен в Бельгию. В числе доб-

⁶⁹ Московские ведомости, 1830, 18 окт.

⁷⁰ АВПр, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 42, л. 123.

⁷¹ Московские ведомости, 1830, 18 окт.

ровольцев был молодой сын О. Кона — французского республиканца, горячего поклонника Робеспьера. Сын Огюста Кона погиб в одной из жарких стычек, сражаясь под знаменем «Общества друзей народа», за дело бельгийской революции. На основе этого первого отряда Общество создало целый батальон, который сражался под руководством трех членов Общества⁷². В Бельгию были посланы также эмиссары «Общества друзей народа», одним из них был Шарль Тэст. По возвращении из Бельгии Тэст выступил с докладом о бельгийских делах⁷³.

В апреле 1831 г. в Париже проходил суд над участниками антиправительственного заговора. Парижская «Gazette des tribunaux» в двух номерах поместила отчет о его заседаниях. Одним из обвиняемых был Дюэ-старший, член «Общества друзей народа», который принимал активное участие в подготовке экспедиции отряда волонтеров в Бельгию. Показания Дюэ подтверждают, что первый отряд волонтеров отбыл из Парижа в Бельгию 25 сентября 1830 г.⁷⁴ Дюэ сказал также, что он был в это время в Бельгии и видел там Луи де Поттера. Шарль Тэст, выступавший в качестве свидетеля на этом процессе, заявил, что он был послан «Обществом друзей народа» в Бельгию с дипломатической миссией. Тэст подчеркнул, что одной из задач его поездки было предостеречь смельчаков из Парижа и не дать им погибнуть от пуль поджидавших их в засаде оранжистов⁷⁵. По показаниям свидетеля Байеля (Bailleul), командирами батальонов добровольцев были Гехтер (Gechter), Корбио (Corbiot) и Дюэ-старший⁷⁶.

Шарль Тэст активно сотрудничал во французской республиканской газете «L'Emancipation». Здесь была опубликована серия статей о бельгийской революции: «Необходимость бельгийской республики», «О федеративном правительстве», «О республике в Бельгии»⁷⁷ и др. В письме от 11 октября 1830 г. к Шарлю Рожье Тэст писал: «Ваша революция совершена народом: она должна быть завершена только им и для него. Поторопитесь сделать окончательным то, что вы провозгласили как временную меру. Не старайтесь быть похожими ни на нас, ни на других, будьте самими собой. Не обольщайтесь обещаниями, которые ни-

⁷² Blanc L. Histoire de dix ans. Paris, 1842, t. 2, p. 114.

⁷³ Gazette des Tribunaux, Paris, 1831, 16 avr.

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ Ibid.

⁷⁶ Ibid.

⁷⁷ L'Emancipation, 1830, 10, 11, 18 nov.

когда не выполняются, и твердо помните, что нет ничего более опасного для независимости страны, чем дипломатические сделки»⁷⁸.

Интересно отметить также, что в бельгийской революции наряду с французами активное участие принимал и итальянец Франчинетти⁷⁹ (Francinetti).

Прокламация от 5 октября, с которой обратился к бельгийцам принц Оранский, была одной из попыток сохранить за Оранской династией обе части Нидерландского королевства — Бельгию и Голландию. В то же время прокламация свидетельствовала о значительных уступках требованиям бельгийцев. В этой прокламации принц Оранский заявлял: «Его Величество предварительно учреждает для южных областей правительство, назначив меня его главой и набрав всех его членов из бельгийцев. Все дела в присутственных местах должны вестись на том языке, который они сами выберут себе. Все общественные должности, зависящие от этого правительства, могут быть заняты жителями тех областей, к которым они относятся. Полная свобода будет допущена при надзоре за воспитанием юношества, чтобы соответствовать желаниям народа и потребностям времени. Будут осуществлены и другие преобразования»⁸⁰. В заключение этой прокламации принц обещал забыть «все политические проступки, совершенные до издания этой прокламации». Однако прокламация не произвела особого впечатления на восставший народ, который с успехом продолжал теснить голландские войска и твердо решил добиться независимости своей страны. Маастрихт все еще находился на осадном положении, несмотря на присоединение к голландскому гарнизону отряда генерал-лейтенанта Корт-Эйлигерса. Цитадель Турне капитулировала перед повстанцами, крепость Филиппвиль также сдалась 30 сентября.

19 октября Государственный совет принял постановление, по которому в восставшие провинции запрещалось ввозить хлеб, соль и другие продукты, а также порох, селитру, дробь, пули, железо, свинец, ружья, пистолеты, сабли, шпаги и другое военное снаряжение. Одновременно, согласно этому постановлению, все товары, вывозившиеся из южных провинций, облагались высокими пошлинами, как заграничные товары⁸¹. Эта экономиче-

⁷⁸ Kuypers J. Les Egalitaires en Belgique. Bruxelles, 1960, p. 33.

⁷⁹ Ibid., p. 32.

⁸⁰ АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 42, л. 123.

⁸¹ Московские ведомости, 1830, 1 ноября.

ская мера была еще одной попыткой усмирить восставшие бельгийские провинции.

Прокламация принца Оранского от 16 октября 1830 г.⁸² была еще одной попыткой сохранить за Оранской династией бельгийские провинции. В этой прокламации он, идя на дальнейшие уступки, признавал независимость Бельгии и выражал готовность стать во главе бельгийского национального движения и подчиниться решению свободно избранного конгресса. Король Вильгельм не одобрил этой прокламации и объявил ее недействительной. В донесении из Гааги от 26 (14) октября 1830 г. Гурьев, анализируя последствия и влияние этой прокламации на внутреннее положение Бельгии, писал: «Надежды, которые его высочество принц Оранский возлагал на впечатление от этой прокламации, далеко не оправдались... мы не видим никаких признаков того, что его прокламация вызвала в Бельгии хотя бы малейшее благоприятное для него движение, которым он мог бы гордиться. Напротив, его прокламация увеличила дерзость Временного правительства... Пока революция продолжает развиваться среди смятения идей и прискорбнейших эксцессов. В некоторых провинциях установилась система грабежей, целью которых является не только личная месть, но и бессмысленное разрушение наиболее прекрасных мануфактурных и промышленных заведений... Революционеры твердо придерживаются плана дойти до берегов Мааса, который они называют своей естественной границей; а пути к его осуществлению тайно готовятся их эмиссарами, которые уже широко проникают по направлению к северу и, разжигая преимущественно религиозную вражду, стараются вызвать волнение умов и восстание»⁸³. Эта депеша свидетельствует о страхе и панике, которыми были охвачены правящие круги Нидерландского королевства в октябре 1830 г.

В другой депеше, датированной 21 (9) октября 1830 г., Гурьев сообщал о послании короля, с которым он обратился к Генеральным штатам по поводу прокламации принца Оранского от 16 октября. В этом послании король «устанавливает факт разделения королевства на две части». Однако революция продолжалась, и это с горечью вынужден был признать царский дипломат: «Все возрастающее возбуждение населения в Антверпене заставило коменданта крепости генерала Шассе объявить осадное положение. Тем более критическим становится положение его коро-

левского высочества, который в настоящее время не может выбрать себе для резиденции другого места. Он не может ни вернуться в Голландию, не возбуждая там резкого неудовольствия, вызванного его прокламацией, ни обосноваться без риска в каком-либо городе восставших провинций»⁸⁴.

Этой прокламацией принца от 16 октября был недоволен и русский император Николай I. В письме министра иностранных дел России К. В. Нессельроде от 5 ноября (24 октября) 1830 г., адресованном Гурьеву, говорится: «Та депеша, которая дает отчет о решении его высочества принца Оранского признать независимость и стать во главе движения, волнующего эту провинцию, должна была, конечно, произвести на нашего государя глубокое и тягостное впечатление»⁸⁵.

25 октября голландский король признал недействительной прокламацию принца Оранского и отстранил его от должности генерал-губернатора бельгийских провинций. Принц покинул Антверпен, которому угрожала опасность со стороны восставших, и получил предписание короля немедленно покинуть страну и уехать в Англию. Вскоре после отъезда принца Антверпен пал, голландские войска снова потерпели поражение. Подробное изложение этих событий находим в донесении Гурьева Нессельроде от 28 (16) октября: «Вчера, в то время, когда часть гарнизона сделала вылазку из города против инсургентов, пал город Антверпен вследствие предпринятой народом атаки на внутренние ворота крепости. Гражданская гвардия, не будучи в силах сдерживать натиск простонародья, сдала оружие. После этого голландские войска, подвергавшиеся со всех сторон отдельным нападениям и державшиеся в течение всего утра, были принуждены оставить свои позиции и укрыться в крепости. Немедленно, воспользовавшись внутренним переворотом, восставшие под началом генерала Меллине, вступив через Малинские ворота, овладели городом... Падение этого города открывает Северный Брабант для вторжения восставших. Следует опасаться, что за Антверпеном последует Маастрихт, который еще более ненадежен по своему положению и характеру гарнизона, состоящему на треть из бельгийцев»⁸⁶. В заключение Гурьев с нескрываемым опасением писал о том, что революция продвигается гигантскими шагами дальше к северу с такой смелостью, обилием средств и искусством, что попытки слабого и беспомощного правительства бо-

⁸² АВПР. ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 42, л. 137.

⁸³ Там же, л. 150–151.

⁸⁴ Красный архив. 1941. № 1, с. 225.

⁸⁵ АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 42, л. 345–349.

⁸⁶ Там же, л. 157–158.

причем ценз был неодинаковый для различных округов. Так, в некоторых округах Люксембурга ценз равнялся 13 флоринам уплачиваемого налога, в департаменте Эно, в обеих Фландриях и в Брюсселе он доходил до 150 флоринов.

Временное правительство, чтобы не затягивать выборы, решило провести их на основании установленного ценза для выбора депутатов в Генеральные штаты. Во введении к постановлению от 10 октября Временное правительство оговаривало, что в данных условиях необходимо немедленно ввести новый порядок выборов, который стали называть «капасситарным», т. е. право голоса предоставлялось не на основании одного имущественного ценза. Седьмая статья резолюции гласит: «Избирателями могут быть без всякого имущественного ценза все лица, удовлетворяющие первым двум требованиям третьей статьи (лица, родившиеся в Бельгии или принявшие бельгийское подданство, а также лица, прожившие не менее 6 лет в Бельгии), имеющие 25 лет от роду»⁸⁹.

На основании этого постановления и были проведены выборы в Национальный конгресс. Большинство Национального конгресса состояло из католиков и дворян. Все члены Временного правительства вошли в его состав, за исключением де Поттера, который отказался быть избранным, хотя его кандидатуру предложила группа из 19 духовных лиц провинции Эно.

27 октября Национальному конгрессу был представлен проект конституции. В комиссию, занимавшуюся выработкой этого проекта, вошли Ван Менен, Герлах, Бюс старший, Лебо, Бларньи, Зюд, Матье, Поль Дево и Нотомб. Одним из наиболее дискутируемых вопросов был вопрос о форме правления. Комиссия высказалась в пользу монархической системы, а также за двухпалатную систему и предложила две системы назначения сенаторов. По одной системе назначение сенаторов исходило от главы государства, по другой — сенаторы должны были избираться. Их избирателями могли быть только лица, платившие не менее 1000 флоринов налога с недвижимого имущества, находившегося в пределах Бельгии.

Когда на заседании Временного правительства был зачитан проект конституции, де Поттер с грустью и нескрываемым разочарованием воскликнул: «Стоило проливать столько крови из-за таких пустяков!»⁹⁰.

⁸⁹ *Бертран Л* Указ. соч. с. 41.

⁹⁰ Цит. по: *Oppelt G* Op cit, p 505.

роться с ней будут напрасны. Пока державы придут между собой к соглашению и выберут Париж или Лондон как место, где можно было бы созвать конференцию для умиротворения Нидерландов, другие события, развиваясь с ужасающей быстротой, вероятно, опять опередят их⁸⁷.

Положение в бельгийских провинциях продолжало оставаться напряженным. После Антверпена 6 ноября пал Арденбург, в городе Слуйсе повстанцы сняли с колокольной брабантское знамя и отравили его королю⁸⁸. Маастрихт по-прежнему был осажден. В этой сложной обстановке должен был начать свою работу Национальный конгресс.

Национальный конгресс. Выработка конституции

Прежде всего необходимо было провести выборы депутатов в конгресс, но каким образом? Действовавший с 24 августа 1815 г. закон о выборах в Генеральные штаты был законом цензитарным,

⁸⁷ АВВР. ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 42, л. 157—158.

⁸⁸ Московские ведомости, 1830, 29 ноября.

ция, совершенная народом, должна обернуться всецело в пользу народа: а это будет и может быть только тогда, когда ему предоставят право самому назначать своих магистратов и установят поистине народное обложение налогами и когда действительное уменьшение налогов явится прямым следствием уменьшения государственных расходов»⁹².

Ратуя за установление республики, де Поттер успокаивал колеблющихся: «Тем, кто боится этой формы правления, и тем, кому мерещится, что на Бельгию уже наступают армии прежних членов Священного союза, чтобы водворить в ней конституционную монархию, я без колебания отвечаю: „Вы уже сделали довольно: вы даже сделали слишком много, что-

бы навлечь на себя весь их гнев и всю их месть. Выгнать голландского короля, которого они вам поставили; отделить Бельгию от Голландии, которые они соединили,— это такие преступления, которые они вам никогда не простят. И если они вас не накажут, то только потому, что политика и внутреннее положение этих государств не позволят им сделать это. Если вы сможете основать республику, сильную своей свободой, своим благосостоянием и национальным духом, это будет, конечно, одним преступлением больше, которое не сделает вас более виновными в глазах королей, но которое поставит вас во главе народов“»⁹³.

Де Поттер наивно полагал, что Франция и Англия поддержат образование бельгийской республики, нужно только самим бельгийцам приложить немного усилий и учредить республику. Вот что писал де Поттер в манифесте по этому поводу: «Бельгийцы! Все соседи зорко смотрят на нас: Франция и Англия уже приветствуют республику, которая должна установиться при их поддержке. Не будем же делать себя посмешищем Европы и нашего

19 октября 1830 г. де Поттер писал: «Мои принципы, принципы простого гражданина, хорошо известны: они демократические; по убеждениям, которых я никогда не скрывал, я республиканец... Я не подчинюсь даже заранее тому, что решит Национальный конгресс, воля народа для меня высший закон. Если принятая форма правления мне не подойдет или избранный глава не таков, каким бы я желал его видеть, я встану в оппозицию, как я это всегда делаю, а если я не нравлюсь, я во второй раз подворюсь изгнанию!»⁹¹.

31 октября де Поттер издал манифест под названием «Политическое credo» («Profession de foi politique»). Этот документ — свидетельство политических воззрений бельгийского демократа и заслуживает того, чтобы остановиться на нем подробнее. «Республика, как бы ее ни назвали, хотя бы, например, Бельгийский союз,— заявил здесь де Поттер,— по-моему, самая подходящая форма для бельгийцев. Простые, работающие и расчетливые, они обойдутся без придворной пышности ... я уже сказал, что револю-

⁹¹ Цит. по: *Oppelt G.* Op. cit., p. 505.

⁹² *Ibid.*, p. 506–507.

⁹³ *Ibid.*, p. 507.

потомства, ответив на эти благородные чаяния составлением сухих и бесцветных хартий, этих обманчивых конституций, которые до сих пор служили только для того, чтобы временно ослаблять благородные порывы революционных движений народов, после чего появляется необходимость в новых революциях»⁹⁴. В заключение своего манифеста де Поттер, обращаясь к народу, призывал: «Народ! Будь бдителен! Положение, которое ты займешь в тот момент, когда твои депутаты будут обсуждать образ правления, решит твою судьбу. Будь тверд и хладнокровен. Не давай салонным интригам ссылаться ни на твое равнодушие, чтобы доказать, что тебя легко обмануть, ни на насильственные действия, чтобы доказать необходимость посадить тебя на цепь. Добываясь только прав, ты их, конечно, получишь, потому что истинная воля народа всегда является верховным законом: при королях этот закон выполняется путем революций, при республике он заполняет собой революционные бездны. Единение, настойчивость и благо народа — вот наша цель; справедливость, сила, общественный порядок — вот средства для ее достижения»⁹⁵.

Эти призывы де Поттера оказались гласом вопиющего в пустыне. В Национальный конгресс не был избран ни один человек из народа, хотя решающую роль в революции сыграли беднейшие слои населения. Рабочий класс Бельгии не имел еще своей политической организации, массовое пролетарское движение только зарождалось, поэтому плодами победы революции воспользовалась буржуазия, захватив власть в свои руки.

По данным Варньи, очевидца событий, в дни революции с 25 августа по 29 сентября было убито 456 и ранено 1226 человек (эти данные приведены в приложении к книге воспоминаний Варньи)⁹⁶. Из этого числа жертв было несколько десятков представителей буржуазии: 2 бумагопромышленника, 1 ювелир, 4 рантье, 22 торговца⁹⁷. Среди убитых и раненых было много интеллигентов: 25 художников, 1 музыкант, 1 скульптор, 13 адвокатов⁹⁸. Основную массу погибших и раненых составляли рабочие (среди которых было больше всего ткачей, печатников, токарей, каменщиков) и ремесленники различных профессий (кожевники, краснодеревщики, бондари, шляпники, корзинщики и т. д.). И донесе-

⁹⁴ Цит. по: *Oppelt G.* Op. cit., p. 508.

⁹⁵ Ibid.

⁹⁶ *Wargny.* Op. cit. Supplément aux esquisses historiques de la première époque de la révolution de la Belgique en 1830.

⁹⁷ Ibid., p. 20–47.

⁹⁸ Ibid.

ния царских дипломатов Гурьева и Голицына, и пресса того времени убедительно свидетельствуют о решающей роли народных масс в бельгийской революции. Правда, Гурьев и Голицын называют в своих депешах народ «чернью», «толпами бандитов», «разбойниками» и «негодяями». В устах царских дипломатов, смертельно напуганных французской Июльской, а теперь еще и бельгийской революциями, такие эпитеты вполне объяснимы. Почти в таком же духе отзывалась о бельгийских народных массах голландская и бельгийская пресса, парижская «*Journal des débats*» и русская газета «Московские ведомости».

Созыв Национального конгресса был назначен на 10 ноября.

Когда конгресс приступил к работе, Временное правительство сложило с себя возложенную на него революционным народом власть, но конгресс продлил его полномочия. Один только де Поттер вышел из состава Временного правительства, заявив, что уходит, так как не видит возможности убедить конгресс в превосходстве республиканского образа правления.

18 ноября конгресс единогласно признал независимость Бельгии с сохранением связи между Люксембургом и Германским союзом⁹⁹. 22 ноября 174 голосами против 13 конгресс высказался за конституционную наследственную монархию¹⁰⁰. 23 ноября Константин Роденбах внес предложение, чтобы Оранский дом навсегда был исключен из числа претендентов на бельгийский престол. Обсуждение этого вопроса затянулось на два дня, и в результате предложение было принято 161 голосом против 28¹⁰¹.

Хотя Национальный конгресс высказался за конституционную монархию, сторонники республики все еще не теряли надежды. В Брюсселе была создана Ассоциация независимости, имевшая отделения в ряде городов страны. Ассоциация повела пропаганду в пользу республиканской формы правления. Президент брюссельской Ассоциации де Поттер, вице-президенты Лебруссар и Феньо 15 февраля 1831 г. послали конгрессу петицию в пользу республики. Петиция заканчивалась словами: «Да здравствует независимость! Да здравствует республика!»¹⁰². Однако эту петицию конгресс оставил без внимания.

24 февраля¹⁰³ на должность регента временно, до избрания короля Бельгии, был назначен барон Сюрле де Шокье. С этого мо-

⁹⁹ *Discussions du Congrès National de Belgique.* Bruxelles, 1844, v. 1, p. 182.

¹⁰⁰ *Московские ведомости*, 1830, 6 дек.

¹⁰¹ *Discussions du Congrès National...*, v. 1, p. 318.

¹⁰² *Potter L. de. Souvenirs personnels.* Bruxelles, 1839, v. 1, p. 244.

¹⁰³ *Discussions du Congrès National de Belgique.* Bruxelles, 1844, v. 2, p. 588.

мента Ассоциация независимости прекратила свои заседания. В последнее время члены Ассоциации заметили, что на их заседаниях, проходивших в кафе на улице Бержер, стали появляться подозрительные личности специально для того, чтобы учинять скандалы и срывать собрания. На одном из таких собраний де Поттеру была подстроена настоящая засада, и он избежал ее только потому, что не пришел на это собрание¹⁰⁴. Несколько дней спустя после описанного происшествия де Поттер уехал в Париж. Объясняя причины своего добровольного изгнания, он прямо говорил об умышленном бездействии властей в связи с инцидентом. В одном из писем в газету «Le Belge» от 24 февраля де Поттер с горечью писал: «Когда утрачивается всякая мысль о порядке; когда честным людям приходится иметь дело с гнусными противниками; когда народ позволяет обманывать и водить себя за нос до такой степени, что идет заодно со своими злейшими врагами и против тех лиц, которые готовы отдать все свои силы, чтобы отстоять хоть частичку народного счастья,— тогда всякому уважающему себя человеку приходится, как это ни больно, оставить арену интриганам и, сожалея об обманутых, удалиться — что я и делаю»¹⁰⁵.

Поведение де Поттера во время революции 1830 г. было довольно противоречивым. В сущности он не был достаточно активным человеком, не обладал и качествами государственного деятеля. Бесспорно, де Поттер пользовался огромной популярностью. Именно благодаря этой популярности Временное правительство постаралось привлечь его на свою сторону. Непонятно, почему де Поттер отказался от участия в Национальном конгрессе, где он мог бы свободно защищать свои идеи. Будучи прежде всего теоретиком и кабинетным ученым, де Поттер при первых же трудностях падал духом. Но как бы то ни было, фигура де Поттера представляется очень интересной, и вопрос о его взглядах и его роли в истории Бельгии еще ждет своего исследователя.

Заседания Национального конгресса, обсуждавшего вопрос о будущем короле Бельгии, не успокоили бельгийские провинции. Во многих городах продолжались волнения. В Малине, Ипре и Монсе была разрушена часть домов богатых буржуа, в Намюре группа волонтеров пыталась провозгласить республику. в Генте были опустошены фабрики¹⁰⁶. В депеше от 24(12) ноября царский дипломат Гурьев сетовал на опасное соседство с Францией.

¹⁰⁴ Potter L. de. Op. cit., v. 2, p. 246—249.

¹⁰⁵ Ibid., p. 355.

¹⁰⁶ АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 42, л. 214.

«... К несчастью, нет возможности изолировать эту страну от коварного соседства французских революционеров, действующих против бельгийской нации и даже против самого Временного правительства. Они, очевидно, намерены всеми имеющимися в их распоряжении средствами воспрепятствовать установлению какого бы то ни было порядка в Бельгии, для того чтобы смутой и беспорядками заставить ее быть заодно с ними. Вопреки повторным распоряжениям Временного правительства не допустить больше помощи людьми и вооружением, поступающими со стороны Франции, толпы французов, после предварительной посылки ружей, продолжают переходить границы и насильно становятся в ряды инсургентов»¹⁰⁷.

Конституция, принятая конгрессом, была опубликована 7 февраля 1831 г. С формальной точки зрения эта конституция была самой либеральной хартней на континенте и в дальнейшем послужила образцом для конституций Италии, Румынии, Греции, Испании и Португалии. «Все власти исходят от народа», — гласил § 25, но далее этот «народ» ограничивался лишь небольшим кругом собственников, так что под нацией бельгийская конституция подразумевала буржуазию, и положение о равенстве всех бельгийцев перед законом следовало понимать лишь в условном смысле. Законодательная власть принадлежала королю, палате депутатов и сенату коллективно (§ 26), причем право инициативы имеет каждый из трех источников законодательной власти (§ 27). Но чтобы придать больше авторитета и силы национальному представительству, был введен пункт английского происхождения, гласивший, что «всякий закон относительно контингента армии должен быть сначала вотирован палатой депутатов. Законодательной власти принадлежит право контроля над политическими действиями, финансовой и административной политикой правительства». Один депутат приходился на 40 000 жителей и один сенатор — на 80 000, срок депутатских полномочий определен был в 4 года, а сенатских — в 8 лет¹⁰⁸. Каждая палата обновлялась по истечении половины этого срока по группам провинций: в одну входили Антверпен, Брабант, Западная Фландрия, Люксембург и Намюр, в другую — Эно, Льеж, Лимбург и Восточная Фландрия.

Основная борьба разгорелась по пунктам, устанавливавшим условия участия в выборах и условия избираемости. Несмотря на свободы, предоставленные личности и обществу бельгийской конституцией, в этих пунктах особенно ясно сказался ее узкокласс-

¹⁰⁷ Там же, д. 43, л. 214—215.

¹⁰⁸ Бельгийская конституция 7 февраля 1831 г. Ростов н/Д., 1905, с. 14.

ЛОНДОНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ. ОБРАЗОВАНИЕ НЕЗАВИСИМОГО ГОСУДАРСТВА БЕЛЬГИИ

совый характер. Депутаты и сенаторы выбирались посредством прямых выборов из лиц, удовлетворявших условиям ценза, дававшего право участвовать в выборах. Ценз не должен превышать 100 флоринов прямых налогов и быть не ниже 20 флоринов. Сенаторы выбирались теми же избирателями, что и депутаты, но кандидаты в сенат должны были быть не моложе 40 лет и платить не менее 1000 флоринов прямых налогов.

Каковы же были гарантии личной свободы согласно бельгийской конституции? § 7 конституции гласил: «Никто не может быть преследуем, кроме как в случаях, предусмотренных законом». Далее: «За исключением ареста на месте преступления никто не может быть арестован без мотивированного приказа судьи, приказа, который должен быть подписан в момент ареста или не позже, чем через 24 часа». § 10 провозглашал неприкосновенность жилища: «Обыск не может быть произведен, кроме случаев, предусмотренных законом и предписанных законом»¹⁰⁹. Один из пунктов конституции декларировал, что все бельгийцы равны перед законом, но это положение, как и многие другие, отнюдь не противоречило тому, что с принятием конституции в Бельгии устанавливалась настоящая буржуазная олигархия. Все эти принципы свободы личности, неприкосновенности жилища, свободы собраний, союза и т. д. не помешали бельгийскому правительству в марте 1848 г., в условиях начавшейся революции в Европе, прибегнуть к репрессиям против демократов и в первую очередь против иностранцев. Как известно, одним из первых этим репрессиям подвергся К. Маркс, живший в это время в Брюсселе. В квартире Маркса был произведен обыск. Сам он был арестован под лживым предлогом отсутствия у него документов. В своих работах: «Преследование иностранцев в Брюсселе»¹¹⁰, «Бельгийские избиения»¹¹¹, «Образцовое государство Бельгия»¹¹² и др.—Маркс подверг острой критике и разоблачению установившиеся к тому времени в Бельгии порядки под эгидой опубликованной в 1831 г. конституции.

Принятие Национальным конгрессом бельгийской конституции не означало еще завершения борьбы бельгийцев за свою независимость. Предстояла Лондонская конференция, которая должна была окончательно решить судьбу Бельгии.

Угроза европейской войны, позиции великих держав в бельгийско-голландском конфликте

Международно-правовому признанию образовавшегося в процессе революции самостоятельного бельгийского государства предшествовала сложная дипломатическая борьба, развернувшаяся на Лондонской конференции держав в 1830—1831 гг. Документы Архива внешней политики России позволяют раскрыть позиции царской дипломатии, а косвенно также позиции Англии, Франции, Австрии и Пруссии в вопросе о признании независимости Бельгии. В депешах русского посланника в Нидерландах графа Н. Д. Гурьева и русского посла во Франции графа К. А. Поццо ди Борго русскому послу в Лондоне князю Х. А. Ливену и министру иностранных дел России графу К. В. Нессельроде¹ содержится немало ценных сведений, раскрывающих сложную игру европейских дипломатов в бельгийском вопросе. Большой интерес представляют дипломатические документы, касающиеся основ разделения двух государств, заметки о границах между Бельгией и Голландией, депеши Ван де Вейера, исполнявшего обязанности бельгийского министра иностранных дел, лорду Пальмерстону, обращения Временного правительства Бельгии к представителям на Лондонской конференции, секретные «Заметки о положении Бельгии и ее чаяниях»², автор которых остался неизвестным. Кроме того, в архиве сохранились номера бельгийских газет, посылавшихся в русское министерство иностранных

¹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 9234.

² Там же, д. 894.

¹⁰⁹ Бельгийская конституция 7 февраля 1831 г., с. 8.

¹¹⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4.

¹¹¹ Там же, т. 16.

¹¹² Там же, т. 5.

дел и освещавших наиболее важные события в Бельгии и Голландии в этот период. Интересны также отдельные номера голландской газеты «La Naue»³, в статьях которой содержались резкие нападки на восставших бельгийцев.

Нидерландский король Вильгельм I, убедившись в том, что он не способен подавить революцию собственными силами, вынужден был обратиться за военной помощью к четырем великим державам Европы — Англии, России, Австрии и Пруссии, которые на Венском конгрессе добились объединения Бельгии с Голландией в единое Нидерландское королевство, отводя ему роль государства-барьера на границе с Францией. В донесении от 2 октября Н. Д. Гурьев писал Нессельроде: «Все меры правосудия, убеждения и силы, которые до сих пор были применены, чтобы успокоить заблуждения умов, подверженных влиянию крамолы, оказались бесплодными. При таком положении вещей правительство считает себя бессильным прекратить восстание. Оно взывает поэтому к державам, чтобы они спасли, если есть еще время, свое создание и подавили заразу революционных учений в одном из его наиболее грозных очагов»⁴.

В личном письме Николаю I нидерландский король также писал, что смута в Бельгии далеко еще не достигла своего предела и, несмотря на предпринятые меры, размеры бедствия сделали эти усилия бесплодными. Вильгельм I подчеркивал, что вопрос о военной помощи касается не только его собственных интересов, но и интересов всей Европы. Нидерландский король утверждал, что, предоставленное самому себе, «восстание в королевстве явится ... серьезной опасностью, что оно парализует назначение Нидерландов в европейской системе» и что «присутствие союзных войск на территории Нидерландов можно будет согласовать с сохранением общего мира»⁵.

Нидерландский поверенный в делах в Петербурге О' Сюзливан де Грасс должен был предложить всем четырем кабинетам «предварительно сговориться о мероприятиях»⁶ по подавлению мятежа в Бельгии. Иными словами, речь шла о военной интервенции.

Представляется важным выяснить, какую позицию занял каждый из европейских дворов в вопросе о военной интервенции в

Бельгии. Документы АВНР позволяют наиболее полно осветить политику России в бельгийском вопросе.

В ответ на послание нидерландского короля русский император Николай I писал: «Интересы всех правительств и мир всей Европы затрагиваются событиями в Бельгии. Проникнутый этими убеждениями, я готов выполнить в согласии с моими союзниками взятые на себя обязательства во всем их объеме и в части, касающейся меня, я не колеблюсь ответить на призыв Вашего Величества: уже отдан приказ, чтобы были собраны необходимые войска»⁷.

Русское правительство сразу же было готово поддержать план интервенции. В донесении из Гааги от 5 октября царский дипломат Гурьев высказывал мысль о неизбежности военной интервенции. Он писал о том, что в этой ситуации, по его мнению, без интервенции в Нидерланды не обойтись, ибо авторитет короля уже не действует в бельгийских провинциях. Гурьев серьезно опасался, что через несколько дней вся линия европейских укреплений городов окажется во власти мятежников и, следовательно, в распоряжении Франции⁸.

На докладе вице-канцлера Нессельроде от 8 октября 1830 г. по бельгийскому вопросу царь наложил следующую резолюцию: «Я считаю, что буду там бороться не против Бельгии, а против всеобщей революции, которая все приближается, и скорее, чем это думают, она будет угрожать нам самим, если увидят, что мы дрожим перед ней»⁹. Несколькими неделями спустя, на докладе Нессельроде от 30 октября по тому же вопросу царь сделал такую пометку: «Нет возможности отступать: взять инициативу — это вопрос нашей чести, следует поэтому, чтобы вы изготовили ноту трем правительствам, настаивающую на необходимости воздвигнуть вооруженный барьер против угрожающей все воспламенить революции, а для этого я, кроме причитающегося с меня контингента, двину 150 тысяч человек, которые перейдут границу, как только хотя один француз вступит в Бельгию»¹⁰.

Царь был убежден, что если на границах Франции появится 20-ти тысячная армия «красных мундиров», то этого будет достаточно для усмирения французов и бельгийцев. Вместе с тем Николай I объявил английскому правительству о своей готовности

³ АВНР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 9234.

⁴ Там же, д. 42, л. 108—109.

⁵ Красный архив, 1941, № 1, с. 218.

⁶ Там же, с. 233—234.

⁷ Там же, с. 230.

⁸ АВНР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 42, л. 116—117.

⁹ Красный архив, 1941, № 1, с. 225.

¹⁰ Там же, с. 222.

немедленно выставить армию в 60 тыс. человек для поддержания вместе с союзниками «соединения Бельгии с Голландией» [депеша Нессельроде от 1(13) октября 1830 г.]¹¹. Таким образом, из этих документов явствует, что Николай I в первый момент готов был предоставить войска голландскому королю для подавления мятежа. В депеше министерства иностранных дел России от 31(19) октября 1830 г., адресованной русскому посланнику в Нидерландах графу Гурьеву, было сказано о том, что русский император приказал сформировать армию, готовую перейти границы империи по первому сигналу при условии, чтобы с его действиями полностью совпадали действия союзных держав.

Однако уже в то время Нессельроде выражал беспокойство в связи с позицией французского правительства, «намеревающегося оказать сопротивление даже силой оружия всякой попытке иностранной державы бороться с бельгийской революцией»¹². «Таким образом, — продолжал Нессельроде, — посылка помощи королю Нидерландов поставит нас перед выполнением двойной задачи: помочь ему привести к послушанию его восставших подданных и не допустить, чтобы наша интервенция привела к всеобщей войне. Но для достижения этой цели необходимо сотрудничество Англии, так как мы знаем, что это единственное средство воздействовать на французских революционеров, особенно боящихся морской войны и губительных последствий, которые она может иметь для промышленности и торговли Франции»¹³. Предпринимая практические шаги к осуществлению планов вторжения в Бельгию и во Францию¹⁴, Николай I решил позондировать точку зрения своих союзников — Пруссии и Австрии. С этой целью 28(16) августа в Вену отправился чрезвычайный посол русского императора генерал-адъютант граф Орлов. Спустя три дня с подобным же поручением отбыл в Берлин фельдмаршал граф И. И. Дибич Забалканский, пользовавшийся исключительным доверием Николая I. Реакционер и крепостник, потомок немецких баронов, фельдмаршал И. И. Дибич был решительным сторонником военной интервенции как во Францию, так и в Бельгию.

¹¹ *Маргенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1895, т. XI, с. 438.

¹² Красный архив, 1941, № 1, с. 235.

¹³ Там же.

¹⁴ Подробно этот вопрос освещен в статье: *Молок А. И.* Царская Россия и июльская революция 1830 г. — В кн.: Литературное наследство. М., 1937, т. 29—30.

8 сентября Дибич прибыл в Берлин и сразу же был принят прусским королем. На Фридриха-Вильгельма огромное впечатление произвело недавно полученное известие о восстании бельгийцев против голландского правительства, поэтому в первый момент прусский король заявил, что полностью разделяет взгляды Николая I и считает войну с Францией неизбежной. Правда, Фридрих-Вильгельм добавил, что не хочет быть нападающей стороной. Следует отметить, что к этому времени Англия уже признала новое французское правительство, то же собиралась сделать Австрия. Король Пруссии решил последовать их примеру, и уже через два дня после прибытия Дибича в Берлин Фридрих-Вильгельм признал Луи-Филиппа «королем французов». Однако это не помешало берлинскому правительству приступить к рассмотрению военных планов, привезенных русским фельдмаршалом.

После длительных обсуждений этих планов Дибич 3 октября (21 сентября) отпраздновал в Петербург большой доклад, в котором предлагал ряд конкретных военных мероприятий на случай европейской войны¹⁵. Дибич сообщал, что Пруссия выступит лишь в том случае, если Россия обеспечит ей поддержку. Русский фельдмаршал изложил в своем донесении составленный им и одобренный прусским командованием план движения русских войск (в составе гвардии, армии Царства Польского и пяти армейских корпусов) в Германию, до р. Одер. «Дальнейшее продвижение войск будет зависеть от хода событий и от того, как сложатся тогда обстоятельства, — писал фельдмаршал. — Первая мысль, которую мы здесь сформулировали, такова: большая часть прусских войск при поддержке одного или двух корпусов нашей армии вступит в Бельгию и во Фландрию, в то время как основная масса наших войск, подкрепленная тремя прусскими корпусами, направится через Шампань, к французской столице. На юге, в районе Верхнего Рейна, австрийцы с тремя корпусами Германского союза опрокинут сначала слабый натиск со стороны Эльзаса, а затем двинутся в центр Франции»¹⁶.

Одобрив и разделяя планы Дибича, Николай I поспешил начать подготовку к их осуществлению. 17(5) октября он писал своему военному министру графу Чернышеву о том, что считает необходимым принять безотлагательные меры для оказания

¹⁵ Полностью донесение Дибича от 21 сентября (3 октября) 1830 г. опубликовано в «Сборнике Русского имп. исторического общества» (СПб., 1905, т. 122, с. 318—324).

¹⁶ Там же, с. 323.

вооруженной помощи голландскому королю. Русский император подчеркивал также, что нетерпение Вильгельма столь велико, что он просит послать часть войск морем. Но так как это невозможно в настоящее время года, пишет Николай I, го следует привести в состояние боевой готовности 1-й и 2-й корпуса фельдмаршала Сакена, а также сосредоточиться на границе 3-му и 5-му резервным кавалерийским корпусам и 3-й пехотной дивизии¹⁷.

В письме Дибичу от 13 ноября Николай I заявлял о том, что военные приготовления идут хорошо, к 22 декабря русская армия сможет выступить в поход, чтобы проучить «якобинцев всех стран»¹⁸. Так же воинственно был настроен и военный министр граф Чернышев, который в письме к Дибичу от 21 ноября жаловался на «людей, ослепленных настолько, чтобы верить в возможность предотвратить грозу конференциями и переговорами»¹⁹.

Однако министр финансов граф Е. Ф. Канкрин и министр иностранных дел России не разделяли воинственных настроений военных кругов и самого императора. 22 октября Нессельроде писал Дибичу, что, поскольку Англия противится вооруженному выступлению против Бельгии, Пруссия не может послать туда более 25 тыс. солдат, а русская помощь подоспел лишь через несколько месяцев, военная интервенция в бельгийские дела становится невозможной. Невозможность ее вице-канцлер обосновывал и тяжелым внутренним положением страны. «В очень многих губерниях, — писал он, — свирепствует холера, их пришлось поэтому освободить от рекрутского набора; внутренняя торговля остановилась в результате мер, которые пришлось принять, чтобы помешать распространению этого бича. Урожай был плох, и налоги поступают слабо. И при таких-то предзнаменованиях мы приступаем к приготовлениям к войне...»²⁰.

Еще более неприятным для фельдмаршала было письмо Нессельроде от 21 (9) ноября, где он писал: «Я провел утро на очень печальном заседании, на котором министр финансов Канкрин развернул перед нами картину нашей финансовой нужды. Не разделяя полностью его мнения насчет нашей несостоятельности, я должен, однако, согласиться с тем, что источники займов и некоторых других чрезвычайных мер совершенно иссякли. Без

субсидий от Англии я не знаю, где мы найдем средства на войну, продолжительность которой никто предсказать не может»²¹.

В Центральном государственном историческом архиве в Ленинграде хранятся отчеты губернаторов всех губерний России за многие годы. Нами изучены отчеты за 1830—1831 гг., которые свидетельствуют о том, что в России действительно было чрезвычайно тяжелое положение. Вот выдержки из отчета калужского губернатора: «Урожай сего года почитается ограниченным. Урожаю особливо ярового хлеба, не благоприятствовала со времени посева онога засуха... В Калуге открылась эпидемическая болезнь холера, кроме того, нервическая лихорадка... Падеж скота от чумы»²². В Архангельской, Владимирской, Нижегородской, Ярославской, Енисейской, Кавказской²³ и в других губерниях империи был неурожай, свирепствовала холера, наблюдался падеж скота от чумы и сибирской язвы.

Военный министр России Чернышев также вынужден был признать тяжелое положение России. Но Николай I продолжал готовиться к войне. В конечном итоге оказалось, что из всех великих держав одна только Россия готова была выступить в роли интервента. Однако этим замыслам русского императора не суждено было осуществиться — поход против бельгийской революции не состоялся. 29 ноября 1830 г. в Польше началось восстание, это заставило Николая I отказаться от предоставления военной помощи Голландии, и царь вынужден был согласиться на открытие в Лондоне конференции, задачей которой было мирное урегулирование бельгийско-голландского конфликта.

Точка зрения правительственных кругов царской России на бельгийские события нам, таким образом, хорошо известна. А как же отнеслась к бельгийской революции передовая Россия? На этот счет мы располагаем, к сожалению, довольно скудными сведениями. За границей, в Англии, находился тогда один из известных русских декабристов — Николай Иванович Тургенев. Его дневники и письма, хранящиеся ныне в Пушкинском доме, служат ценным источником, показывающим отношение автора к европейским событиям того времени. Еще в декабре 1829 г. Тургенев обратил внимание брата на то, что во Франции «ожидают

¹⁷ Шильдер Н. К. Император Николай Первый. СПб., 1903. Приложения и примечания, т. 2, с. 574—575.

¹⁸ Там же, с. 576.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же, с. 309.

²¹ Там же, с. 319.

²² ЦГИА, ф. 1281, оп. 11, д. 546, л. 32.

²³ Там же, д. 56, л. 128; д. 28, л. 22; д. 148, л. 50—51; д. 70а, л. 98; д. 60, л. 165; д. 47, л. 257.

начатия борьбы между двором и народом», что в Бельгии правительство также в раздоре с народом, как и во Франции²⁴.

Год спустя Н. И. Тургенев отмечал международное значение Июльской революции во Франции. Он подчеркивал ее влияние на события в Бельгии, в результате которых произошло отделение Бельгии от Голландии. «В том, что с июля делается во Франции, свет должен видеть основание общего спасения и благополучия людей», — писал он своему брату Александру Ивановичу 15 июля 1830 г. «Такие происшествия, какие были во Франции и Бельгии, не могут остаться без действия»²⁵, — сообщал он некоторое время спустя. «Парижские и брюссельские происшествия, — писал Тургенев, — имели решительное действие на дух простого народа в Англии, в которой народ более всех оказал симпатии революции 1830 г.»²⁶. Он обращал внимание на то, что отзвуки Июльской революции пронесли по Германии. «Говорят, что и во Франкфурте, и в окрестных землях умы в беспокойстве», — сообщил он 23 сентября 1830 г.

Большой интерес представляет письмо Н. И. Тургенева от 25 октября 1830 г., в котором он кратко излагает сущность событий, происходивших в Ирландии, и говорит о влиянии французской и бельгийской революций на движение за расторжение унии между Англией и Ирландией. «Дублин являет мрачную опустелость, — писал он 12 сентября 1830 г. после своей поездки в Ирландию. — Помочь этому можно не иначе, как последовав прекрасному примеру бельгийцев — отделиться от Англии. Еще лучше было бы совершенно сделать Ирландию независимой. Она все нужное для себя имеет». «Теперь в Ирландии возникает важный вопрос, — повторял Тургенев в письме 16 сентября, — сепарация от Англии на таком же основании, как Бельгия от Голландии»²⁷.

Особенно потрясли Тургенева известия о начавшемся 29 ноября 1830 г. восстании в Польше. Он разделял мнение брата о том, что «беспокойства в Польше будут почти гарантией мира в Европе, ибо-де Россия займется поляками и оставит в покое французов и бельгийцев»²⁸.

В период Июльской революции во Франции находился Сергей Дмитриевич Полторацкий, бывший офицер, известный в России и за границей журналист, библиограф и библиофил. Его хорошо знали не только в революционной среде Франции²⁹, но и в Бельгии. Сергей Дмитриевич был одним из участников патриотического банкета, устроенного бельгийскими революционерами-эмигрантами в Париже. На банкете обсуждался вопрос о подготовке восстания в Бельгии, проходил он под девизом «Свобода — власть народу»³⁰. На приглательном билете на банкет было указано, что банкет состоится в четверг, 2 сентября 1830 г., его организаторы — Луи де Поттер, Ф. Тильманс и Адольф Бартельс, высланные из Бельгии.

Следует остановиться также на личности князя Петра Борисовича Козловского, который в разгар революции находился в Бельгии, в Остенде. В Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве хранится письмо Козловского от 28 августа 1830 г., написанное в Остенде и адресованное Н. И. Тургеневу³¹.

Князь Козловский писал о том, что в Брюсселе «сожгли министерские дома, взяли арсенал и шумели целую ночь, но так как правителей давно нет, они в Гааге, толпа ограничилась только шумом и почти не стреляла. Здесь непременно люди хотят быть французскими подданными, кто бы там ни управлял; никогда не скрываются и говорят об этом публично ... Я видел многих эмигрантов и какого рода! Почти все Бонапартовы солдаты, которые надеются на возмущение Бордо и уверяют, что ... (неразборчивое слово. — А. Н.) народ восстанет»³². Это письмо представляет для нас несомненный интерес, так как оно написано очевидцем бельгийских событий, русским либерально настроенным вельможей. Здесь важно подчеркнуть два момента: во-первых, Козловский говорит о настроениях бельгийцев в первые дни революции и об их стремлении присоединиться к Франции; во-вторых, Козловский упоминает в письме о французских эмигрантах, бежавших в Бельгию еще во времена Великой французской революции. В Брюсселе жил отец одного из самых блестящих республикан-

²⁴ Цит. по: Тарасова В. М. Н. И. Тургенев в Западной Европе в 30–50 гг. XIX в. и его общественно-политические связи. — Учен. зап. Марийск. пед. ин-та, Йошкар-Ола, 1966, т. XXVIII, с. 69.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, с. 71.

²⁷ Там же, с. 63–64.

²⁸ Там же, с. 72.

²⁹ Во время Июльской революции Полторацкий вступил в Национальную гвардию.

³⁰ Приглашение Полторацкому хранится в отделе рукописей ГБЛ (ф. 233, п. 3, д. 83).

³¹ Первой обнаружила это письмо М. И. Ковальская, приношу ей глубокую благодарность.

³² ЦГАЛИ, ф. 195, оп. 1, д. 5083 (кор. 4).

цев 30-х годов — член Конвента Жан-Батист Кавеньяк, умерший незадолго до революции, в 1820 г. Здесь же находился знаменитый «организатор побед» Лазарь Карно, бывший член Комитета общественного спасения, в Брюсселе жили Барер, Давид, Сиейес, Тибодо и др.

Несомненно, близкие связи с живыми участниками и свидетелями «революционной грозы» конца XVIII в., рассказы о перипетиях революций влияли на формирование оппозиционных настроений бельгийской буржуазии.

Козловский находился в дружеских отношениях с принцем Оранским и генералом Ван Галеном. Он пытался даже помирить сторонников принца Оранского и восставших бельгийцев. Однако эта попытка ни к чему не привела.

П. Б. Козловский был другом П. Я. Чаадаева, В. Ф. Одоевского, П. А. Вяземского, встречался с Н. И. Тургеневым в Лондоне и Чельтенгаме, горячо обсуждал положение дел в России и Европе. За связи с поляками, за симпатии к ним Козловский фактически был лишен средств к существованию. Ему выплачивали половину полагающейся по закону пенсии, стоял вопрос о лишении его и этой половинной доли. Вот почему Н. И. Тургенев из осторожности в своих письмах к брату называл Козловского «Чельтенгамским приятелем» или сокращенно — «Ч. п.»

*

Что касается позиции Англии в бельгийском вопросе, то об этом можно судить по переписке русских представителей в Лондоне с русским министерством иностранных дел. В ту пору Россию представлял в Англии князь Христофор Андреевич Ливен, который был женат на Дарье (Доротее) Христофоровне Бенкендорф. Надо сказать, что княгиня Ливен в силу своего природного ума и редкой наблюдательности играла более заметную роль в сложных дипломатических интригах, чем ее муж. Дарья Христофоровна сумела создать в Лондоне блестящий салон, где собирались все дипломатические деятели. Чрезвычайно наблюдательная и с детских лет хорошо знакомая с внутренней жизнью русского двора³³, княгиня играла крупную роль в дипломатическом мире и оказывала известное влияние на политику английского правитель-

³³ Мать Доротей была связана тесной дружбой с женой императора Павла Марией Федоровной. Ее брат был шефом жандармов при Николае I.

ства в интересах России. Муж постоянно советовался с ней по всем вопросам. Княгиня Ливен не раз писала для мужа донесения в Петербург. Нессельроде, минуя Христофора Андреевича, завел с княгиней непосредственную переписку. Александр I неоднократно беседовал с ней о европейской политике, в 1818 и 1822 гг. по его приглашению княгиня Ливен приезжала на конгрессы в Аахен и Верону.

После Д. Х. Ливен осталась обширная переписка и ее воспоминания, небольшая часть которых опубликована в различных журналах, в частности в «Русской старине» за 1903 г.³⁴

Некоторые суждения княгини Ливен по поводу бельгийских дел содержатся в ее письме к лорду Грею от 25 августа 1830 г. Вот что она пишет: «Король голландский — друг России³⁵, он находится под защитой трактатов, и это может привести к войне. Царь любит принца Оранского, как брата. Что мне за дело до этих негодяев бельгийцев и до этих прирейнских провинций, которые вместо того, чтобы обожать своего короля, который относится к ним, как отец, обращают свои взоры к Франции. И эти венгерцы, помышляющие о том, чтобы отложиться! И эти итальянцы, которые волнуются! Даже в самой Вене проявляется нечто вроде общественного мнения, разве все это может быть терпимо! И всему виной Франция!»³⁶. Здесь княгиня Ливен явно намекает на то, что французская Июльская революция оказала большое влияние на события в Бельгии и вообще в Европе. В этом же письме Д. Х. Ливен говорит о позиции Франции и действиях Талейрана: «Талейран способен на все. Франция не хочет, чтобы дела Бельгии уладились, она хочет лавировать, затянуть их до тех пор, пока она не станет ее добычей, и все добродушие Талейрана не имеет иной цели, как отдать Бельгию в руки Франции. Это будет его политическим завещанием; он возвратит ей то, что она потеряла по его вине»³⁷.

Судя по депешам Х. А. Ливена и А. Матушевича, замещавшего русского посла во время его отсутствия, положение правительства герцога Велингтона осенью 1830 г. было сложным и непрочным. Английское правительство настаивало на заключении перемирия между Бельгией и Голландией. Оно заявляло, что не

³⁴ Княгиня Ливен и ее переписка с разными лицами. — Русская старина, СПб., 1903, № 114—116.

³⁵ Его сын принц Вильгельм Оранский был женат на великой княгине Анне Павловне.

³⁶ Русская старина, СПб., 1903, № 114—116, с. 691—692.

³⁷ Там же, с. 692.

допустить присоединения бельгийских провинций к Франции. Герцог Веллингтон не только страшился общеевропейской войны. Он опасался также последствий давления на бельгийцев с целью заставить их умирить свои претензии. Такое давление могло бы вызвать вооруженное вмешательство Франции, которое неизбежно повлекло бы за собой противодействие Англии. В подобном случае Англия была бы втянута в войну, а этого не желало английское правительство. Поэтому Матушевич писал Нессельроде 15 (3) ноября 1830 г.: «Вы обвиняете действия герцога Веллингтона в бельгийских делах в трусости. Этот упрек справедлив. Однако вооруженное вмешательство с перспективой общей войны не составляет для Англии маловажного вопроса. Общественное мнение Англии против всякого вооруженного вмешательства. С целью ободрить герцога вы меня уполномочиваете объявить ему, что мы собираем большую армию на нашей границе»³⁸. Однако в тот момент Матушевич не считал возможным сообщать Веллингтону о готовящемся выступлении русской армии, советовал не разглашать этой гайны, полагая, что такая демонстрация была бы равносильна объявлению войны. Заканчивая это частное письмо Нессельроде, Матушевич писал: «Между тем, чем больше я об этом думаю, тем меньше я могу усмотреть пользы, которую нам принесла бы война, нами вызванная»³⁹.

На другой день после отправления этого письма герцог Веллингтон подал в отставку, и лорд Грей был назначен премьер-министром, в Пальмерстон — статс-секретарем по иностранным делам. Несмотря на перемены в английском правительстве, курс его политики в бельгийском вопросе оставался прежним: не допустить военного вмешательства в бельгийские дела.

Серьезные опасения великим державам, в особенности Англии, Австрии и Пруссии, внушала позиция Франции. В случае присоединения Бельгии к Франции последняя, владея Антверпеном, постоянно угрожала бы Англии; владея Маастрихтом и Люксембургом, — Австрии и Пруссии. Для Франции оказание помощи нидерландскому королю означало бы восстановление Нидерландского королевства, создание которого в 1815 г. было направлено против самой Франции, и трудно было ожидать от нее в тот момент, чтобы она приняла участие в восстановлении невыгодного для себя положения только для того, чтобы доказать преданность договорам 1815 г.

³⁸ Мартенс Ф. Указ. соч., с. 439.

³⁹ Там же, с. 440.

Как только было получено известие о бельгийских событиях, французский министр иностранных дел заявил прусскому послу, что Франция не может допустить, чтобы иностранные войска вступили в Бельгию для подавления восстания, и что всякое вооруженное вмешательство заставит Францию объявить войну вмешавшемуся.

Что же касается Пруссии, то она могла свободно распоряжаться своей армией. Однако после такого решительного заявления Франции Пруссия отказалась от первоначального замысла оказать военную помощь Вильгельму I для подавления восставших бельгийцев. Россия пыталась сломить Пруссию. В докладе Нессельроде Николаю I по этому поводу говорилось: «Графу Дибичу не удалось побудить Пруссию к изолированному выступлению, которое она считает слишком запоздавшим, чтобы спасти крепости, и слишком компрометирующим по отношению к Франции, чтобы согласиться подвергнуться риску подобной комбинации. С другой стороны, она признает необходимость совместного выступления четырех держав и имеет в виду предпринять необходимые шаги, чтобы вызвать мероприятия и декларации, вследствие которых статьи существующих договоров были бы немедленно применены к восстанию в Бельгии»⁴⁰.

Австрийский император, ссылаясь на «географическое положение» своей страны, отвечал, что может оказать Голландии только моральную поддержку. Слабость австрийской армии и необходимость держать сильные гарнизоны в верхней Италии, где национально-освободительное движение получило после Июльской революции во Франции новый импульс, исключали всякое участие монархии Габсбургов в войне против Бельгии, а стало быть, и Франции.

Таким образом, интервенцию в Бельгию не поддержала ни одна из великих держав, и обсуждение бельгийского вопроса решено было передать на рассмотрение участников Лондонской конференции.

Прежде всего европейским дипломатам предстояло решить вопрос о том, в каком составе собраться на Лондонской конференции и как быть с Францией, где революционное движение в июле 1830 г. свергло законную династию. *Casus foederis*, предусмотренный в союзном договоре четырех государств 20 ноября 1815 г., остался неиспользованным, и правительство Луи-Филиппа, несмотря на свое революционное происхождение, было при-

⁴⁰ Красный архив, 1941, № 1, с. 222.

знаю другими великими державами. Обнаруженное коалицией внутреннее бессилие по этому пункту ее программы, естественно, отразилось и на позиции, которую она должна была занять по отношению к Голландии. Было очевидно, что для решения бельгийско-голландского конфликта нужно искать иной форум, чем коалиция и действия вчетвером, так как уже в самом начале октября между Англией и Францией шли переговоры о Бельгии и участие правительства Луи-Филиппа в решении конфликта Лондон считал совершенно необходимым. Николай I, вначале настроенный против участия Франции в конференции, в конце концов вынужден был уступить настояниям остальных держав. Таким образом, бельгийский вопрос был перенесен на более широкую арену переговоров между пятью великими державами.

**Споры о кандидатуре на бельгийский престол.
Договор в 18-ти статьях,
отношение к нему Бельгии и Голландии**

Лондонская конференция открыла свои заседания 2 ноября 1830 г. Участниками ее были представители пяти держав: от России — Ливен и Матушевич, от Англии — лорд Пальмерстон, от Франции — Талейран, от Австрии — Эстергази и Весенберг, от Пруссии — фон Бюлов.

Первым формальным актом Лондонской конференции был протокол от 4 ноября 1830 г., по которому предлагалось обеим сторонам прекратить военные действия и каждой из них вывести свои войска за пределы той линии, которая разделяла Голландию и Бельгию до 1814 г. Это перемирие должно было дать возможность пяти державам обсудить создавшееся положение и найти компромиссное решение, которое так или иначе учитывало бы противоречивые интересы. До тех пор, пока возможность иностранного вмешательства в целях подавления бельгийской революции не была отвергнута, предметом внимания и забот была Голландия; теперь центром стала Бельгия, вопрос о ее самостоятельном существовании и положении в Европе.

Великие державы не пошли по пути принудительного возвращения Бельгии к повиновению. Самой активной противницей этого плана выступила Франция, провозгласившая принцип невмешательства. Из числа остальных держав первой убедилась в невозможности реставрации в Бельгии старого порядка Австрия, которая готова была признать независимое существование этой страны. При этом Австрия ставила два условия: чтобы новое го-

сударство не разрывало полностью своих связей с Голландией и было поставлено по отношению к ней в такое положение, которое исключало бы возможность присоединения Бельгии к Франции; чтобы от освобождения бельгийцев не пострадала та система укреплений, которая была воздвигнута в Нидерландском королевстве по настоянию России, Австрии, Пруссии, Англии.

Позиция России по данному вопросу была почти такой же, как и у Австрии. Задачей конференции, по убеждению России, должно быть «умиротворение Нидерландского королевства посредством изменения условия соединения между Бельгией и Голландией, но с сохранением неприкосновенности этого государства под властью Оранского дома и с полной безопасностью крепостей, охраняющих его независимость»⁴¹. Позиция Англии была менее определенной. Английскому министерству трудно было сразу согласиться с отказом от дальнейшего существования объединенного Нидерландского королевства — детища английской дипломатии.

Однако был один пункт, по которому между Англией, Россией, Австрией и Пруссией была полная солидарность, — они всеми силами старались не допустить присоединения Бельгии к Франции. Все четыре державы готовы были пойти на компромисс, весь смысл которого сводился к тому, чтобы относительная независимость Бельгии явилась вместе с тем и независимостью ее от Франции. Заставив последнюю признать эту независимость, они рассчитывали избежать французских домогательств, которые иначе пришлось бы устранять войной.

Францией в данном вопросе руководили иные соображения: ее целью было ослабить по возможности или совсем уничтожить направленную против нее и проходившую вдоль ее границ оборонительную линию крепостей Нидерландского королевства: этому способствовали события, совершившиеся в Бельгии. Поэтому первой задачей Франции было добиться от других держав согласия на ликвидацию Нидерландского королевства.

Первый пункт инструкций, данных Талейрану французским правительством, гласил: «...мы полагаем, что единственный возможный базис соглашения при существующих обстоятельствах заключается в том, чтобы Бельгия была отделена от Голландии и сделана независимым государством под властью суверенного государя»⁴².

⁴¹ Мартенс Ф. Указ. соч., с. 445.

⁴² Mémoires du prince de Talleyrand. Paris, 1891. т. 4, р. 23—24.

Этот пункт обосновывался тем соображением, что обстоятельства не дают возможности бороться с совершившимся фактом: путем советов нельзя надеяться подействовать на бельгийцев, а принудительные средства исключаются французским принципом невмешательства. Второй пункт инструкции отражал то беспокойство и неудовольствие, которое внушало Франции существование голландской военной линии вдоль ее северо-восточной границы. Он гласил: «Вы должны прежде всего устранить все предложения, которые могли бы быть вам сделаны, о поручении охраны какой-либо из бельгийских крепостей какому бы то ни было иностранному гарнизону»⁴³. Эта часть инструкции доказывала, что французское правительство искало выхода из тягостного положения, создавшегося вследствие существования крепостей.

Между тем 10 ноября в Брюсселе открылся Национальный конгресс. Декретом от 18 ноября 1830 г. была торжественно провозглашена независимость страны. Национальному конгрессу предстояло решить два важных вопроса: о выработке конституции и о выборе короля на бельгийский престол. В самой Бельгии на этот счет существовало несколько мнений.

Основная масса бельгийцев была настроена резко враждебно по отношению к династии Нассау Оранской. Но среди богатых коммерсантов и промышленников Гента, Льежа и Антверпена раздавались голоса в пользу Оранского дома, как это явствует, в частности, из «Заметок о положении Бельгии и ее чаяниях», помеченных грифом «Секретно»⁴⁴, найденных нами в одном из дел Архива внешней политики России. В этих заметках говорится: «Вся Бельгия любит своего короля и вспомнит еще о его благодеяниях и благополучии, которого она достигла в его царствование. Бельгия любит принца Оранского, которого она рассматривает как одного из своих сыновей»⁴⁵. Здесь же — резкие выпады против Национального конгресса, который осмелился принять декрет о низложении дома Нассау. Основной вывод, который делает неизвестный нам автор «Заметок...», — вывод о необходимости возобновления союза с Голландией: «Бельгия может найти счастье только в восстановлении своих связей с Голландией ... чаяния бельгийцев связаны с именем принца Оранского, который управлял бы ими»⁴⁶.

Неизвестный нам автор письма из Антверпена, датированного 28 февраля 1831 г. (Гурьев счел необходимым переправить это письмо в Петербург как документ, свидетельствующий о политических настроениях бельгийцев), писал: «Партия оранжистов очень многочисленна здесь, в Генте, в части обеих Фландрий и даже в Брюсселе: она менее популярна в Льеже и Монсе и насчитывает мало сторонников в других маленьких пограничных городах, которые хотели бы прежде всего присоединиться к Франции... Оранжистская группировка представляет собой класс благонамеренных буржуа, лавочников, ремесленников и даже рабочих, все это люди, среди которых духовенство и аристократия страны имеют наибольшее влияние. Сторонники оранжистов есть также и среди офицеров, которые хотели бы поставить принца Оранского во главе правительства»⁴⁷.

Большой интерес представляет также письмо принца Вильгельма Оранского королю Нидерландов от 10 октября (28 сентября) 1830 г., в котором принц, явно преувеличивая свое влияние и авторитет в Бельгии, рассказывает о настроениях восставших бельгийцев. Вильгельм Оранский сообщает своему отцу о том, что члены Генеральных штатов южных провинций желают вручить ему верховную власть. И далее: «Временное правительство желает добиться той же цели другими средствами. Гент хочет того же самого, а Люттих, по-видимому, тоже стремится к той же цели, что и Антверпен. Таким образом, имеется, кажется, значительное большинство, желающее одного и того же. По мнению всех, как туземцев, так и иностранцев, ожесточение против голландцев в Брюсселе, а под влиянием последнего и в других провинциях, достигло высшего предела»⁴⁸. Принц Оранский пишет, что умы бельгийцев восстановлены против короля, «против Фритца, одним словом, против Оранского дома, ибо против меня было возбуждение также, как и против остальных членов семьи; по отношению ко мне настроение изменилось только с моим приездом сюда. Этот факт в числе других подтвердил мне и г-н Картрайт, указав, что в Брюсселе имеются три преобладающие партии: французская, республиканская и оранская. Французская партия стоит за герцога Немурского... республиканская партия хочет федеративную республику, а оранская желает из нашей фамилии только меня». Заканчивая это письмо, принц Оранский самоуверенно заявляет: «В настоящем письме ставится

⁴³ Mémoires du prince de Talleyrand, v. 3, p. 377.

⁴⁴ АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 894, л. 167–175.

⁴⁵ Там же, д. 9234, л. 74.

⁴⁶ Там же, л. 75.

⁴⁷ Там же, л. 74.

⁴⁸ Красный архив, 1941, № 1, с. 221.

крупный вопрос, и, по-моему, он имеет европейское значение. Если я овладею властью, мир будет сохранен, если я этого не сделаю, европейская война неминуема»⁴⁹.

Однако большинство членов Национального конгресса выступили против кандидатуры принца Оранского. Более того, 23 ноября депутат конгресса от католической партии Роденбах внес предложение об устранинии на вечные времена Оранского дома от бельгийского престола. Роденбах говорил: «Вы провозгласили независимость Бельгии; устраниние Оранских есть необходимое дополнение вашего декрета. Вильгельм вел себя как король одной лишь Голландии, по отношению к Бельгии он был лишь деспотом и тираном... Те, которые хотят провозгласить нашим королем принца Оранского, должны подумать о следующем: как войдет этот принц через те самые ворота, откуда недавно с позором бежали его брат и трусливые голландские солдаты? Как войдет он в тот дворец, где пушка провозгласила фатальный декрет об устранинии короля? Что станет он делать со сломанными, разбитыми и разбросанными статуями своего отца? Как сумеет внушить доверие к себе сын клятвопреступного отца? Какую искупительную жертву возложит он на гроб храбрецов, похороненных на площади Мучеников? Я прошу вотировать за вечное устраниние фамилии Оранских»⁵⁰.

Роденбаха поддержал депутат Класс, доказывавший на примере Стюартов и Бурбонов необходимость торжественного устраниния Оранских. С несколько иной точки зрения высказался в пользу того же предложения умеренный либерал Нотомб: «Мы стоим перед лицом или европейской войны, или междуусобной, или, наконец, войны против одной лишь Голландии. Европейская война теперь маловероятна, с устранинием Оранских будет исключена возможность и междуусобной войны, война же с Голландией неизбежна при всяких обстоятельствах, так как при вступлении Оранского на престол он нам скажет: „Я царствую не в силу избрания в 1830 г., но в силу договоров 1815 г. Я не мог отказаться от прав моего дома“»⁵¹.

Предложение об устранинии Оранского дома было принято 151 голосом против 38.

⁴⁹ Красный архив. 1941. № 1, с. 222.

⁵⁰ Discussions du Congrès National de Belgique. Bruxelles, 1844, v. 1, p. 262.

⁵¹ Лозинский С. Г. История Бельгии и Голландии в новое время. СПб., б. г., с. 132.

Пока Национальный конгресс в Брюсселе обсуждал проект конституции и вопрос об избрании короля на бельгийский престол, Лондонская конференция добилась временного прекращения военных действий между Голландией и Бельгией и стала рассматривать меры, которые могли бы, при сохранении независимости Бельгии, обеспечить равновесие в Европе.

20 декабря 1830 г. пять великих держав окончательно признали независимость Бельгии и устраниние Вильгельма I с бельгийского престола. Однако в протоколе ясно сказано, что проблема тем самым еще не решена. Он, в частности, гласит: «Полномочные представители собрались сюда, чтобы обсудить меры, имеющие целью преодолеть расстройство, внесенное бельгийскими беспорядками в созданную договорами 1814 и 1815 гг. систему. Устанавливая этими договорами соединение Бельгии и Голландии... державы имели в виду укрепить подлинное равновесие в Европе и обеспечить общий мир». Далее в этом протоколе говорится, что так как в результате последних событий смысл соединения Бельгии с Голландией утрачен, то конференция обсудит и выработает новые начала, способные сочетать будущую независимость Бельгии с условиями договоров, с интересами и безопасностью других государств и с сохранением европейского равновесия»⁵².

Решение Лондонской конференции об устранинии Вильгельма с бельгийского престола вызвало протест голландского кабинета. В депеше от 28(16) декабря 1830 г. Н. Д. Гурьев сообщал Нессельроде, что протокол Лондонской конференции от 20 декабря произвел на короля крайне неприятное впечатление. Вильгельм I надеялся, что державы будут настроены по отношению к нему благоприятно, а вместо этого «Голландия оставлена на произвол судьбы»⁵³. Фальк, представитель нидерландского правительства на Лондонской конференции, заявляя протест, говорил об административном отделении Бельгии как возможном способе ее умиротворения и сохранения за королем власти над нею. Вскоре протест был получен и от Вильгельма. В резких выражениях король упрекал конференцию, которая вместо успокоения Нидерландов занялась разрушением королевства. Этот королевский протест не был занесен в протокол конференции и оставлен был без всякого ответа.

Признав независимость Бельгии от Голландии, конференция определила границы обоих государств: за Голландией были при-

⁵² Нольде Б. Э. Постоянно нейтральное государство. СПб., 1905, с. 140.

⁵³ АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 9234, л. 36.

знаны границы 1790 г. и, следовательно, постлиминимум (т. е. владения, которые ей принадлежали в прошлом); кроме того, за Оранским домом оставался Люксембург. По отношению к Бельгии этот принцип не был соблюден, и она должна была отказаться от права на Восточную Фландрию, часть Лимбурга, Маастрихт и Люксембург. Правда, взамен этого она получила Льеж, 10 французских кантонов и герцогство Бульонское, которым она не владела в 1790 г. и которое было присоединено к ней как к части Нидерландского королевства при образовании государства Вильгельма I.

Что касается государственного долга бывшего Нидерландского королевства, то на долю Бельгии пала почти половина его, точнее $\frac{16}{31}$. Это решение Лондонской конференции не могло, естественно, удовлетворить Бельгию, которая должна была заплатить слишком дорого за согласие Европы признать факт совершившегося отделения Бельгии от Голландии.

Неудивительно, что Национальный конгресс 1 февраля 1831 г. выразил протест против решений Лондонской конференции⁵⁴. В этом протесте говорилось: «Принимая во внимание, что миссия Лондонской конференции ограничивалась филантропической ролью и что она имела в виду прекратить пролитие крови, не вмешиваясь в вопросы, касающиеся интересов спорящих сторон; что бельгийский народ не задается завоевательными планами и не стремится к увеличению своей территории в ущерб другой стороне; что в 1795 г. и позднее Голландия уступила левый берег Шельды и свои права на Лимбург взамен земель, которыми она теперь владеет и которые раньше принадлежали Бельгии и добровольно примкнули к бельгийской революции 1830 г.; что бельгийский народ на основании постлиминимума владеет Люксембургом, Лимбургом и левым берегом Шельды, — принимая все это во внимание, конгресс протестует против всякой попытки уменьшить территорию Бельгии и навязать ей без согласия народных представителей какие-либо границы; конгресс ни в коем случае не откажется от своих суверенных прав в пользу иностранных кабинетов, он никогда не подчинится решению, уничтожающему целостность территории и права народного представительства, он будет постоянно требовать от иностранных правительств соблюдения принципа о невмешательстве в жизнь бельгийского народа»⁵⁵.

В противовес Национальному конгрессу нидерландское правительство официально заявило, что оно признает для себя обязательными постановления Лондонской конференции. Тем самым Вильгельм I оказывался вынужденным пойти на признание независимости Бельгии и отказаться от своих претензий на нее.

Положение Бельгии было в это время очень сложным: страна, независимость которой была признана державами, подписавшими в 1815 г. Парижский мир и косвенно заставлявшими Вильгельма признать эту независимость, протестовала теперь против великих держав и отказывала им в праве вмешиваться в ее спор с Голландией. Маленькая Бельгия бросила вызов не только Вильгельму I, но и Англии, Австрии, России и Пруссии. Подобная смелость в значительной мере объяснялась тем, что Франция тайно поддерживала брожение в Бельгии и, желая сохранить там свою популярность на случай каких-либо новых осложнений, не подписала акта конференции, устанавливавшего точные условия мира между Бельгией и Голландией.

Что касается Австрии, то ей было не до войны — она была занята борьбой с национально-освободительным движением в Италии. Правительство Николая I поглощено было усмирением польского восстания. Англия не хотела брать на себя роль европейского жандарма и навязывать Бельгии неприемлемый для нее мир. Пруссия понимала, что вступление прусской армии в пределы Нидерландов для поддержки Вильгельма I будет встречено не только протестом со стороны Франции, но и переходом ее войск через франко-бельгийскую границу. Противоречие между державами и революционные настроения в Европе придавали бельгийскому Национальному конгрессу смелость и позволяли ему протестовать против их решений. Поведение бельгийского конгресса было доказательством силы революции и шаткости позиций европейских держав.

Между тем Национальный конгресс приступил к избранию короля Бельгии. Число претендентов на престол было довольно значительное⁵⁶: сын Луи-Филиппа герцог Немурский; герцог Лейхтенбергский; эрцгерцог Карл; герцог Рейхштатский; брат неаполитанского короля принц Капуэйский; принц Оттон Баварский; герцог Луккский; герцог Иоанн Саксонский; принц Сальм-

⁵⁴ Лозинский С. Г. Указ. соч., с. 135.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ См.: Бергран Л. История демократии и социализма в Бельгии с 1830 г. М., 1907, с. 46—47.

ский; принц Кариньянский; принц де Линь; Сюрле де Шокье; Феликс де Мерод, Шарль Рожье, Лафайет, Шатобриан и т. д.⁵⁷

Еще до созыва конгресса Временное правительство отправило Жандебьена в Париж и Ван де Вейера в Лондон, чтобы выяснить отношение французского и английского правительств к кандидатуре сына Луи-Филиппа герцога Немурского. В Лондоне Ван де Вейеру дали понять, что кандидатура герцога не будет одобрена Англией, ибо Англия видит в этом попытку усилить влияние Франции в Бельгии, чтобы впоследствии присоединить ее к своим владениям. Почти столь же категоричным был и ответ французского правительства Жандебьену. Франция не скрывала возможности общеевропейской войны в случае провозглашения герцога Немурского бельгийским королем, хотя и утверждала, что она не желает войны и что в интересах самой Бельгии сохранение мира.

Кандидатура герцога Немурского, таким образом, была устранена двумя влиятельными кабинетами Европы. Тогда была выдвинута новая кандидатура — малолетнего принца Оттона Баварского. Но она вызвала, естественно, недоумение в Бельгии. Бельгийские деятели остановили свое внимание на герцоге Лейхтенбергском, сыне Евгения Богарне. Эта кандидатура, однако, не устраивала Луи-Филиппа, не желавшего создавать у французской границы очаг бонапартизма. 21 января 1831 г. французский министр иностранных дел Себастиани сообщил дипломатическому комитету Бельгии, что французское правительство «видит в избрании герцога Лейхтенбергского комбинацию, способную нарушить спокойствие Франции, и самым категоричным образом заявляет, что оно не признает этого выбора»⁵⁸. Бельгия оказалась, таким образом, в затруднительном положении. Лондонской конференции пришлось считаться с мнением французского короля, и она вынуждена была принять специальный протокол о принце Августе Лейхтенбергском. В этом документе говорится, что ни один из трех дворов (Англии, Франции, России) не признает принца Августа Лейхтенбергского в качестве суверена Бельгии даже в том случае, если он будет признан брюссельским конгрессом⁵⁹.

⁵⁷ См.: *Бертран Л.* Указ. соч., с. 45.

⁵⁸ *Mémoires du prince de Talleyrand*, v. 4, p. 28.

⁵⁹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 409, д. 894, л. 176—177 *Projet du protocole sur le Duc Auguste de Leuchtenberg*.

28 января 1831 г. Национальный конгресс приступил к избранию короля. Первым выступил Лебо, один из наиболее влиятельных депутатов: «Перед нами три кандидатуры: принц Оранский⁶⁰, герцог Немурский и герцог Лейхтенбергский. Принц Оранский означает гражданскую войну и национальную гибель; принятие кандидатуры герцога Немурского равносильно объявлению немедленной войны всей Европе; герцог Лейхтенбергский может вызвать войну с Францией. Я не могу быть слепым панегиристом предлагаемой мною кандидатуры, и я не скажу, что она безукоризненна во всех отношениях. Бельгия поставлена в такие условия, что она должна из всех зол выбрать наименьшее, и мы должны избежать войны с Англией, на сторону которой встанут все северные государства. Европа не допустит, чтобы Франция достигла Рейна, так как в этом случае 40-миллионная французская держава явится серьезной опасностью для европейского мира. Избрав герцога Лейхтенбергского, мы заявим Европе, что

⁶⁰ Еще 24 ноября конгрессом был принят декрет об устранении на вечные времена Оранских с бельгийского престола.

не хотим быть вассалами Франции и что стоим на почве трактатов 1814 и 1815 гг., и поверьте, что все европейские правительства это признают»⁶¹.

Депутат Деве поддержал Лебо и в свою очередь заявил: «Я всем сердцем симпатизирую французам, но не следует забывать, что Франция с презрением относится к иностранцам. Бельгийцы на опыте узнали, что означает французское господство, и всем понятно, что избрание герцога Немурского есть начало присоединения Бельгии к Франции. В течение многих веков мы переносили господство иноземцев, мы поочередно были испанцами, австрийцами, французами, голландцами — вот уже четыре месяца, как мы сделали бельгийцами, останемся же бельгийцами!»⁶².

Несмотря на то что Луи-Филипп официально заявил, что он не примет короны для герцога Немурского, кандидатура этого принца все-таки тайно поддерживалась в Брюсселе французскими агентами. Французский министр иностранных дел Себастиани заявил, что правительство не соглашается с последними протоколами Лондонской конференции (от 1 февраля). В то же время он дал понять, что Франция откажет Бельгии в прежней дружбе, если последняя признает своим государем герцога Лейхтенбергского. Северные державы (Россия, Австрия и Пруссия), напротив, старались высказать свое расположение к этому кандидату не столько для того, чтобы добиться для него победы, сколько для того, чтобы принудить его противника — герцога Немурского снять свою кандидатуру.

В день выборов велась ожесточенная борьба между претендентами на престол. 3 февраля на конгрессе в Брюсселе за герцога Немурского было подано 89 голосов, за герцога Лейхтенбергского — 67, за эрцгерцога Карла Австрийского — 35 голосов. После

второй баллотировки распределение голосов оказалось иным: за герцога Немурского — 97 голосов, за герцога Лейхтенбергского — 74 и за эрцгерцога Карла — 21 голос⁶³.

Таким образом, Национальный конгресс провозгласил бельгийским королем герцога Немурского. К нему из Брюсселя была отправлена депутация во главе с председателем конгресса Сюрле де Шокье. Луи-Филипп отказался, однако, дать разрешение своему сыну принять корону и заявил, что «пример Людовика XIV и Наполеона должен служить предостережением против губительной попытки создавать троны для своих сыновей»⁶⁴. Вернувшись из Парижа, Сюрле де Шокье сообщил конгрессу об отказе Луи-Филиппа. Конгресс постановил продлить свои полномочия до выборов нового короля и назначил временным регентом королевства барона Сюрле де Шокье, предоставив ему почти королевскую власть. Временное правительство подало в отставку, и Шокье поручил де Герлаху составить министерство получившего к тому времени международное признание бельгийского королевства.

Однако в этот момент Бельгии стала угрожать серьезная опасность со стороны Лондонской конференции. Отказ Национального конгресса признать продиктованные Бельгии и Голландии мирные условия, отсутствие подходящего кандидата на бельгийский престол, внутреннее брожение, охватившее страну вследствие неопределенности положения, происки оранжистов — все это явно раздражало дипломатов, среди которых появилось течение в пользу раздела Бельгии между Англией, Францией, Пруссией и Голландией. Бельгии угрожала участь Польши как раз в тот самый момент, когда с французской и английской трибун раздавались голоса протеста против «великого политического преступления прошлого века» и когда парламенты обеих стран упрекали французский и английский кабинеты в бездушии и индифферентизме к несчастной Польше. Вполне возможно, что слухи о ближайшем разделе Бельгии были пущены с расчетом повлиять на «смелый» конгресс и заставить его или принять мирные условия, или скорее покончить с регентством и с другими временными мероприятиями и избрать короля, удобного державам — участникам Лондонской конференции.

Какова же была позиция царской России в вопросе о выборе короля на бельгийский престол? Еще в письме от 15(3) ноября 1830 г. Матушевич предложил Нессельроде план действий в бель-

⁶¹ Discussions du Congrès National..., v. 2, p. 309—312.

⁶² Ibid, p. 356—357.

⁶³ Ibid, p. 453.

⁶⁴ Mémoires du prince de Talleyrand, v. 4, p. 54.

ийском вопросе, который был одобрен царским правительством и впоследствии принят Лондонской конференцией. Матушевич в этом частном письме писал: «Что касается бельгийского дела, вот план, который мне представляется наиболее практичным. Посмотрим сперва на наше положение. Во-первых, мы не можем вмешаться с оружием в руках. Ни Англия, ни Австрия, ни Пруссия не намерены вмешиваться. Почему это должна сделать Россия? Меня спросят, что следует делать? Прежде всего не пробовать невозможного и затем сделать две следующие простые вещи... во-первых, противопоставить беспорядку единственное средство, дающее некоторый луч надежды. Во-вторых, спасти Бельгию от Франции и Голландию от Бельгии. Средство заключается в содействии избранию принца Оранского (на бельгийский престол), что не кажется особенно трудным. В таком случае общим семейным актом будет определен порядок престолонаследия в Голландии и Бельгии и между обеими странами сохранится только торговый союз. Средство же для спасения Бельгии от Франции и Голландии от Бельгии было бы следующее: пять держав гарантируют сообща посредством протокола или трактата существование бельгийского королевства и объясняют, что ни одна из них не может ни в каком случае ни нападать на него, ни занимать его без согласия четырех других держав и что, кроме этого, они гарантируют равным образом Голландию от всякого нападения со стороны Бельгии»⁶⁵.

Вначале этот план Николай I не одобрил, он считал, что война неизбежна. Однако восстание в Польше изменило первоначальные замыслы русского императора.

В декабре 1830 г., когда польское восстание было уже в полном разгаре, русским уполномоченным на Лондонской конференции были даны инструкции, согласно которым они обязаны были: 1) заботиться о сохранении бельгийской короны за Нассауским домом; 2) согласиться на полное отделение Бельгии от Голландии, поскольку этого желает нидерландский король; 3) не соглашаться на вступление на бельгийский престол представителя иностранной, т. е. не Оранской, династии. Семейным актом должны определяться взаимные отношения между Бельгией и Голландией. Если же конференция выскажется в пользу иностранного принца, то государь примет к сведению такое решение и даст своим уполномоченным новые инструкции⁶⁶.

⁶⁵ Мартенс Ф. Указ соч., с. 441—442.

⁶⁶ Там же, с. 443.

Как видим, в этой инструкции уже и речи нет о вооруженном вмешательстве России в бельгийские дела. Полное отделение Бельгии от Голландии признается вполне возможным, но вместе с тем высказывается мысль о сохранении тесной связи между обеими странами при помощи фамильного акта и коммерческого союза.

В конце концов русские уполномоченные подписали протокол Лондонской конференции от 20(8) декабря 1830 г., которым признавалась независимость Бельгии от Голландии. И Х. А. Ливен и А. Матушевич опасались, что попытка заставить бельгийцев вернуться под власть нидерландского короля вынудила бы их броситься в объятия французов. В общем донесении от 24(12) декабря 1830 г. Ливен и Матушевич писали, что «эта независимость лучше французской оккупации»⁶⁷. Соглашаясь на провозглашение независимости Бельгии, русские уполномоченные старались добиться провозглашения вечного нейтралитета Бельгии с целью сохранить за этой страной значение «барьера против Франции».

Нидерландский король вынужден был утвердить декабрьский протокол Лондонской конференции и признать тем самым независимость Бельгии. Но при этом он поставил свои условия — в отношении границ, государственного долга и торговли бельгийцев с голландскими колониями.

Русский император, одобряя в целом декабрьский протокол, протестовал против так называемого «права невмешательства», которым стремилось воспользоваться французское правительство по отношению к Бельгии. Известно, что английское правительство также поддерживало принцип невмешательства и считало его лучшей гарантией европейского мира. Царское правительство заявило французскому и английскому кабинетам, что оно никогда не признает этого принципа и, в частности, его применения к бельгийской революции. Другое условие, поставленное Николаем I, касалось взаимоотношений Бельгии и Голландии в будущем. Русский император продолжал категорически противиться разрыву всякой связи между обеими странами. Он предписывал своим уполномоченным на конференции настаивать на избрании принца Оранского на бельгийский престол. Если эта кандидатура будет отвергнута, то русские уполномоченные обязаны заявить, что только избрание принца Оранского представляет все выгоды и не установить этой связи между Бельгией и Голландией.

⁶⁷ Там же, с. 446.

дией значило бы в действительности присоединить Бельгию к Франции. По мнению Николая I, возвращение бельгийцев под власть Оранского дома было бы победой, одержанной над революцией.

Согласно инструкции, полученной из Петербурга, Х. А. Ливен объявил английскому министерству, что не подпишет акта, которым бельгийская корона будет предложена не принцу Оранскому.

Между тем Талейран от имени французского короля потребовал на конференции «исправления» французских границ, в силу которого герцогство Люксембургское и герцогство Бульонское вместе с некоторыми бельгийскими крепостями отошли бы к Франции. Претензия французского уполномоченного возмутила членов конференции, особенно Пальмерстона, который поставил князю Талейрану категорический вопрос: намерена ли Франция настаивать на своей претензии? Талейран через несколько дней подписал декларацию, согласно которой великие державы отказывались использовать Бельгию для увеличения своих территориальных владений или для приобретения там исключительного влияния.

Протокол 20 января 1831 г. определил границы Бельгии и провозгласил ее вечный нейтралитет. Против вечного нейтралитета Бельгии представителями Пруссии и Австрии было высказано то изображение, что таким постановлением отдаляются от Франции «пункты атаки» против нее. На это был дан ответ, что особое положение бельгийских крепостей было создано с оборонительной, а не с наступательной целью. Лорд Пальмерстон привел в пользу нейтралитета еще один довод: «Бельгийцы во все времена были беспокойным и бунтующим народом. Казалось необходимым принудить его в известной степени к мирной жизни и заставить его обратить все свое внимание на торговлю и промышленность, благодаря которым бельгийцы будут с каждым днем все более опаздываться Франции и будут более расположены к Голландии»⁶⁸. В связи с этим представляется вполне понятным план раздела Бельгии между Францией, Пруссией и Голландией, выдвинутый французским министром иностранных дел Себастиани и секретно сообщенный некоторым участникам конференции. Доводы Себастиани были следующие: «Бельгийцы оказались неспособным народом; они только умеют расстраивать свою страну и тревожить другие; они делают скандал на всю Европу благодаря их безрас-

судству и нарушают ее спокойствие своими насилиями»⁶⁹. Однако лорд Пальмерстон через Гренвиля в Париже заявил, что английское правительство никогда не допустит исполнения этого плана.

Вопрос о будущем короле Бельгии оставался все еще открытым. Следует отметить, что поведение нидерландского короля осложняло и без того запутанный бельгийский вопрос. Вильгельм I то отменял блокаду р. Шельды и Антверпена, то опять ее восстанавливал; то давал своему сыну, принцу Оранскому, разрешение вступить на бельгийский престол, то снова отказывал в разрешении. В октябре 1830 г. король согласился на избрание сына, а в январе 1831 г. он опять настаивал на своих собственных правах на бельгийский престол. Русские уполномоченные были связаны словом, данным Николаю I, поддерживать кандидатуру принца Оранского. Вначале лорд Пальмерстон обещал поддержать кандидатуру принца Оранского, но уже в конце 1830 г. он убедился, что партия принца Оранского в самой Бельгии малочисленна и потому имеет мало шансов на успех. Князь Ливен доказывал обратное. Тогда лорд Пальмерстон посоветовал ему отправить в Бельгию человека, который на месте убедится, что бельгийцы не хотят иметь принца Оранского королем. Эта идея понравилась русскому послу, и он поручил барону Крюденеру в качестве «простого путешественника» отправиться в Бельгию. 14 февраля Крюденер представил князю Ливену отчет о своем путешествии. В Брюгге Крюденер застал господство священников, население этого города ненавидело Оранский дом. Напротив, в Генте барон встретил много убежденных приверженцев принца Оранского. Этот город отправил к принцу депутацию с предложением вступить на бельгийский престол. В Антверпене партия оранжистов была довольно многочисленна, но все-таки будущность Бельгии была связана с Брюсселем. Здесь некий граф Дюшатель усиленно агитировал в пользу принца Оранского. Основной вывод, к которому пришел Крюденер, был тот, что среднее и высшее сословие в Бельгии настроено в пользу кандидатуры принца Оранского, но римско-католическое духовенство и слышать о ней не хочет.

Вопрос о выборе короля снова откладывался на неопределенное время. Кандидатура герцога Немурского была отвергнута. Принц Оранский, судя по донесениям и Гурьева и Голицына, не

⁶⁸ Донесение кн. Ливена от 10(22) января 1831 г. Нессельроде.— В кн.: *Мартенс Ф.* Указ. соч., с. 450—451.

⁶⁹ Донесение кн. Ливена от 7(19) апреля 1831 г. Нессельроде.— В кн.: *Мартенс Ф.* Указ. соч., с. 451.

мог уже надеяться на избрание. Англия в конце апреля 1831 г. осторожно выдвинула свою кандидатуру — принца Леопольда Саксен-Кобургского⁷⁰, которого в 1830 г. собирались сделать греческим королем. Франции дали понять, что этот будущий бельгийский король вступит в брак с дочерью Луи-Филиппа.

В Бельгии эта кандидатура вызвала недовольство, причем самым яростным противником оказалась католическая пресса. Так, католическая газета «Emancipation», выходившая в Брюсселе, в номере от 29 апреля 1831 г. в статье под заглавием «Принц Леопольд» писала следующее: «Если принц Леопольд и не послужит причиной гражданской войны, то все же избрание его королем Бельгии ока-

жется гибельным для нашей торговли и промышленности, потому что, отвергнутый целыми провинциями, руководимыми всегда своими частными интересами, а также большим числом граждан, которые будут против его выбора в силу национального чувства, новый король явится причиной бесконечных раздоров, благодаря оппозиции людей самых противоположных мнений. Характер Леопольда слишком известен, чтобы ошибаться в оценке его. Он вызывает сильную антипатию со стороны обеих наций, он является причиной всеобщего недоверия в настоящем и, несомненно, послужит причиной революционного кризиса в будущем, так что его кандидатура стоит в резком противоречии с интересами Бельгии вообще и с интересами Брюсселя в частности. Она является предвестником не спокойствия, а бури».

⁷⁰ Леопольд I (1790–1865) был сыном герцога Франца Саксен-Кобургского. В 1803 г. он поступил на русскую службу и сопровождал императора Александра I в Эрфурт. По требованию Наполеона Леопольд временно оставил службу в России, но в 1813 г. снова вступил в русскую армию. В 1816 г. Леопольд принял английское подданство и женился на принцессе Шарлотте, которая вскоре умерла. Отказавшись от предложенной ему греческой короны, он принял бельгийскую в 1831 г.

В тот же день газета «Gazette de deux Flandres» напечатала манифест католической партии, отвергавшей нового кандидата. «Journal d'Anvers», орган умеренного направления, так оценивал эту кандидатуру: «Вопрос о королевской кандидатуре принца Саксен-Кобургского волнует и умы и прессу. Оппозиция сильна, потому что она состоит из партии католической и партии французской, потому еще, что в самой партии, отстаивающей независимость Бельгии, имеется много противников принца среди политических деятелей и среди людей, преданных материальным интересам общества. С другой стороны, за эту кандидатуру стоит масса людей, утомленных революцией, которые жаждут восстановления порядка и мира, которые готовы броситься в объятия первого попавшегося принца, признанного конгрессом, в надежде на то, что он возвратит им потерянное ими имущество»⁷¹. «Courrier de la Sambre» от 13 мая также высказал свое мнение по поводу кандидатуры принца Саксен-Кобургского: «Нам могут возразить еще, что наш монарх обязан принести присягу на верность конституции. Но ведь и Вильгельм клялся в том, что будет поддерживать основные законы; точно так же и Карл X принял присягу в том, что будет свято следовать указаниям хартии. И чем же оказались эти присяги? Словами короля... пухом! Поэтому нам кажется, что в интересах как либералов, так и католиков следует не допускать до трона такого человека, религия которого по существу своему враждебна принципам нашей революции, так как враждебна полной свободе, свободе для всех, без которой не может быть ни отечества, ни прочного благоденствия»⁷².

«Emancipation» в номере от 26 апреля снова возвращалась к вопросу о королевской кандидатуре в статье под заглавием «Логика фактов и логика фраз»: «В Бельгии дрались в сентябре, потом пошли дальше, и через пять недель страна была освобождена; наш враг, пораженный ужасом, только ждал появления элузников, чтобы очистить нам линию Мааса, левый берег Западной Шельды и правый берег Восточной Шельды. В ноябре дипломатия вмешалась в наши дела; наши переговоры велись при помощи вербальных нот; мы узнали цену бумажных протоколов; в наших родных палестинах появились доморощенные Талеяраны. Шассе занял Антверпенскую крепость, Диббет в Маастрихте заготавливал для войск съестные припасы: пруссаки заняли Люк-

⁷¹ Цит. по: Бергман Л. Указ. соч., с. 54.

⁷² Там же.

сембургскую крепость; голландцы оскорбляют наши аванпосты во Фландрии; трудности нашего положения все увеличиваются; интриги идут своим чередом; ход революции задержан, и мы увязли по уши в грязи благодаря как своей, так и иностранной дипломатии»⁷³.

Несмотря на агитацию католической прессы, Национальный конгресс 4 июня 1831 г. избрал Леопольда Саксен-Кобургского бельгийским королем большинством в 137 голосов против 48. В Лондон тотчас же была отправлена торжественная депутация из четырех членов брюссельского Национального конгресса. Леопольд принял бельгийских депутатов и объявил им, что, пока конгресс не примет «оснований отделения Бельгии от Голландии»⁷⁴ и пока не решены вопросы относительно бельгийских границ, торговли и финансов, он отказывается принять корону.

Как же отнестся к кандидатуре Леопольда нидерландский король? Он не протестовал против нее, а, наоборот, выразил готовность уступить свои права на Бельгию, скорее, этому принцу, чем отречься от них в пользу своего сына Вильгельма Оранского. Предложение принцу Леопольду бельгийской короны вызвало неудовольствие Николая I, возмущенного в свое время отказом Леопольда от греческой короны. Но здравый смысл подсказывал ему, что если сам нидерландский король доволен этим избранием, то России не подобает протестовать против него. Ливен и Матушевич получили в мае 1831 г. из Министерства иностранных дел соответствующие инструкции с предписанием согласиться с мнением нидерландского короля и решением Лондонской конференции, но не признавая формально принца Леопольда бельгийским королем.

Столь затяжное решение споров о кандидате на бельгийский престол послужило сюжетом одного из стихотворений Беранже «Съвет бельгийцам», написанного в 1830 г.

*К делу, бельгийцы! Довольно! Нельзя ли
Вновь на престол короля возвести?
Много мы гимнов свободе слышали,
И марсельеза у нас не в чести
За королями ходить недалеко —
Если не Жан, то сосед или я,—
Высидеть птенчика можно до срока.
Ставьте, бельгийцы, себе короля,
Да, короля, да, короля!*

⁷³ Бертран Л. Указ. соч., с. 55.

⁷⁴ АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 894, л. 93—98; Прил., с. 181—182.

*Мало ли с принцем сойдет благодати?
Пышный сначала дадут этикет.
Будет вам много и свеч, и распятый,
Лент, орденов и придворных карет.
После дослужитесь вы и до трона.
И в удивленье увидит земля,
Что увенчала кого-то корона.
Ставьте, бельгийцы, себе короля,
Да, короля, да, короля!*

*Будут приемы у вас и парады,
Будут балеты в бенгальских огнях,
Низкопоклонство и льстивые взгляды,
И комплименты на рабских устах.
Будут равны повелитель и нищий,
Всех донимает тщеславная тля,
Идола каждый по сердцу отыщет,
Ставьте, бельгийцы, себе короля,
Да, короля, да, короля!*

*Судьи, префекты, жандармы, шпионы
Сворой лакействовать ринутся к вам.
Вот уж солдаты идут, батальоны,
Всюду ракеты, и грохот, и гам.
Крепнет бюджет ваш. Афинам и Спарте
Стоили меньше родные поля.
Чудище жрет вас. Платите по карте.
Ставьте, бельгийцы, себе короля,
Да, короля, да, короля!*

*Что я? Как смел я? Гляжу, как в тумане...
Как мог забытья я, граждане, как?
Всех нас история учит заране:
Если король — это значит добряк.
Будет он править, не требуя платы,
Только доходы и земли деля,—
Карла Девятого сменит Десятый.
Ставьте, бельгийцы, себе короля,
Да, короля, да, короля!⁷⁵*

По предложению Пальмерстона Лондонская конференция установила для Бельгии и Голландии последний срок принятия ее постановлений — 1 июня. Если к этому сроку Бельгия не испол-

⁷⁵ Беранже П.-Ж. Соч. М., 1957, с. 353—354.

нит требований великих держав, то последние вынуждены будут считать себя в войне с ней.

Наступило 1 июня, но ни король нидерландский, ни бельгийцы не приняли предложенных Лондонской конференцией «оснований отделения». На заседании 4 июня брюссельский конгресс избрал принца Леопольда бельгийским королем, но не исполнил предварительно условий, поставленных Лондонской конференцией.

По донесению Гурьева Ливену из Гааги от 14(2) июня 1831 г. можно судить о напряженной обстановке в Гааге в этот период. Получив меморандум Лондонской конференции от 1 июня о признании ее постановлений, Гурьев решил поставить в известность министра иностранных дел Нидерландского королевства барона Верстольк де Сёлен о полученных инструкциях. Суть этих инструкций сводилась к следующему: «Необходимо поддержать короля на примирительной линии, на которой он находится, принимая основы разделения; предотвратить с его стороны всякие комбинации, враждебные естественному ходу и соответствующие его истинным интересам, которым он следовал до сих пор; помешать, наконец, чтобы он не предпринял агрессивные меры против бельгийцев, и в то же время оказать возможную и эффективную поддержку державам, если он будет атакован»⁷⁶. Таковы были рекомендации Лондонской конференции, переданные через барона Верстольк де Сёлен Вильгельму.

Через два дня министр иностранных дел Нидерландского королевства сообщил ответ короля. Вильгельм I заявил, что, если бельгийцы не примут «основ разделения», он будет действовать согласно его достоинству и интересам его народа⁷⁷. Таким образом, нидерландский король, несмотря на настоятельные рекомендации Лондонской конференции умерить воинственный пыл, продолжал упорствовать и угрожать бельгийцам военными мерами. События 2 августа 1831 г. полностью это подтвердили.

Положение Бельгии все еще оставалось неопределенным. Протокол Лондонской конференции от 20 января 1831 г. заключал важное для Европы постановление, что Бельгия будет нейтральным государством. Во второй части этого протокола (№ 11) говорилось следующее: «Полномочные представители единогласно полагают, что пять держав во имя общих своих интересов и взаимного своего согласия... должны дать торжественное свидетельство и бесспорное доказательство своего твердого намерения не ис-

кать в соглашении о Бельгии — как и вообще ни в каких других соглашениях — ни территориальных приращений, ни исключительного влияния и отдельных выгод, и решения даровать этой стране и всем государствам, ее окружающим, лучшие гарантии спокойствия и безопасности. Следуя этим началам, и в этих спасительных видах полномочные представители решили присоединить к предшествующим статьям еще следующие: ст. 5. Бельгия в тех границах, которые будут установлены и начертаны на основании ст. 1, 2 и 4 настоящего протокола, составит постоянно нейтральное государство. Пять держав гарантируют ей этот постоянный нейтралитет, а равно целостность и неприкосновенность ее территории в вышеуказанных границах. Ст. 6. В справедливую взаимность Бельгия будет обязана соблюдать этот нейтралитет по отношению ко всем остальным державам и не нарушать их внутреннего и внешнего спокойствия»⁷⁸. Согласно тому же протоколу от 20 января 1831 г., Люксембург, на который Бельгия предъявила притязания как на составную часть своей территории, должен был оставаться под властью нидерландского короля, которому присуждены были также Маастрихт и устье Шельды.

В соответствии с другим протоколом от 27 января 1831 г. государственный долг Нидерландского королевства подлежал разделению между Голландией и Бельгией, которая должна была принять на себя $\frac{16}{31}$ общей его суммы.

Провозглашение Лондонской конференцией «постоянного нейтралитета» Бельгии державы считали своим большим успехом. Франция, в частности, рассчитывала, что это приведет к ликвидации созданной в 1815 г. враждебной ей политической системы и барьера из 30 бельгийских крепостей, составлявших постоянную угрозу на ее северной границе. Но, с другой стороны, протокол № 11 лишал Францию права подчинять Бельгию, как «постоянно нейтральное» государство, своему влиянию.

Переговоры о принятии Бельгией выработанных конференцией решений зашли в тупик в момент выбора кандидата на бельгийский престол. Для Бельгии политически необходимо было, чтобы принц Леопольд принял предложенный ему престол (ведь конгресс уже проголосовал за монархию, поэтому только королевской властью могла быть довершена политическая организация страны, а другого кандидата не было). Для принца Леопольда чрезвычайно важно было вступить на престол только тогда, когда окончательно выяснится международное положение Бельгии. Его

⁷⁶ АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 9234, л. 99.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Цит. по: Нольде В. Э. Указ. соч., с. 144.

признание было обусловлено признанием Бельгии, а признание Бельгии — принятием ею 11-го январского протокола. Протест Национального конгресса против одиннадцатого протокола сделал бы это невозможным. Поэтому все усилия были направлены на изменение протокола: со стороны Бельгии потому, что таким путем ей гарантировали короля; со стороны принца Леопольда потому, что этим ему гарантировали Бельгию. К этому присоединились также и политические интересы европейских держав. Было потрачено столько сил и времени, чтобы найти «нейтрального» кандидата на бельгийский престол, что отказаться от достигнутого результата они не хотели.

Все эти факты привели к тому, что Лондонской конференцией был принят 26-й протокол от 26 июня 1831 г. В этом протоколе было решено «испробовать новые пути соглашения» по бельгийскому вопросу и предложить Бельгии и Голландии пересмотренный и видоизмененный текст статей, которыми должно было определяться международное положение Бельгии. Новый текст состоял из 18-ти статей и отличался от январских постановлений главным образом двумя пунктами, явившимися уступкой требованиям бельгийцев. Первый пункт касался границ нового государства; второй — носил более принципиальный характер: 18 статей были облечены в форму проекта договора Бельгии с другими державами, этим признавалось, что они могут стать обязательными лишь с ее согласия. Подобная форма должна была успокоить бельгийское общественное мнение. Она означала отказ Лондонской конференции от теории полновластной Европы, своей волей определявшей права и обязанности Бельгии, независимо от ее желания.

Согласно этим 18-ти пунктам государственный долг не должен был уплачиваться Бельгией в размере $\frac{1}{31}$, а был разделен на бельгийский государственный долг до 1815 г. и голландский долг до этого года. Каждое государство обязалось платить лишь свой долг. Только за время существования объединенного Нидерландского королевства долг считался общим, Бельгия и Голландия должны были его погашать в одинаковом размере. Участки земли, находившиеся в Бельгии, но принадлежавшие Голландии, подлежали по соглашению с бельгийским королем обмену на такие же бельгийские участки, находившиеся в Голландии. Между бельгийским королем, Германским союзом и Вильгельмом I должен быть выработан особый договор о Люксембурге, и до его принятия сохранялся status quo, часть Лимбурга оставалась за Голландией⁷⁹.

⁷⁹ АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 891, л. 108.

Эти условия, более выгодные для Бельгии, чем выработанные конференцией в январе, были приняты бельгийским правительством. Но в самой Бельгии началось брожение, бельгийцы с недовольством говорили о возможности каких-либо территориальных уступок Голландии, требовали удержания Люксембурга и во всем обвиняли «изменников» министров, предпочитавших немедленной войне гибель свободного отечества. Недовольство было так сильно, что в Льеже, Лувене и некоторых других городах готовились к нападению на Брюссель, чтобы покончить с «изменниками, продавшими Бельгию». Конгресс был завален петициями об отклонении «ненавистных и пагубных» 18-ти пунктов. Такое настроение в стране не могло не отразиться на работе конгресса, никто не решился приступить к обсуждению мирных условий, продиктованных Лондонской конференцией.

Наконец, 1 июля депутат Национального конгресса Ван Сник заявил: «Нередко спрашивают, кто из депутатов осмелился взять на себя моральную ответственность за принятие 18-ти пунктов. Я — этот депутат. И я думаю, что делаю доброе дело. Я внес соответствующее предложение и прошу господина председателя прочесть его». Предложение это гласило, что конгресс принимает предварительные условия мира в том виде, в каком они предлагаются Лондонской конференцией. В ответ на это с галереи раздался крик: «Да здравствует война! Министров на фонарь! Смерть изменникам!»⁸⁰.

2 июля речью депутата де Брукера началось обсуждение 18-ти пунктов. Шарль де Брукер критиковал сам принцип вмешательства Европы в бельгийские дела и отрицал за конгрессом право определять границы Бельгии. «Бельгия, — воскликнул Брукер, обращаясь к министрам, — существует раньше вас, раньше самого конгресса; народное восстание, природа, история, народная воля создали Бельгию, и вы не можете ее дробить по собственному усмотрению. Среди тех, кто послал вас сюда, есть ли хоть один человек, который дал вам мандат, чтобы продать его Голландии или обменять его на другой предмет?»⁸¹ Министры, в том числе министр иностранных дел Лебо, доказывали преимущества новых мирных условий по сравнению со старыми: Восточная Фландрия не участвовала в революции, и, если ее так отстаивают, это объясняется желанием пользоваться Шельдой. Но раз свобода навигации по Шельде будет гарантирована, можно отка-

⁸⁰ Discussions du Congrès National..., v. 3, p. 70.

⁸¹ Ibid., p. 387.

**«Кампания десяти дней».
Новый договор в 24-х статьях
от 15 октября 1831 г.**

Однако нидерландский король не только не принял договора 18-ти статей, но, напротив, ссылаясь на то, что Бельгия не приняла в указанный ей срок январского протокола, объявил, что перемирие окончено, и начал против нее военные действия.

Гурьев в очередном донесении из Гааги от 2 августа (21 июля) подробно описывает события этих дней: «Накануне король назначил принца Оранского генералиссимусом армии, и он уехал немедленно вечером в штаб-квартиру, расположенную в Бреде. Несколькими часами прошло с тех пор, как мы покинули барона Верстоляк де Селен, как вдруг мы узнали, что принц в то же время получил приказ его величества перейти границу во главе войск и атаковать бельгийцев. Мы вернулись тотчас, мои коллеги из Австрии, Пруссии и я, к министру, чтобы потребовать от него правдивых и искренних объяснений о причинах и цели этого враждебного демарша, в достоверности которого мы не могли больше сомневаться. Барон Верстоляк, притворившись несколько удивленным тем, что мы не поняли его первоначальных объяснений ... начал перед нами развивать мысль о жалобах короля на действия конференции с самого начала переговоров и на обстоятельства, которые сопровождали отъезд принца Леопольда из Лондона, его приезд в Брюссель и его выборы»⁸². Далее Гурьев пишет, что король вынужден был начать военные действия, так как якобы ему невозможно было физически и морально удерживать долго армию в бездействии. По словам Гурьева, Вильгельм повел военные действия с единственной целью добиться выполнения соглашения, заключенных пятью дворами и гарантируемых ими. Заканчивая свое донесение, Гурьев справедливо отмечал, что король рассчитывал на превосходство сил голландцев над силами бельгийцев и что эта атака, без сомнения, застанет Бельгию врасплох⁸³. Анализируя этот неожиданный демарш Вильгельма I, Гурьев высказывал мысль о том, что нидерландский король «льстит себя надеждой, что французское правительство оставит на произвол судьбы Бельгию под скипетром столь непопулярного во Франции принца Леопольда. В этом он надеется увидеть зерна

заться от увеличения территории Бельгии за счет Восточной Фландрии. Оппозиция слишком пессимистически смотрит на Лимбург, полагая, что им владеет Голландия. Уступая последней наши земельные участки в Гельдерне и Северном Брабанте, мы обеспечим за собой Лимбург. Что касается Люксембурга, то в новом трактате не говорится, что он принадлежит на правах личной собственности Оранскому и есть, следовательно, надежда тем или иным путем, например за известную плату, получить его обратно. Наконец, пункт о разделении долга очень выгоден для Бельгии, и было бы ошибкой, если бы не было проявлено готовности идти на уступки.

В течение целой недели велись горячие споры между сторонниками мира и приверженцами войны. Наконец, 9 июля большинством голосов (126 — за, 70 — против) Национальный конгресс одобрил мирные условия. 11 июля в Лондон прибыла депутация и объявила, что брюссельский Национальный конгресс принял 18 статей. Теперь принц Леопольд мог совершить свой въезд в Бельгию в качестве короля.

⁸² АВПр, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 9234, л. 120—121.

⁸³ Там же, л. 120—123.

зарождающихся разногласий внутри альянса, которые могут привести к всеобщей войне. предмет всех его мыслей»⁸⁴.

К Лондонской конференции с просьбой о помощи в связи с возобновлением Голландией военных действий обратился Ван де Вейер в депеше от 5 августа 1831 г., адресованной лорду Пальмерстону⁸⁵.

2 августа голландская армия под начальством принца Оранского снова вступила в Бельгию. Она насчитывала 36 тыс. человек, имела 72 пушки и была разделена на четыре корпуса, которыми командовали генерал-лейтенант Ван Гоен, герцог Саксен-Веймарский, Мейер и Корт-Эйлигерс.

В бельгийской армии было 57 тыс. солдат, которые делились на Маасскую армию под начальством Дэна (18 орудий) и Шельдскую армию (24 орудия) под начальством Тикен де Теров. Между этими двумя армиями (штаб-квартира первой была в Хасселте, другой — в Антверпене) находились огромные незащищенные пространства бельгийской территории. Принц Оранский направил свои силы против Шельдской армии, выслав сначала слабый отряд в 600 человек под начальством Корт-Эйлигерса. Дэн вместо того, чтобы действовать решительно и, разбив отряды Корт-Эйлигерса и Мейера, соединиться с Шельдской армией, бездействовал. Принц Оранский занял Диске, но 7 августа авангард Дэна дал сражение отряду Мейера и одержал победу. Несмотря на этот успех, Дэн, боясь быть окруженным, отступил к Асселю. Преследуемый голландскими войсками, он отступал в гаком беспорядке к Тангре и Льежу, что его бегство было истолковано как измена. Когда Дэн прибыл в Льеж, он имел еще 4 тыс. человек.

Между тем Шельдская армия, в которой находился король Леопольд, двигалась к Меербеку для соединения с Дэном. Но, узнав о поражении Дэна, Леопольд отступил к Лувену. 12 августа он был атакован принцем Оранским.

В это время лорд Руссель, представитель английского посланника, передал принцу Оранскому письмо, в котором сообщалось, что Франция и Англия желают прекращения военных действий. Принц хотел оставить это письмо без внимания, но английский посол Роберт Адер, лично прибывший на место действий, стал настаивать, чтобы принц Оранский остановил свое наступление и пощадил Лувен. Принц согласился на перемирие при условии, что бельгийцы оставят Лувен и сдадут его голландцам. Пока шли

⁸⁴ АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 9234, л. 123.

⁸⁵ Там же, д. 894, л. 119–120.

переговоры между английским посланником и принцем Оранским, герцог Саксен-Веймарский обошел армию Леопольда и 11 августа вышел на дорогу, которая вела от Лувена на Брюссель. Бельгийский король был окружен, когда генерал Бельяр явился к герцогу Саксен-Веймарскому и от имени Франции потребовал прекращения военных действий. Герцог ответил, что он явился не для переговоров, а для того, чтобы драться. Шельдская армия последовала примеру Маасской армии.

Бельгийское правительство в этих условиях вынуждено было обратиться к Франции, обещавшей Бельгии помощь и защиту. Глава французского правительства Казимир Перье по первому же призыву Леопольда стал действовать на свой страх и риск. По его распоряжению 50 тыс. французских солдат вступили в Бельгию под начальством маршала Жерара, который 12 августа занял Брюссель. При таких обстоятельствах голландцы вынуждены были уступить, они даже не пытались бороться и 20 августа, не сделав ни одного выстрела, поспешно отступили на свою территорию. За исключением Антверпена, которого они никогда не теряли, в их руках не оставалось более ни одного пункта бельгийской территории. Так закончилась «кампания десяти дней».

Большой интерес в связи с происходившими событиями представляет послание жителей Гента от 7 августа 1831 г. «Французы в Бельгии», найденное нами среди документов Архива внешней политики России. В этом послании сквозит явно недовольство работой Лондонской конференции, договором в 18-ти статьях, «которые были приняты с покорностью большинством бельгийской нации»⁸⁶. По поводу французского вторжения в этом письме говорится: «Франции слишком выгодно к нам вторгнуться: случай уникальный — это мы кидаемся в ее объятия... Французы придут к нам как посредники, здесь они останутся хозяевами ... Франция вновь бросила перчатку: она вынуждена воевать. Победив, она нас проглотит; если она проиграет, Нидерландское королевство снова образуется, и мы вернемся после бесконечных злоключений, после опустошительной войны к голландцам...». Далее авторы письма пишут: «Несомненно, что оккупация Бельгии французской армией вызовет недовольство Пруссии, Австрии, германской федерации и России... Эти державы кончат, вероятно, войной. Но воздержимся от гипотез и догадок и представим нашим читателям возможные результаты французского вторжения. Фран-

⁸⁶ Там же, д. 9234, л. 110–115.

кузы, простые исполнители приказов конференции, войдут в Бельгию без препятствий со стороны других держав и расположатся перед лицом голландцев и принудят их вернуться к границам, записанным в протоколах. Но эти протоколы следует сообразовать с отдачей Люксембурга, Венлоо, части Лимбурга; новое перемирие, которое будет заключено, заведет переговоры в тупик: армия будет распущена, форты будут оккупированы, администрация будет действовать только под влиянием французов, они займут все должности, они будут повсюду насаждать систему их правительства»⁸⁷. Однако вопреки этому мнению жителей Гента обстановка сложилась иначе.

Смелое решение Казимира Перье вызвало явное неудовольствие со стороны северных держав и Англии. Французское правительство должно было объяснить конференции, что оно не имело времени посоветоваться с ней относительно Бельгии, так как вынуждено было действовать в крайней спешке. Французское правительство заявило также, что Жерар и его отряд будут отозваны из Бельгии; и, действительно, очень скоро это было исполнено.

Английское правительство продолжало проявлять недовольство по поводу позиции Франции в бельгийско-голландском конфликте. Пальмерстон стал высказывать меньше сочувствия к стремлениям бельгийцев, чем за несколько недель до этого, и под предлогом, что нидерландский король никогда не согласится приять договор в 18-ти статьях, вскоре предложил конференции изменить свое решение. Представители Австрии, Пруссии и России, довольные возможностью причинить неприятность Франции, поддержали английское правительство в его намерениях.

Теперь Лондонская конференция выработала новое соглашение, гораздо менее выгодное для Бельгии, чем предыдущее. Этот проект договора, называемый проектом 24-х статей, предоставлял Бельгии только часть Люксембурга и оставлял столицу этого государства в руках нидерландского короля. Вильгельм I в награду за то, что отказывался от этой провинции, получал значительную часть Лимбурга; кроме того, он удерживал за собой Маастрихт, Венлоо и левый берег Шельды. Сообщая о своем решении брюссельскому двору, конференция указала: 1) новые статьи будут иметь силу и значение формального соглашения между бельгийским правительством и пятью великими державами; 2) эти державы гарантируют их исполнение; 3) после принятия их обеими сторонами они дословно войдут в договор, который будет

заключен непосредственно между Бельгией и Голландией; 4) этот договор точно так же будет гарантирован великими державами; 5) статьи, о которых идет речь, образуют одно целое и не допускают разделения — они представляют собой соглашение, не подлежащее изменению; на основании его державы решили принудить обе воюющие стороны прийти к примирению; державы обязуются добиться согласия Голландии, даже если бы она стала сопротивляться, и они употребят все средства, находящиеся в их распоряжении, для того чтобы предупредить возобновление враждебных действий между Леопольдом и Вильгельмом.

Новый договор вводил также в пользу Голландии налог на судоходство по Шельде и устанавливал в 84 млн. флоринов ренты долю Бельгии в долговых обязательствах.

Брюссельский Национальный конгресс с большим неудовольствием встретил новый договор, но обстоятельства не позволяли отвергнуть его. Англия представила его как своего рода ультиматум. В конце концов конгресс подчинился решению конференции, и 15 ноября ее представитель в Лондоне Ван де Вейер подписал договор, в силу которого пять великих держав в награду за согласие бельгийского правительства гарантировали ему исполнение 24-х статей и заверили его в своем дружественном расположении к королю Леопольду. Но Вильгельм I отказался подписать и этот договор в 24-х статьях.

Так как голландцы продолжали занимать Антверпенскую крепость, Бельгия вновь прибегла к иностранной помощи. Английский флот блокировал голландские берега, а французский маршал Жерар принудил голландский гарнизон капитулировать, хотя и с военными почестями. Только через шесть лет голландский король принял «договор 24-х статей», но измененный таким образом, что годовой платеж Бельгии по долгу был доведен до 5 млн. флоринов. Выкуп налога на Шельду Бельгия смогла осуществить только в 1863 г.

Таким образом, долгие дипломатические переговоры в Лондоне дали Бельгии независимое существование, а договоры, принятые конференцией, обеспечили ей вечный нейтралитет, оказавшийся, однако, как это показали события XX в., далеко не «вечным».

⁸⁷ АВНР, ф. Канцелярия МПД, оп. 469, д. 9175, л. 2.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идея создания независимого бельгийского государства возникла еще в XV в., в эпоху бургундских герцогов, которые мечтали о восстановлении от Дижона до Северного моря древнего Лотарингского королевства, достаточно сильного, чтобы служить государством-буфером между Францией и Германией. Этот смелый план почти что удался. Но в тот самый момент, когда он был ближе всего к осуществлению, герцог Карл Смелый был убит при осаде Нанси.

Спустя три века, вырвавшись в 1789 г. из-под власти австрийского императора, Бельгия была оккупирована французскими войсками, а затем и присоединена к Франции. Последними из иноземцев, распоряжавшихся на многострадальной земле Бельгии, были голландцы.

Только в ходе революции 1830 г. бельгийцы наконец получили независимость, к которой стремились так долго.

Бельгийская революция совершилась в эпоху, которую В. И. Ленин называл эпохой «подъема буржуазии, ее полной победы». По словам В. И. Ленина, то была «восходящая линия буржуазии, эпоха буржуазно-демократических движений вообще, буржуазно-национальных в частности, эпоха быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений»¹.

По своему объективному содержанию революция 1830 г. в Бельгии была буржуазной, и задачей ее оставалось завершить тот процесс ломки феодальных отношений, начало которому было положено еще в годы Великой французской революции, когда Бельгия

входила в состав Франции. В 20-е годы XIX в. в бельгийских провинциях происходили экономические, социальные и политические сдвиги, знаменовавшие переход от мануфактурной стадии капитализма к фабричной системе капиталистического производства, опирающегося на машинную технику. Внедрение в производство машин и новой промышленной технологии неизбежно влекло за собой обнищание трудящихся, разорение мелких собственников (ремесленников и торговцев) и вместе с тем обогащение (за счет высоких прибылей) крупной бельгийской буржуазии. Бельгийские промышленники нуждались в покровительственных тарифах. Голландцы же, занимавшиеся преимущественно торговлей со своими обширными колониями, требовали от правительства свободы торговли. Экономическая политика голландского правительства проводилась исключительно в интересах голландцев и в ущерб бельгийцам. В политическом отношении бельгийская буржуазия также оказалась бесправной: почти все важные государственные посты занимали голландцы. Основной закон королевства (или конституция), отвергнутый большинством бельгийских нотаблей в августе 1815 г., был насильно навязан бельгийцам. Ряд законов голландского правительства, принятых незадолго до революции, вызвал широкое недовольство всех слоев бельгийского населения. И хотя позднее правительство Вильгельма I пыталось ослабить рост буржуазной оппозиции путем введения в бельгийских провинциях протекционистских законов, позволявших бельгийским промышленникам осваивать в качестве рынков сбыта голландские колонии, недовольство в стране усиливалось.

Особенно тяжелым в предреволюционные годы было положение трудящихся. В бельгийских провинциях, особенно в тех, где были сосредоточены большие массы рабочих, почти каждый четвертый и пятый житель был паупером. Введенная голландским правительством новая налоговая система тяжело сказалась на положении бельгийского крестьянства. Бельгийские крестьяне постоянно бунтовали против налогов на домашний скот, пиво, можжевеловый и, особенно, против несправедливых налогов на убой скота и на помол.

Положение крестьянства резко ухудшилось в 1817 г. в связи с неурожаем и картофельной болезнью. Голодные картофельные бунты прокатились тогда по всем сельскохозяйственным районам бельгийских провинций.

Характерной особенностью бельгийской революции было то, что, помимо устранения феодальных пережитков в экономической,

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 143.

социальной и политической жизни страны, в ходе ее решался важнейший вопрос — о национальной независимости.

Важно подчеркнуть, что по мере того, как в революционное движение втягивались все более широкие слои трудящихся: рабочих, ремесленников, крестьян, представителей средней и мелкой буржуазии, — ими все настойчивее выдвигалось требование полной политической независимости. Именно под давлением трудящихся в рядах буржуазии произошел раскол. Представители левого крыла Комиссии безопасности, созданной в дни революции, отделились и поддержали требование независимости Бельгии. Другая ее часть оставалась верна старому режиму и опиралась на крупную буржуазию.

Гегемоном бельгийской революции была буржуазия. В. И. Ленин называл буржуазию главным классом, который тогда «шел по поднимающейся вверх линии и который один только мог выступить с подавляющей силой против феодально-абсолютистских учреждений»². В ту эпоху в разных странах «представляемая различными слоями *имущих* товаропроизводителей, эта буржуазия была в различной степени прогрессивна, а иногда... даже революционна, но общей чертой эпохи была именно прогрессивность буржуазии, *то есть* нерешенность, незаконченность ее борьбы с феодализмом»³.

В дни революции 1830 г. отдельные слои бельгийской буржуазии вели себя по-разному. Мелкая и средняя буржуазия, примкнув к трудящимся массам, сражалась на баррикадах против войск голландского короля. Крупные же буржуа, нотабли и многие офицеры буржуазной гвардии и некоторые члены Комиссии безопасности бежали во Францию, оставив Брюссель на произвол судьбы в самую решительную минуту — в дни сражения 23—26 сентября, в ходе которого, по существу, решалась судьба революции. Во время этого сражения вместо распущенной Комиссии безопасности было сформировано Временное правительство, в которое вошли представители демократически настроенной буржуазии.

Анализ изученных источников, прессы, мемуаров, архивных материалов, относящихся к тому времени, показывает, что решающую роль в бельгийской революции играли беднейшие слои населения: рабочие, ремесленники, крестьяне, — и это была вторая

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 144.

³ Там же.

характерная особенность бельгийской революции. Но рабочий класс не имел еще своей политической организации, массовое пролетарское движение только зарождалось. Демократические элементы, возглавлявшиеся Луи де Поттером, не сумели противопоставить свою линию линии крупной буржуазии. Плодами победы революции воспользовалась буржуазия, захватившая власть в свои руки.

Голландский король, убедившись, что он неспособен подавить революцию собственными силами, обратился за военной помощью к четырем великим державам Европы — Англии, России, Австрии и Пруссии. Николай I быстро откликнулся на этот призыв, пообещав усмирить непокорных бельгийцев. Русский император был уверен, что его союзники Австрия и Пруссия также поддержат план вооруженной интервенции в Бельгию. Однако Франция и Англия дали ясно понять, что не допустят вооруженного вмешательства в бельгийские дела. Внутреннее положение России к этому времени было тяжелым. А начавшееся восстание в Польше окончательно расстроило планы Николая I.

Бельгийско-голландский конфликт решено было уладить с помощью конференции европейских держав — Англии, Франции, России, Австрии и Пруссии. Изученные документы АВПР убеждают в том, что во время работы этой конференции наместилось дальнейшее углубление противоречий между главными европейскими странами. Франция поддерживала на Лондонской конференции выход Бельгии из Нидерландского королевства, желая усилить в ней свое влияние и разрушить барьер на своих северных границах, созданный трактатами 1815 г. Австрия, Пруссия и Россия, видевшие в отделении Бельгии от Голландии невыгодные для них изменения в сложившейся системе международных отношений, настаивали на возвращении Бельгии под власть голландского короля. Английская же дипломатия, стремившаяся ухудшить франко-русские отношения и заинтересованная в укреплении своего влияния в бельгийских провинциях и ослаблении голландской торговой конкуренции, выступила на Лондонской конференции за образование самостоятельного бельгийского государства. В конце концов после долгих дипломатических переговоров участники конференции признали независимость Бельгии.

Бельгийская революция 1830 г. расчистила путь развитию капиталистических отношений в стране. Уже к середине XIX в. Бельгия заняла одно из первых мест среди промышленно развитых стран Европы. Бельгию середины прошлого столетия по праву называли «маленькой мастерской Европы».

Революция 1830 г. и завоевание независимости оказали огромное воздействие на развитие бельгийской культуры. «Революция... дав Бельгии независимость, сразу же высвободила духовную энергию», — писал Ари Пиренн⁴. Эмиль Верхарн само понятие «бельгиец» связывал с 1830 г. Важнейшее событие в жизни Бельгии — завоевание независимости — отразилось в литературе, на первых порах — в распространении патриотического призыва к созданию произведений, посвященных жизни бельгийского народа. Зарождается общественно-литературное движение в целях создания национальной бельгийской культуры. Один из ведущих журналов писал в ту пору: «Памятник, который освещает и увековечивает национальность, — это литература». В последующие годы были написаны проникнутые романтическим пафосом и идеями национально-освободительного движения произведения Ш. де Костера и Х. Консианса, которые вошли в сокровищницу мировой литературы.

В 1980 г. бельгийцы будут праздновать 150-летнюю годовщину революции. В преддверии этой знаменательной даты, оценивая значение бельгийской революции 1830 г., можно с уверенностью сказать, что освобождение Бельгии от голландского гнета, создание в результате революции независимого национального бельгийского государства были большим шагом вперед в развитии страны, одним из тех событий европейской истории, которые знаменовали окончательное крушение реакционной системы Священного союза.

---

⁴ *Pirenne H. Histoire de Belgique. Bruxelles, 1932, v. 7, p. 253.*

БИБЛИОГРАФИЯ

Труды классиков марксизма-ленинизма

- Маркс К.* Дебаты о свободе печати.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 42.
Маркс К. Лорд Пальмерстон. Статья третья.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 384.
Маркс К. Лорд Пальмерстон. Статья четвертая.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 9, с. 387.
Маркс К. Состояние британской торговли.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 12, с. 513—514.
Маркс К. Капитал, т. I.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 684, 685.
Энгельс Ф. Положение в Германии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2.
Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2.
Энгельс Ф. По и Рейн.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 13, с. 267, 269, 272—273, 277, 278, 279, 280.
Энгельс Ф. Какое дело рабочему классу до Польши?— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 16, с. 161.
Энгельс Ф. Заметки о войне.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 118.
Энгельс Ф. Укрепление столицы.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 17, с. 178.
Энгельс Ф. Роль насилия в истории.— Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 452, 462.
Ленин В. И. Развитие капитализма в России.— Полн. собр. соч., т. 3, с. 155.

Архивные материалы

- Архив внешней политики России (АВПР), ф. Канцелярия МИД, оп. 169, д. 42, 43, 49, 1386, 883, 885, 887, 890, 894, 9174, 9176, 9234.
 Донесения царского посла Н. Д. Гурьева министру иностранных дел России К. Нессельроде (д. 42, 885, 890, 9234).
 Дешети министерства иностранных дел русскому посланнику в Нидерландах Н. Д. Гурьеву (д. 42, л. 345—349).
 Переписка Н. Д. Гурьева с представителями России на Лондонской конференции Х. Ливеном и А. Матушевичем (д. 9234).
 Переписка секретаря русского посольства в Гааге кн. Ф. Голицына с Ливеном (д. 43).
 Переписка русского посланника во Франции Поццо ди Борго с А. Матушевичем (т. 9174, 9176).
 Переписка А. Матушевича с К. Нессельроде (д. 1386).
 Дипломатические документы периода Лондонской конференции: Les bases principales de la séparation (д. 894, л. 93—98).

- Послание Временного правительства (д. 9234, л. 14).
 Нота де Фалька и Золена полномочным представителям пяти дворов от 22 июня 1831 г. (д. 894, л. 161).
 Нота о границах от 6 января 1831 г. (д. 894, л. 82).
 Меморандум Лондонской конференции от 28 января 1831 г. (д. 894, л. 108).
 Протокол № 43 Лондонской конференции от 24 сентября 1831 г. (д. 894, л. 129).
 Заметки, составленные комитетом внешних сношений по вопросу о голландской Фландрии (д. 894, л. 2).
 Постановление Временного правительства Бельгии от 20 ноября 1830 г. (д. 894, с. 12).
 Постановление Национального конгресса от 4 февр. 1831 г. (д. 894, л. 68).
 Проект мирного договора между Бельгией и Голландией (д. 894, л. 139).
 ЦГАЛИ, фонд Вяземских (ф. 195, оп. 1, л. 5083).
 ЦГИА (Ленинград), ф. 1281, оп. 11, д. 5, 28, 44, 47, 546, 60, 70а, 144, 148, 189; ф. 1280, оп. 5, д. 764.
 ИРЛИ (Пушкинский дом), ф. 250, оп. 1, д. 140, ф. 265, оп. 2, д. 2138.

Мемуары

- Bartels A.* Les Flandres et la révolution belge. Bruxelles, 1834.
Gerlach P. de. Gerlach et la fondation de la Belgique indépendante. Bruxelles — Paris, 1931.
De Ligne. Souvenirs. 1830—1856. Bruxelles, 1930.
 Mémoires du prince de Talleyrand. Paris, 1891, v. 1—4.
Nothomb J.-B. Essai historique et politique sur la révolution belge. Bruxelles, 1833.
Potter L. de. Souvenirs personnels. Bruxelles, 1839, v. 1—2.
Rodenbach C. Episodes de la révolution dans les Flandres 1829, 1830, 1831. Bruxelles, 1833.
Van Halen J. Les quatre journées de Bruxelles. Bruxelles — Melin, 1831.
Wargny. Esquisses historiques de la révolution de la Belgique en 1830. Bruxelles, 1830.
Талейран М. Мемуары. М., 1959.

Публикации документов

- Evénements de Bruxelles du 25 août 1830 et jours suivants. (Les affiches et proclamation). Bruxelles, 1830.
 Evénements de Bruxelles et des autres villes du Royaume des Pays-Bas. Paris, 1830.
 Belgique. Constitution 1831. Bruxelles, 1831.
 La Belgique en 1830, ou documents pour servir à l'histoire de son insurrection. Paris, 1831, v. 1—2.
 Protocoles of Conference in London relative to the Affairs of Belgium. London, 1832—1833.
 Recueil de pièces diplomatiques relatives aux affaires de la Hollande et de la Belgique en 1830 et 1831. La Haye, 1831—1833, v. 1—3.
 Discussions du Congrès National de Belgique (1830—1831). Bruxelles, 1844—1845, v. 1—5.
 Belgique. Lois, ordonnans. Bruxelles, 1858.

- Oppelt G.* Histoire générale et chronologique de la Belgique de 1830 à 1860. Bruxelles, 1861.
- Colenbrander H. T.* Gedenkstukken der Algemeene Geschiedenis van Nederland. D. III. 1830—1840. Hage, 1920.
- Terlinden Ch.* La Révolution de 1830. Racontée par les affiches. Bruxelles, 1954.
- Documents relatifs au status international de la Belgique depuis 1830. Bruxelles, 1964.
- Мартенс Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1895, т. 11.
- Документы из архива кн. А. И. Чернышева.— Сборник РИО, т. 122. СПб., 1905.
- Бельгийская конституция 7 февраля 1831 г. Ростов н/Д., 1905.
- Красный архив, 1941, № 1. с. 209—235.

Пресса

- Courrier des Pays-Bas*, 1828—1830 (АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 43, 885, 887, 890).
- Gazette des Pays-Bas*, 1827—1829 (АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 43, 887, 890).
- Courrier de la Meuse*, 1829—1830 (АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 890).
- Catholique des Pays-Bas*, 1830 (АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 42).
- Journal de Bruxelles*, 1825—1827 (АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 869, 883, 885).
- Belge*, 1826 (АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 883).
- Journal de la Haye*, 1830—1831 (АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 138, 9234).
- Journal d'Anvers et de la province*, 1830 (АВПР, ф. Канцелярия МИД, оп. 469, д. 885).
- Journal des débats*, Paris, 1830—1831.
- Gazette des Tribunaux*, Paris, 1831.
- L'Emancipation*, Paris, 1830—1831.
- Московские ведомости, 1830—1831.
- Московский телеграф, 1830—1831.
- Русская старина, СПб., 1882. т. 34; 1885. т. 37; 1886. т. 38; 1887. т. 39; 1903 № 114—116.
- Санкт-Петербургские ведомости, 1830—1831.
- Телескоп, 1830—1831.

Литература

- Бирман Л.* История демократии и социализма в Бельгии с 1830 г. М., 1907.
- Вандервельде Э.* Город и деревня в Бельгии. СПб., 1900.
- Вандервельде Э.* Социалистические этюды. СПб., 1906.
- Веселовская М.* Бельгийская революция 1830 г. М., б. 1.
- Гальперин С.* Бельгия. М.—Л., 1925.
- Гюго В.* Дневник революционера 1830 г. Мысли и взгляды.— Собр. соч. В 15-ти т. М., 1956, т. 14.
- Гюисман К.* К чему приводит владычество буржуазии? СПб., 1907.
- Гюисман К.* 75 лет буржуазного господства. 1830—1905. М., 1906.
- Дебидур А.* Политическая история XIX в. СПб., 1903.
- Дебидур А.* Дипломатическая история Европы от Венского до Берлинского конгресса (1814—1878). М., 1947.

- Дестрэ Ж., Вандервельде Э.* Социализм в Бельгии. СПб., 1906.
- Добб М.* Очерк истории Европы. Харьков, 1929.
- Изар И.* Современная Бельгия. Очерки материального прогресса. Пг., 1915.
- История дипломатии. М., 1959, т. 1.
- Капустин М.* Политические очерки Бельгии. М., 1958.
- Кареев Н.* История Западной Европы в средние десятилетия XIX в. (1830—1867). Пг., 1916.
- Каутский К.* Бельгия. М., 1919.
- Ковалик М.* Бельгия [Пг.], [1918].
- Куприянова Л.* Современная Бельгия в связи с ее историческим развитием. СПб., 1898.
- Лемке М. К.* Николаевские жандармы и литература 1826—1856. СПб., 1909.
- Лозинский С. Г.* История Бельгии и Голландии в новое время. СПб., 1907.
- Манту П.* Промышленная революция XVIII столетия в Англии. М.—Л., 1925.
- Мендельсон Л.* Экономические кризисы и циклы XIX в. М., 1949.
- Меч С. П.* Бельгия и Голландия. М., 1912.
- Мировые экономические кризисы. 1848—1935 гг. М., 1937, т. 1—3.
- Молок А. И.* Царская Россия и июльская революция 1830 г.— Литературное наследство. М., 1937.
- Молок А. И., Потемкин Ф. В.* Европа в 1794—1847 гг.
- Нарочницкий А. Л.* Международные отношения европейских государств от Июльской революции во Франции до Парижского мира. ВПШ, 1944—1945.
- Нольде В. Э.* Постоянно нейтральное государство. СПб., 1905.
- Орлик О. В.* Россия и Французская революция 1830 г. М., 1968.
- Орлик О. В.* Передовая Россия и революционная Франция. М., 1973.
- Пантелеева С. В.* Нидерланды и Бельгия. Очерки старого и нового. СПб., 1905.
- Пиренн А.* Нидерландская революция. М., 1937.
- Потемкин Ф. В.* Июльская революция во Франции. (1830—1848). М., 1949.
- Потемкин Ф. В.* Промышленная революция во Франции. М., 1971, т. 1—2.
- Савицкий П. И.* Развитие бельгийской конституции 1831 г. Свердловск, 1968.
- Стеклов Ю. М.* Бельгия. Социально-политический очерк. СПб., 1904.
- Струев Г.* Русский европеец. Материалы для биографии и характеристики кн. Козловского П. Б. Сан-Франциско, 1950.
- Тарасова В. М. Н. И.* Тургенев в Западной Европе в 30—50 годах XIX в. и его общественно-политические связи.— Учен. зап. Марийск. пед. ин-та им. Н. К. Крупской, Йошкар-Ола, 1966, т. 28.
- Таглицев С. С.* Император Николай и иностранные дворы. СПб., 1889.
- Фланден Э.* Политические учреждения современной Европы. СПб., 1906.
- Чистозвонов А. Н.* Гентское восстание 1539—1540 гг. М., 1957.
- Чистозвонов А. Н.* Нидерландская буржуазная революция XVI в. М., 1958.
- Шильдер Н. К.* Император Николай I. СПб., 1903—1904, т. 1—2.
- Шлеппнер Б.* Сто лет социальной истории Бельгии. М., 1959.
- Ballot Ch.* L'introduction du machinisme dans l'industrie française. Paris-Lille, 1923.
- Blanc L.* Histoire de dix ans. 1830—1840. Paris, 1842—1843, v. 1—4.
- Bécourt Ch. de.* La Belgique et la révolution de juillet. Paris, 1835.
- La Belgique et la prince de Metternich. Bruxelles, 1932.
- La Belgique et les belges. Paris, (191—).
- Bertrand L.* L'ouvrier belge depuis un siècle. Bruxelles, 1924.

- Bologne M.* L'insurrection prolétarienne de 1830 en Belgique. Bruxelles, 1929.
- Bronne C.* Léopold Ier et son temps. Bruxelles, 1947.
- Bronne C.* Histoire de Belgique. Plon, 1967.
- 50 ans de Liberté. Bruxelles, 1881—1882, v. 1—3.
- Bruyssel E. van.* Histoire du commerce et de la marine en Belgique. Bruxelles, 1861—1864, v. 1—3.
- Caulier-Mathy N.* La modernisation des charbonnages liegeois pendant la premier moitié du XIX siècle. Technique d'exploitation. Paris, 1971.
- Chlepnier B. S.* L'étranger dans l'histoire économique de la Belgique. Bruxelles, 1932.
- Clavier C.* Histoire des impôts en Belgique. Hasselt, 1912.
- Cohen G.* Les partis politiques en Belgique. Paris, 1899.
- Cudell G.* Histoire du mouvement ouvrier belge. Bruxelles, 1960.
- Dauby J.* Les classes ouvrières et paysannes en Belgique. Bruxelles, 1860.
- Dary T.* Petit manuel du citoyen belge. Bruxelles, 1873.
- Dechesne L.* Histoire économique et sociale de la Belgique depuis les origines jusqu'en 1914. Paris — Liège, 1932.
- Delsinne L.* Le mouvement syndical en Belgique. Bruxelles, 1936.
- Demoulin R.* Guillaume Ier et la transformation économique des provinces belges (1815—1830). Paris, 1938.
- Demoulin R.* La révolution de 1830. Bruxelles, 1950.
- Deschamps H.-Th.* La Belgique devant la France de Juillet. Paris, 1956.
- Discailles E.* Charles Rogier (1800—1885) d'après des documents inédits. Bruxelles, 1892—1895, v. 1—4.
- Dorchy H.* Histoire des Belges. Des origines à 1968. Bruxelles, 1968.
- Ducpetiaux E.* De la condition physique et morale des jeunes ouvriers et des moyens de l'améliorer. Bruxelles, 1843, v. 1—2.
- Ducpetiaux E.* Le paupérisme en Belgique. Bruxelles, 1844.
- Ducpetiaux E.* Mémoire sur le paupérisme dans les Flandres. Bruxelles, 1850.
- Dumont G.* Histoire des belges. Bruxelles, 1954, 1956, v. 1—2.
- Dumortier B.-Ch.* La Belgique et les 24 articles. Bruxelles, 1838.
- Eenens A.-M.* Les conspirations militaires de 1831. Bruxelles, 1875, v. 1—2.
- Franke W. von.* Luxembourg und die belgische Revolution. Bonn, 1932.
- Galante Garrone A.* Filippo Buonarroti e i rivoluzionari dell'ottocento. Torino, 1951.
- Gaisou J.* Alexandre Gendebien, sa vie, ses mémoires. Bruxelles, 1931.
- Gaisou J.* Le général Beillard, premier ministre de France en Belgique, 1831—1832. Paris — Bruxelles, 1936.
- Gemelli C.* Histoire de la révolution belge de 1830. Bruxelles, 1860.
- Gerard J.* La vie quotidienne au temps de Léopold Ier. Bruxelles, 1965.
- Geiard P.* Essai sur la question des rapports du gouvernement belge avec la Société générale pour favoriser l'industrie par un membre de la représentation nationale. Bruxelles, 1835.
- Gibson H.* Belgium. New York, 1939.
- Hasselt M.* Belgique et Hollande. Paris, 1844.
- Henderson W. O.* Britain and Industrial Europe. 1750—1870. Liverpool, 1954.
- Heuschling X.* Essai sur la statistique générale de la Belgique. Bruxelles, 1841.
- Histoire de la Belgique contemporaine. 1830—1914. Bruxelles, 1928—1929, v. 1—2.
- Hugo V.* France et Belgique. Paris, 1955.
- Hugo V.* La Belgique selon Victor Hugo. Liège, 1968.
- Huybrecht P.-A.* Histoire politique et militaire de la Belgique (1830—1834). Bruxelles — Paris, 1856.
- Hymans L.* L'église et les libertés belges. Bruxelles — Leipzig, 1858.
- Hymans L.* Histoire parlementaire de la Belgique. Bruxelles, 1880.
- Jacquemyns G.* Histoire de la crise économique des Flandres (1845—1850). Bruxelles, 1929.
- Juste Th.* Histoire de Belgique. Bruxelles, s.a., v. 1—2.
- Juste Th.* Les frontières de la Belgique. Bruxelles, 1866.
- Juste Th.* Léopold Ier roi des belges. Bruxelles — Leipzig, 1868.
- Kalken F.* La Belgique contemporaine (1780—1930). Paris, 1930.
- Knyppers J.* Les égalitaires en Belgique. Bruxelles, 1960.
- Lannoy F.* Histoire diplomatique de l'indépendance belge (1830—1839). Bruxelles, 1948.
- Lebrun P.* L'industrie de la laine à Verviers pendant le XVIII et le début du XIX siècle. Liège, 1948.
- Leleux F.* A l'aube du capitalisme et de la révolution industrielle. Lievin Bauwens industriel gantois. Paris, 1969.
- Lemoine R.* Les étrangers et la formation du capitalisme en Belgique. Paris, 1933.
- Leutre Ch.* Histoire de la révolution belge de 1830. Bruxelles, s.a., v. 1—3.
- Lewinski J. St.* L'évolution industrielle de la Belgique. Bruxelles — Leipzig, 1911.
- Lichtervelde L.* Le Congrès national. L'oeuvre et les hommes. Bruxelles, 1945.
- Martinet A.* Léopold Ier et l'intervention française en 1831. Bruxelles, 1905.
- Massart Ch.* La Belgique socialiste et communiste. Paris, 1922.
- Meeus A. de.* Histoire de Belgique. Paris, 1928.
- Misson A.* Le mouvement syndical. Son histoire en Belgique de 1800 à 1914. Namur, 1921.
- Mofre H.* Histoire de la Belgique. Gand, 1843.
- Moke H. G.* Histoire de la Belgique. Gand, 1843.
- Périer F. de.* La neutralité de la Belgique. Paris, 1921.
- Pirenne H.* Histoire de Belgique. Bruxelles, 1926, v. 6, 1932, v. 7.
- Ponssin G.* La Belgique et les belges depuis 1830. Paris, 1845.
- Pouillet E.* Histoire politique interne de la Belgique. Louvain, 1879.
- Révolution Belge de 1830. Bruxelles, 1925.
- La Révolution de 1830 à Tournai et la presse. Par Octave Leduc. Tournai, 1905.
- Rubbens E.* Edouard Ducpetiaux (1804—1868). Bruxelles, 1922.
- Ruzette J. J.-B.* Nothomb. Bruxelles, 1946.
- Schmitz J.* Guillaume Ier et la Belgique. Bruxelles, 1945.
- Simon A.* Le parti catholique belge (1830—1945). Bruxelles (1958).
- Thibaut W.* Les républicains belges (1787—1917). Bruxelles, 1961.
- Thonissen J.* La Belgique sous le règne de Léopold Ier. Liège, 1855, v. 1—2.
- Thonissen J.* La neutralité belge dans le système européen. Bruxelles, 1873.
- Vandenpeereboom E.* Du gouvernement représentatif en Belgique (1831—1848). Bruxelles, 1856, v. 1—2.
- Vercamer Ch.* L'histoire du peuple belge et de ses institutions depuis les temps les plus reculés jusqu'en 1880 racontée à la jeunesse. Bruxelles, 1880.
- Verhaegen P.* La Belgique sous la domination française 1792—1814. Bruxelles — Paris, s.d., v. 1—2.
- Vermiers L.* Un millénaire d'histoire de Bruxelles depuis les origines jusqu'en 1830. Bruxelles, 1965.
- Vliebergh E.* La population agricole de la Hesbaye au XIX siècle. Bruxelles, 1909.
- Wahren D.* Gründe der belgischen Revolution im Jahre 1830. Berlin, 1831.

- Wallez J.-B.* Le dernier des protocoles ou quelques chapitres de l'histoire de la Belgique. 1830—1838. Paris, 1838.
- Weyer S. van de.* Histoire des relations extérieures. Bruxelles, 1874.
- Willaert L.* Histoire de Belgique. Tournai — Paris, 1928.
- Wilmotte M.* La Belgique morale et politique (1830—1900). Paris, [19]
- White Ch.* Révolution belge de 1830. Bruxelles, 1836, v. 1—3.

Библиография

- Arnould M.* Historiographie de la Belgique dès origines à 1830. Bruxelles, 1947.
- Arnould M.* Le travail historique en Belgique dès origines à nos jours. Bruxelles, 1953.
- Belgique. Archives générales du Royaume. Bruxelles, 1955.
- Bibliographie de l'histoire de Belgique. Bruxelles, 1953.
- Bulletin critique d'histoire de Belgique. Gent, 1970.
- Bibliothèque royale de Belgique. Bruxelles, 1958.
- Capitaine U.* Recherches historique et bibliographique sur les journaux et les écrits périodique liégeois. Liège, 1850.
- Cosemans A., Heyse Th.* Contribution à la bibliographie dynastique et nationale. Bruxelles, 1958.
- Dhondt J., Arnould M.* Bibliographie de l'histoire de Belgique 1947—1949.— Revue du Nord, Lille, 1950, N 125.
- Nicodème J.* Répertoire des inventaires des archives conservées en Belgique, parus avant le 1er janvier 1969. Bruxelles, 1970.
- Pirenn H.* Bibliographie de l'histoire de Belgique. Bruxelles — Gand, 1902.
- Pirenn H.* Bibliographie de l'histoire de Belgique. Catalogue méthodique et chronologique des sources et des ouvrages principaux relatifs à l'histoire de tous les Pays-Bas jusqu'en 1598 et à l'histoire de Belgique jusqu'en 1914. Bruxelles, 1914.
- Tourneure V.* Coup d'oeil sur l'histoire de la Bibliothèque royal de Belgique. Bruxelles, 1939.
- Un quart de siècle de recherche historique en Belgique (1944—1968). Louvain — Paris, 1970.
- Weerdts D. de.* Bibliographie retrospective des publications officielles de la Belgique. 1794—1914. Louvain — Paris, 1963.

Справочные издания

- Biographie Nationale. Bruxelles, v. 1—32.
- La Belgique centenaire. Encyclopédie national, 1830—1930. Bruxelles, 1930.
- Bertelson L.* Tableau chronologique des journaux belges. Bruxelles, 1956.
- Bertelson.* Dictionnaire des journalistes-écrivains de Belgique. Bruxelles, 1960.